

Германия

- Altenau – Алтену
- Altschiet – Альштит
- Bielefeld – Билефельд
- Belingen – Белинген
- Brandenburg – Брандербург
- Walddrenna – Вальддренна
- Wern – Верн
- Wustermark – Вустермарк
- Halle – Галле
- Dalgausen-Wipper – Дальгаузен-Виппер
- Drauden – Драуденц
- Saafeld – Заафельд
- Sale – Зале
- Zrorurt – Зрорурт
- Kil – Киль
- Kolberg – Кольберг
- Kremengau – Кременгау
- Lautenberg – Лаутенберг
- Leipzig – Лейпциг
- Lik – Лик
- Metalit – Металит
- München – Мюнхен
- Hemsdorf – Немсдорф
- Noischerlic – Нойштрейлиц
- Ordensburg – Орденобург-Конгофе
- Osterod – Остерод
- Pipe – Пипе
- Pleswic – Плесвиц
- Rewendburg – Ревенбург
- Ronfeld – Ронфельд
- Straksund – Стральзунд
- Flossenburg – Флассенбург
- Flenzburg – Фленцбург
- Forgait – Форгайт
- Ham – Хам
- Hebnitz – Хебнец
- Stuttgart – Штутгарт
- Aisenach – Эйзенах
- Enzes – Энцес
- Exterdingen – Экстердинген
- Berlin – Берлин
- Dessau – Дессау
- Dresden – Дрезден
- Duisburg – Дуйсбург
- Kassel – Кассель
- Kenzberg – Кенцберг
- Hazburg – Гацбург
- Herda – Герда/Гердавян
- Kernen – Кernen
- Kirchmaier – Кирхмайер
- Klewe – Клеве
- Kirchmaier – Кирхмайер
- Enzesdorf – Энцесдорф

Künzbeck – Кюнзбек, *Lautenberg* – Лаутенберг, *Osterod* – Остерод, *Buchenwald* –

Бухенвальд, *Ordnburg* – Орденобург-Конгоф, *Dachau* – Дахау, *Pilau* – Пиллау,

Ravensbrück – Равенсбрюк

Пруссия Preußen

- Breslau – Бреслау
- – Бунцлау
- Königsberg – Кенигсберг
- – Захсен

Австрия Österreich

- – Линц
- – Энцесдорф
- Wien – Вена

Малолетние заложники войны 1941–1945 гг.:

живые свидетельства Беларуси

Minderjährige Kriegsgeisel 1941–1945:
lebendige Zeugnisse von Belarus

Беларусь

- Витебск-5-й полк: концлагерь – Regiment 5
- Бобруйск – Bobrujsk
- Могилев – Mogilev
- Минск: Минское гетто, Малый Тростенец: лагерь смерти – Trostenec
- Молодечно: шталаг-342 – Molodetschno
- Кличев – Kliczev
- Порохонск: лагерь – Porohonsk
- Червень: лагерь – Czerven
- Борисов – Borisov
- Озаричи: лагерь смерти – Ozaritschi
- Орша – Orscha
- Скобровка: детский лагерь – Skobrovka

Латвия

- Līvāni – Любава: лагерь

Литва

- Salaspilis – Саласпилс: лагерь

Эстония Estland

- Alutis – Алитус: лагерь

Польша Polen

- Auschwitz, Auschwitz i Birkenau, Oświęcim – Освенцим (Аушвиц): лагерь смерти
- Getman – Гетман
- Belostok – Белосток: пересыльный лагерь
- Posen – Познань
- Majdanek – Майданек: лагерь смерти

Россия Russland

- Рославль: лагерь – Roslawl
- Брянск: лагерь – Brjansk

Финляндия

- Sujarovi – Суярлови: лагерь
- Vidliza – Видлица: лагерь

Чехия

- Verchlaba – Верхлаба

Минский международный образовательный центр
имени Йоханнеса Рау
Дортмудский международный образовательный центр
Историческая мастерская ММОЦ имени Йоханнеса Рау
Первомайское отделение общественного объединения
«Минское городское объединение бывших малолетних узников фашизма»

Малолетние заложники войны 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси

Минск
2011

УДК 329.18:179.8(476-25)(063)

ББК 607.409(иБел)

М62

Совет ОО «Минское городское объединение бывших малолетних узников фашизма»
выражают глубокую благодарность за финансовую помощь в издании сборника
воспоминаний бывших малолетних узников фашизма.

Редакционный совет:

директор Минского международного образовательного центра
имени Йоханнеса Рау, канд. филол. наук В. Ф. Балакирев

Руководитель Дортмундского международного
образовательного центра Петер Юнге-Вентруп (Германия)
председатель Союза белорусских еврейских общественных
объединений и общин Л. М. Левин

Председатель наблюдательного совета Минского международного образовательного
центра имени Йоханнеса Рау, профессор
Манфред Цабель (Германия)

Рецензент: д-р ист. наук, проф. П.И. Зелинский

Малолетние заложники бесчеловечной войны: живые свидетельства Беларуси
/ сост.: Г.И. Змушко, Л.И. Щеникова; под ред. К.И. Козака. – Минск: И П
Ловинов И.П. , 2011. – 220 с.

В форме воспоминаний представлены свидетельства бывших принудительных рабочих,
узников концлагерей, истории их принуждения, рабства угнанных в Германию, а также
личные документы и материалы, фотографии. В приложении решения по вопросу
принудительного труда, список бывших принудительных рабочих Первомайского района
г. Минска. Материалы предназначены для историков, всех, кто интересуется вопросами Второй
мировой войны.

© Историческая мастерская
Минского международного образовательного центра
имени Йоханнеса Рау
© составители Г.И. Змушко, Л.И. Щеникова

Оглавление

Введение	8
Посвящение	9
Общественное движение: мы – за мир, мы – против нацизма!.....	10
РАЗДЕЛ 1. ЗАЛОЖНИКИ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ 1941–1944 гг.: ТРАГЕДИЯ, ПАМЯТЬ, ИСТОРИЯ	14
Козак К.И. Германский оккупационный режим в Беларуси в 1941–1944 гг. и культура памяти войны: концлагеря, гетто, принудительный труд и исторические реалии	14
1. Культура памяти	14
1.1. Историография: концептуальность и особенности.....	14
1.2. Современная белорусская историография	18
1.3. Нетрадиционные представления об истории принудительного труда	22
2. Места рабства и принуждения: исторические реалии	32
2.1. Осуществление политики массового принуждения.....	32
2.2. Евреи в системе военного и экономического уничтожения.....	41
2.3. Женщины и дети как объект трудовой деятельности.....	50
2.4. Депортации: основные лагеря смерти, концентрационные лагеря, места принудительного содержания гитлеровской Европы.....	57
Освенцим — Бжезинка	61
Потулицы	61
Константынув.....	63
Майданек.....	64
Треблинка	66
Треблинка.	67
Хелмно.....	67
Бельзец	68
Памятники.....	69
3.2 Концентрационные лагеря	70
Берген-Бельзен.	70
Бухенвальд.	70
Гросс-Розен.	70
Заксенхаузен.....	70
Маутхаузен.....	71
Равенсбрюк.	71
Собибор.....	71
Штуттхоф.....	71
РАЗДЕЛ 2. ТОПОГРАФИЯ СМЕРТИ	80
2.1. УЗНИКИ ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ.....	80
Узники гетто и лагерей в Белостоке, Витебске, Кличеве, Минске, Могилеве, Скобровке.....	80
Денисов Александр Дмитриевич.....	80
Домасевич Владимир Васильевич	82
Жук Аркадий Павлович	83
Жук (Изох) Людмила Федоровна.....	83
Жукова Мария Иосифовна	83
Константинович Нелли Игнатьевна.....	87
Сапун Ираида Захаровна	87

Семенова (Лашис) Галина Францевна	88
Скачек Анатолий Васильевич.....	89
Чеховская (Юркова) Ольга Васильевна	90
Юрцевич Николай Иванович	90
Узники лагеря смерти «Озаричи»	90
Брюховецкая Мария Николаевна.....	90
Букас Мария Мартиновна	91
Гуленкова (Лазутина) Ольга Герасимовна,.....	92
Гуленков Константин Григорьевич.....	92
Дайнеко Михаила Даниловича	93
Дышлевич (Шинкевич) Сусанна Васильевна	93
Лапуцкая (Барановская) Антонина Николаевна.....	94
Филипчик (Мороз) Анна Акимовна.....	94
Узники концлагеря « 5-й Витебский полк»	96
Антонов Иван Петрович,.....	96
Быков Петр Федорович.....	97
2.2. ВОСПОМИНАНИЯ УЗНИКОВ КОНЦЛАГЕРЕЙ, СОЗДАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ, УКРАИНЫ, ЛИТВЫ, ЛАТВИИ, ЭСТОНИИ.....	103
Змушко (Денисевич) Галина (Геннадия) Игнатьевна	104
Кочанова Александра Григорьевича	105
Кулаков Дмитрий Дмитриевич	106
Марченков Михаил Михайлович.....	109
Рогач (Кузнецовой) Татьяны Алексеевны.....	109
Раковец (Гришунина) Екатерина Васильевна.....	110
Черников Николай Сергеевич.....	111
Туболец (Дегтярова) Лидия Яковлевна, Харлан Нина Яковлевна.....	111
Шевцова (Абополова) Светлана Андреевна.....	115
2.3. УЗНИКИ ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ И КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ В ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ, ПОЛЬШЕ	116
Вежновец Александр Савельевич	116
Довнар (Власовец) Нина Ивановна.....	116
Корзун (Козлова) Нина Борисовна.....	117
Корхов Иван Кириллович.....	118
Мельникова Людмила Кирилловна.....	119
Олин Игорь Анатольевич.....	121
Петровская Таисия Эдуардовна	123
Сидорова (Гуз) Мария Харитоновна	124
Страузова (Горгинская) Мария Николаевна.....	127
Трезкова (Пдольская) Галина Васильевна	130
Трусов Леонид Романович	131
Шандалова (Овсянникова) Светлана Максимовна.....	131
Шендик Нина Григорьевна.....	137
РАЗДЕЛ 3. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ НА ФАБРИКАХ И ЗАВОДАХ.....	138
Агарок (Матвеева) Татьяна Васильевна.....	138
Адамейт Валентин Карлович	138
Азаренко (Манецкая) Тамара Алексеевна.....	139
Витковский Виктор Афанасьевич.....	139

Волчков Роман Давидович	140
Вырвина (Дегтярева) Евгения Михеевна.....	141
Гиль (Курлан) Майя Ивановна	142
Гурская Ольга Кирилловна.....	142
Григорьева Антонина Владимировна	143
Довнар Людмила Яковлевна.....	144
Дылейко Вера Ивановна.....	144
Дьяченко Иван Степанович	145
Желабкович Ольга Петровна.....	145
Зеленина (Завгородняя) Идея Михайловна	146
Козловский Иосиф Иванович.....	147
Козловский Арнольд Михайлович.....	148
Конопацкая Валентина Терентьевна.....	148
Коршук Евдокия Евсеевна.....	149
Щедрова (Костюченко) София Степановна	150
Кищук София Семеновна	150
Лакоза (Кулибаба) Нина Степановна.....	150
Линник Александр Петрович.....	151
Лобкова Мария Игнатьевна	151
Маль Леонида Павловна.....	152
Лужков Павел Германович	152
Лынова Октябрина Сергеевна	153
Мазур Елена Николаевна	153
Майсинович (Концевая) Раиса Сергеевна	153
Мешкес Нинель Францевны	154
Михайловский Михаил Михайлович.....	156
Надевская Елена Ивановна	157
Николайчук Галина Павловна.....	157
Пашкевич Евгения Андреевна.....	158
Петрова Мирослава Яковлевна	158
Петрович (Курленкова) Ядвига Ивановна	160
Подерячева (Носикова) Мария Петровна	160
Поминова Любовь Макаровна.....	160
Попковский Мечислав Анатольевич.....	161
Романова (Симанович) Галина Григорьевна	162
Сезень Николай Григорьевич.....	164
Сидорма (Савкова) Жанна Юзефовна.....	164
Таболина Александра Федоровна.....	165
Юхнович (Швендик) Анна Михайловна	166
3.2. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.....	167
Галуза Галина Карповна.....	167
Давыденко (Ринейская) Зоя Викентьевна	167
Демянчик Бернарда Бернардовна	170
Жизневская (Барковская) Леонида Владимировна.....	170
Жупинская Нина Семеновна, Норко Анна Семеновна.....	171
Каренская-Баркун Елена Иосифовна.....	172
Кищук София Семеновна, ...	172
Клышко Елена Дмитриевна.....	172

Коваленко (Хованская) Нина Васильевна	173
Крылова (Кручонок) Елена Ивановна	174
Левин Иван Михайлович.....	174
Лисицына Евгения Иосифовна	174
Манкевич Галина Федоровна.....	175
Неверович (Шабловская) Жанна Ксаверьевна	175
Нефедова (Климкович) Раиса Александровна	176
Павловец Анна Кирилловна.....	176
Парабкович (Купчинская) Тамара Дмитриевна, ...	177
Зубковская (Купчинская) Валентина Дмитриевна	177
Саченко Филипп Борисович.....	177
Серко (Кишкурно) Елена Антоновна.....	177
Хорошев Михаил Павлович.....	178
Цыганкова Прасковья Ивановна, ...	179
Цыганков Юрий Петрович	179
РАЗДЕЛ 4. УЗНИКИ КОНЦЛАГЕРЕЙ, ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ –	
УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	180
Билецкая Зинаида Филипповна	180
Бойкачев Василий Семенович	180
Вагина (Савич) Жанна Леонтьевна.....	181
Глядко Наталья Афанасьевна	185
Глядко Наталья Афанасьевна, ...	186
Лукьянов Георгий Иванович.....	190
Шамота Николай Федосеевич	191
РАЗДЕЛ 5. МОСТЫ И ДИАЛОГИ ПАМЯТИ: ВОЛОНТЕРСКАЯ РАБОТА	193
Управление образования Администрации Первомайского района ГУО СОШ №137197	
ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНИКОВ СШ № 137	
ПЕРВОМАЙСКОГО РАЙОНА Г. МИНСКА	200
ЛУЧШИЕ РАБОТЫ УЧЕНИКОВ СОШ № 137, ПОБЕДИТЕЛЕЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ	
КОНФЕРЕНЦИЙ	203
Подвиг новогрудских сестер	203
Дневник волонтера Бруй Алексея	213
Святые.....	229
Ласоцкая К., Банникова Е.....	233
Заключение.....	235
Приложения.....	236
Список изданий бывших узников концентрационных лагерей, гетто, принудительных рабочих	
.....	244
Приложение	247
Война	247
Фотографии на память.....	249
Бывшие узники концлагерей и принудительные рабочие Первомайского района г. Минска	250
Детские рисунки о войне.....	254
Участие в общественной жизни	261

Введение

Это пожалуй первая книга в Беларуси, где совсем молодые люди – школьники, вместе с учителями собрали важный материал о тех, кто испытал на себе принуждение и неволю. О тех, родных и близких, кто не выдержав сложных испытаний, погиб. В безмолвии памяти них перемены наступили лишь в конце 1990-х годов. По итогам белорусско-немецкого проекта «Мосты памяти» общественным объединением малолетних узников нацизма из Советского района г. Минска (рук. Екатерина Люлькина) на основе собранных воспоминаний был издан первый выпуск серии Исторической мастерской «Живые свидетельства Беларуси». Далее, аналогичное издание Ленинской районной общественной организацией г.Минска (рук. Лариса Александренко). Сейчас - третий оригинальный выпуск, где ученики при посещении, к сожалению, немногочисленных свидетелей - бывших узников гетто, концентрационных лагерей, принудительных рабочих в диалоге приобретали опыт общения. Пожалуй, это новый стиль волонтерской работы по сохранению социальной памяти. Это школа воспитания на жизненных примерах прошедших тяжелое военное время, испытавших на себе сталинистскую антигосударственную политику. Это продолжение открытого и публичного разговора о долге и ответственности, детях и взрослых, большой и малой родине. Примеры искренней дружбы, любви, верности, сопереживания – идут параллельно с разрушением, насилием и безответственностью. Это посвящение живым и умершим, тем, кто ценою невероятных страданий и жертвенности выжил, боролся и победил в одном строю освободителей солдат, партизан, подпольщиков. Нам еще много надо сделать для возвращения памяти людей потерявших свое детство. Теперь им слово...

Руководители проекта:

директора Минского международного образовательного центра имени Иоханнеса Рау Виктор Балакирев и Астрид Зам,
управляющий Дортмундским международным образовательным центром
Петер Юнге-Вентруп,
председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и
общин Леонид Левин

Посвящение

Книга посвящается живым и умершим, тем, кто ценою беспримерного мужества, невероятных страданий и величайшей жертвенности выжил в этих нечеловеческих условиях фашистского геноцида и сохранил веру в победу над самым страшным за всю историю человечества злом, грозившим гибелью всему живому на свете.

Это книга исторической памяти, которую сохранили люди разных поколений: от поколения фронтовиков, от поколения «детей войны» и послевоенного поколения до сегодняшних молодых, уже правнуков и праправнуков победителей.

Книга сегодня как никогда раньше становится остроактуальной, жизненно необходимой, поскольку никогда прежде еще не было в мире такой остервенелой ненависти к нашей Победе, к нашей истории, к солдату-победителю.

В годы Вашей молодости Вы стали жертвой страшного преступления. Во время войны Вы были вывезены из родного дома, Вас заставили выполнять принудительную работу. Мы хорошо понимаем, что Вы хотели бы забыть это тяжелое время и не вспоминать его. В то же время, Ваша непростая судьба, Ваши испытания не должны кануть в лету. Тот, кто делится своими воспоминаниями о годах войны, помогает сохранить мир. Молодежь желает взять с собой Ваш исторический опыт. Контакт между Вами и волонтерами создаст эффект камня, брошенного в воду. На воде образуются круги, которые «достают» до сердца.

Н.А. Шилова, директор ГУО СОШ №137.

Возвращаться к пережитым страницам жизни всегда нелегко. А к таким, где каждая строка ранит и бережит душу, нелегко вдвойне. В этой книге опубликованы воспоминания бывших малолетних узников, кто в годы вражеской оккупации оказался со своими семьями или в концентрационных лагерях, или угнанными в Германию на рабский труд, или в иных местах принудительного содержания. Война и оккупация отняли у них детство, право на учебу и даже на саму жизнь. Но не могли, отнять светлую веру в Победу нашего народа, в силу своего духа. Они выстояли, а значит – победили!

*Л. И. Щеникова, учитель истории ГУО СОШ № 137,
руководитель отряда волонтеров;*

*Г. И. Змушко, председатель Первомайского отделения общественного объединения
«Минское городское объединение бывших малолетних узников фашизма»*

Общественное движение: мы – за мир, мы – против нацизма!

Общественное движение бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей началось в июне 1988 г. По инициативе Детского фонда и его председателя А. Лиханова и журналиста В.В. Литвинова в Киеве состоялся I съезд бывших малолетних узников фашизма, собравший 800 человек со всего Советского Союза. На нем впервые прозвучали слова признания к людям трагической судьбы – бывшим узникам нацистских концлагерей и слова покаяния за долгое молчание о подвиге выживания в жестоких условиях неволи. Об этом в 2005 г. говорили Генеральный канцлер Германии Г. Шредер, Президент России В.В. Путин и Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко в связи с 60-летием освобождения концлагеря Освенцим. В Киеве был организован Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей, который ныне является международным, объединяющим более полумиллиона бывших узников. Началась организация региональных объединений. К этому времени уже приняты были первые постановления Правительства СССР о распространении некоторых льгот участников Великой Отечественной войны на бывших малолетних узников. В Белоруссии первая встреча малолетних узников состоялась в 1989 г. Была создана Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма (БАБНУФ). В августе 1992 г. была зарегистрировано общественное объединение «Минское городское объединение бывших малолетних узников фашизма (МГОБМУФ)». Возглавил организацию профессор кафедры журналистики БГУ И.И. Саченко. Председателем Первомайского отделения ОО «МГОБМУФ» была избрана Г.И. Змушко. В районе насчитывалось 689 малолетних узников (1925–1945 г. р). Однако на 1 января 2011 г. по данным управления соцзащиты осталось из них только 384 человека, из них инвалидов 153. Членами организации остается 290 человек.

Задачами деятельности организации, как и всего движения бывших малолетних узников фашистских концлагерей, являются объединение людей общей судьбы, взаимопомощь и поддержка в отстаивании общих интересов, сохранение памяти о жертвах концлагерей, воспитание уважения у молодежи к жертвам старшего поколения во имя свободы и Мира на земле.

На первом этапе работа была сосредоточена на учете бывших узников, помощи в поиске архивных документов о пребывании в концлагерях и иных местах принудительного содержания. Наша организация делает все возможное, чтобы восполнить 50-тилетний пробел в воспитании (информировании) целого поколения (это наши дети) о положении детей во время войны. Наш хор бывших малолетних узников фашистских концлагерей

«Судьбы» создан в 2004 г. в СОШ № 137 по совместному немецко-белорусскому проекту «Песни для дела Мира». На Международном конкурсе проектов в Берлине хор занял 4-е место из 300 проектов, представленных со всей Европы. В 2008–2010 гг. был успешно реализован проект «Белорусско-немецкая помощь и морально-психологическая поддержка бывших узников, проживающих в Первомайском районе г. Минска», по которому наш немецкий партнер Герлинда Брауч, председатель клуба «Немецко-белорусская дружба Майнц – Минск» пригласила хор «Судьбы» в Германию. Для гастролей в Майнце мы подготовили программу совместно с ансамблем «Першацвет» и группой «Бревис» – преподаватели и учащиеся СОШ №13 и хор наш назывался в афишах хор «Судьбы» – хор трех поколений (бывшие малолетние узники их дети и внуки). Выступали в домах сеньоров, церквях, в королевском замке, в школе. Дали более 20 концертов. Принимали нас очень хорошо, пожилые немцы просили у нас прощения. Вышеназванный проект был реализован нами совместно с Первомайской районной организацией г. Минска общественного объединения «Белорусский союз женщин» и школой № 137. В этой школе работает музей «Дети войны», клуб «Дом без одиночества», в котором проходят репетиции хора узников и учащихся – волонтеров. Ежегодно, 11 апреля в Международный день освобождения узников концлагерей и 3 июля – в день освобождения г. Минска, проводится районное мероприятие и митинг у памятного знака на месте концлагеря ..., который находится на пересечении улиц Калинина и Я. Колоса. Бывшие узники в школах, на уроках истории, делятся воспоминаниями о пережитом в годы войны. Начиная с 1955 г., на мероприятиях поздравляем наших узников с юбилеем 50, 60, 70, 75, 80 лет и с Днем рождения - 81, 82 и т.д. А с 2010 г. стали поздравлять с Днем рождения всех членов организации на ежемесячных встречах за чашкой чая. В 2007 г. районная организация узников отпраздновала 15-летний юбилей в школе № 137. В 2008 г., в праздник «День семьи» 15 мая в ЗАГСе Первомайского района было зарегистрировано 15 супружеских пар, в которых один из супругов или оба прошли через фашистские концлагеря и прожили вместе 50 лет и более – золотые, изумрудные, бриллиантовые свадьбы. Это событие освещалось тремя каналами телевидения, а Международное общественное объединение «Взаимопонимание» через месяц, в кафе, провели презентацию и каждой паре подарили диск и комплект фотографий. В 2010 г. подобное мероприятие было приурочено к торжественному вручению медалей узникам «65 лет Победы», которое проходило в актовом зале Администрации Первомайского района. Чествовали 17 супружеских пар. На 60-летие Победы вместе с

Памятной медалью вручался знак «Узнику нацизма». Автор наш активист А.В. Скачек. В 2009 г. в доме Дружбы с зарубежными странами отмечался 5-летний юбилей хора «Судьбы». Участникам хора военком вручил медали «Непокоренные». Участие приняла председатель немецкого клуба дружбы «Майнц – Минск» наш давний верный друг Герлинда Брауч. В ноябре она пригласила хор в Майнц. В рамках празднования 65-летия Победы в ВОВ отделом культуры администрации Первомайского района, художественной галереей «VILNIUS» при библиотеке № 18 г. Минска и Первомайским отделением общественного объединения «Минское городское объединение бывших малолетних узников фашизма» был организован конкурс «Детство, опаленное войной». Предметом конкурса являлись творческие рисунки на тему страдания, боли и лишений детей войны, глазами сегодня живущих, через воспоминания участников. Так же отображения своих впечатлений, способствующих недопущению повторения тех ужасных событий. 4 мая 2010 г. лучшие работы были представлены на стенде газеты «Вечерний Минск» в выставочном павильоне, где проходил конкурс СМИ. Победители награждены дипломами и ценными подарками. Выступал хор «Судьбы». Поскольку у узников не было детства, мы стали проводить Новогодние утренники с участием Деда Мороза и Снегурочки, которые вручают бывшим детям подарочки, а нашим лежащим они развозят по домам. В этом нам помогают активисты БРСМ и Администрация. Мы принимаем участие в лыжных гонках, которые проводятся каждый год «ЛЫЖНЯ 2007, 2008, 2009...». Получают медали, дипломы, призы. Наша организация была одним из инициаторов проведения Международного молодежного форума волонтеров, который проводится в Международном образовательном центре 1 декабря, в Международный день волонтеров. – входит в состав оргкомитета форума. На III форуме волонтеров хор «Судьбы» исполнил песню «Рабіць дабро, дарыць святло», слова которой по нашей просьбе написал народный поэт Нил Гилевич, а музыку народный артист, композитор Эдуард Зарицкий. Эта песня утверждена на форуме, как Гимн Волонтеров. На I форуме принята эмблема, на II – кодекс, на III – гимн. – сотрудничает с другими общественными организациями района: организацией блокадников Ленинграда, союзом женщин, советом ветеранов, организацией Афганских вдов и матерей, обществом инвалидов; – в состав совета входит 12 человек: С.А. Журавская, М.А. Танасиенко, Ж.Ю. Сидорма, О.В. Борисенко, Е.М. Вырвина, Т.М. Гуца, В.А. Солодкина, В.Ф. Купченко, И.А. Боровик, И.С. Быкова, А.Н. Лапуцкая, Г.И. Змушко. Большую нагрузку несет наш активист А.В. Скачек Значек, мемориал и т. д.

Деятельность нашей организации была бы затруднена без помощи Администрации района, отдела культуры и идеологии, союза женщин, управления образования, администрации школы № 137 и 13, немецкого клуба дружбы «Майнц – Минск» Герлинды Брауч, ЗАО «Завод безалкогольных напитков, УП «Баркос» Бел ОИ. Информационную поддержку находим у газет «Вести», «Вместе», «Вечерний Минск», «Минский Курьер».

От имени всех членов организации приношу им глубокую благодарность!

Г.И. Змушко - председатель Первомайского отделения общественного объединения «Минское городское объединение бывших малолетних узников фашизма».

РАЗДЕЛ 1. ЗАЛОЖНИКИ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ 1941–1944 гг.: ТРАГЕДИЯ, ПАМЯТЬ, ИСТОРИЯ

Козак К.И.

Германский оккупационный режим в Беларуси в 1941–1944 гг. и культура памяти войны: концлагеря, гетто, принудительный труд и исторические реалии

1. Культура памяти

1.1. Историография: концептуальность и особенности. Проблема принудительного труда в годы Второй мировой войны в белорусской историографии является малоисследованной. В основе такого положения разные подходы к определению героизации и трагедии участников войны. На первом плане были победители – солдаты, партизаны, попольщики, не те, кому были адресованы грозные директивы, приказы, постановления о патриотизме, высоком моральном духе и готовности к борьбе против оккупантов. После политических перемен в Беларуси с 1990-х годов начался этап более широкого ее научного анализа. Историками были использованы уже известные образы военнопленных и остарбайтеров, которых российский историк П.М. **Полян** назвал жертвами двух диктатур. Неудивительно, при такой постановке проблемы характер плена и принудительного труда наравне с героизацией фронтовых событий до настоящего времени не только специалистами, но и общественностью воспринимается неоднозначно.

Война как предпосылка к уничтожению и принуждению. Первыми к рассмотрению такой важной проблемы Второй мировой войны приступили английские и американские историки. Книги **Фрида** «Эксплуатация зарубежной трудовой силы в Германии» и **Х. Гизевиуса**. В контексте оккупационной политике на востоке **Александр Даллин** концептуально представил не только военную. Но и политическую составляющую германской оккупации.

Значимый интерес в интерпретации военных событий, в частности, решений, направленных на использование дешевых трудовых ресурсов, вызывает научная позиция немецких историков. В целом, их представление направлено на понимание того, что только война являлась той предпосылкой, которая делала возможным осуществление расистских целей политики Гитлера: физическое уничтожение, децимация и превращение стоящих на пути «расы господ» народов и групп населения в рабов. В деятельности вооруженных сил Германии на востоке они выделяют ряд аспектов в политике геноцида:

- 1) руководство немецкого рейха планировало войну против СССР с целью политического господства, идеологического расового геноцида в отношении советского населения;
- 2) проведение войны предусматривалось задолго до нападения путем разработки преступных приказов и их осуществления в отношении к комиссарам и коммунистической интеллигенции;
- 3) отдельные намерения приобрело массовое убийство советских военнопленных.

Немецкие представления. Что касается немецких историков, то не вникая глубоко в суть вопросов на восточных территориях Европы, они приступили к решению использования принудительного труда немецких военнопленных на востоке. Так, первые тома о немецких военнопленных в Советском Союзе появились в 1956 г. Это 22 тома по истории плена (1962–1974 гг.). Основным источником для истории послужили десятки тысяч рассказов очевидцев, возвратившихся на родину, опросы, а также иные документы немецкого происхождения. В условиях холодной войны понадобилось несколько десятилетий прежде чем появилась одна из основных работ. Началом послужило исследование У. Герберта «Иностранные рабочие: политика и практика привлечения иностранных рабочих в военную экономику Третьего рейха».

В сжатой форме концептуальность женского присутствия в войне Бирт Кундрус в работе «Только половина истории» представлена в контексте: Женщины как жертвы оккупационной и расовой политики (женщины в борделях, военнопленные и т.д.); Женщины в оккупированных странах и их жизнь с немецкими солдатами.

Советские военнопленные. В то же время судьба советских военнопленных, оказавшихся в немецких лагерях, оставалась в основном малоисследованной до выхода книги немецкого историка Штрайта «Они нам не товарищи». После этого несколько изменилось отношение к вопросам использования труда советских военнопленных. В результате немецкими историками были определены пять причин их массовой гибели: голод, бытовые условия, перемещение, бесчеловечное обращение и, наконец, уничтожение определенных групп и категорий пленных. Практически, согласно политической программе, военнопленные должны были стать первыми жертвами нацистов, и они ими стали. Далее их жизнь была необходимой для поддержания "морали" немецкого населения. Ведь политическое и военное руководство действовали воедино по принципу, что жестокость на Востоке – это благо для будущего в мировоззренческой войне. Не удивительно, что в короткий срок вся территория Германии превратилась в лагерь для уничтожения. И первыми жертвами насилия стали военные и гражданские лица, представляющие, по мнению германского политического руководства, советскую власть. Массовому уничтожению подвергались евреи, цыгане, интеллигенция. Славянским народам предстоял выбор тотальной чистки и принудительного труда в интересах Германии.

Принудительный труд. Немецкие историки в большей степени смогли представить характер принудительного труда после появления значимых исследований У. Герберта и К. Штрайта. По ряду отдельных исследовательских направлений были представлены формы и методы эксплуатации как военнопленных, так и депортированного населения на уровне отдельных регионов, социальных групп и даже промышленных структур. В итоге на первый план вышли проблемы принудительного труда около 3 млн граждан СССР. Для большинства граждан оккупированных территорий уже в начальный период в качестве всеобщей обязанности предписывался принудительный труд. А для удовлетворения потребности в рабочих руках вербовка на основе добровольности была заменена практикой вывоза с помощью военных сил. Более того, на заключительном этапе войны (1943–1944 гг.) население прифронтовой зоны в принудительном порядке стало привлекаться к строительству оборонных сооружений. Они подлежали эвакуации, тем самым лишая резерва Красную Армию. Безработное городское население оккупированных

районов считалось обременительным военным трофеем, балластом, от которого необходимо было по возможности избавляться. Не удивительно, что, обрекая на голодную смерть или просто расстреливая наиболее ценную часть своей добычи, многомиллионную армию военнопленных, на их же родине, причем во время транспортировки их по деревням и городам – прямо на глазах у местного населения, немцы тем самым показывали, сколь мало они ценят человека и его рабочую силу.

К дополнительным факторам такого положения можно отнести перспективу ведения Германией Второй мировой войны при условии, если на третьем ее году продовольственное снабжение вермахта в целом будет полностью обеспечиваться за счет России (т.е. СССР. – К.К.). Тем не менее некоторые вопросы, такие, как неконтролируемое использование труда местного населения формированиями вермахта, убийство ослабленных, женщин и детей во время транспортировки на принудительные работы в Германию, типологизация лагерей принудительного содержания на территории СССР, остаются неизученными.

Некоторые данные массового принуждения и насилия над населением Беларуси представлены в ряде исследовательских работ. В большей части статьях и материалах Кристиана Герлаха, Бернхарда Къяри и Вольфганга Куриллы.

Российские и украинские историки и их представления. Среди обширного круга таких вопросов можно выделить ряд, получивших наибольшее внимание. Так, в книгах Павла Поляна определены главные направления оккупационной политики по отношению к советским гражданам периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Проблему репатриации советских граждан акцентирует В.Н. Земсков. О принадлежности вермахта к политике уничтожения военнопленных пишут российские историки П.В. Бахар и А.М. Ермаков. В 2000 г. опубликована пока единственная монография на русском языке о лагере 326 (VI К) Зенне М.Е. Ерина и Г.А. Хольного.

На основании новых данных в российской историографии определены показатели о вывезенных на принудительные работы 5270 тыс. человек, из которых вернулось только 2654 тыс. (451,1 тыс. восточных рабочих по разным причинам не вернулось в СССР, т.е. стали эмигрантами. Остальные погибли). В концлагерях без суда и по приговорам судов оккупантами было преднамеренно уничтожено в общей сложности 7,4 млн человек, а число преждевременно умерших от жесточайших условий жизни, созданных оккупантами, т.е. от голода, инфекционных болезней, отсутствия медицинской помощи и т.п., превысило 4,1 млн человек. Практически на всей оккупированной территории была введена трудовая повинность. Угрозой расправы удалось привлечь к работе 22 млн человек, которые в своем большинстве (20,8 млн) использовались в сельском хозяйстве.

Следует заметить, что одновременно с этими историками была начата работа по исследованию положения германских военнопленных на территории СССР. Однако в их основу был положен прежде всего информационно-документальный характер. На Украине значимым явлением стало первое в этой республике широкомасштабное исследование А.С. Чайковского о судьбах военнопленных и интернированных иностранных граждан в годы Второй мировой войны и послевоенный период. В книге раскрываются уникальные события и факты, связанные с содержанием размещенных на территории УССР в 50 лагерях и нескольких десятках рабочих батальонов почти миллиона граждан немецкой, австрийской, румынской, венгерской, польской и других национальностей. В основанной

на архивных документах работе подробно рассказывается о режиме охраны пленных и интернированных, использовании их как рабсилы, агентурно-оперативной разработке, органах следствия и суда, захоронениях погибших и умерших, репатриации и т.д. Продолжением и углублением данной темы стала монография Александра **Потильчика** о плене и интернировании в Украине (1939–1954). Полезными могут быть и представления о характере принудительного труда на близлежащих территориях Украины, общих формах принуждения населения.

Зарубежные историки о принудительном труде в Беларуси. Данная проблема – о положении военнопленных, в том числе и на примерах Беларуси, представлена в значимой работе израильского историка Арона **Шнеера**. Специальными работами по таким нетрадиционным источникам, как письма, включающими и белорусских остарбайтеров, являются **Чистовы**. Некоторые фрагменты показаны и в монографии молодого американского историка Мартина **Дина**. За последнее десятилетие вышло немало статей и отдельных изданий по истории труда советских военнопленных.

Таким образом, в поиске ответа о формах принуждения на оккупированных территориях стран Третьего рейха авторами научных работ выделено несколько проблем: территориальность нахождения и правовое положение вывезенных на принудительные работы, классификация мест принудительного содержания. Что касается первого положения, то нацистская Германия силой изменяла почти все границы Европы. Площадь немецкого рейха выросла за счет оккупации обширных территорий. Население занятых стран разделялось на «способное» и «неспособное» к германизации. В соответствии с этим проводилась политика лишения прав и депортаций. Союзники Германии, а также вновь созданные государства-сателлиты Италия, Хорватия, Венгрия, Словакия, Румыния и Болгария также получили обширные территории.

В связи с изменениями границ в период с 1940 г. по 1944 г. в нацистской статистике употреблялись различные названия для определения многих государств и регионов, а также их жителей. До начала 1942 г. данные по подневольным рабочим содержали названия национальностей, например, такие, как поляки, голландцы, «советские русские». Позже предпочтение отдавалось географическим названиям: генерал-губернаторство, Нидерланды или Югославия. С 1942 г. граждане Советского Союза проходили в нацистской статистике под названием «остарбайтеры» (рабочие с территории СССР). Согласно «Указам по остарбайтерам», опубликованным 2 февраля 1942 г. в «Бюллетене законов рейха», этот термин включал не только этнических русских, но и белорусов, украинцев, поляков, а также представителей других национальностей: «Остарбайтерами являются рабочие негерманской национальности, зарегистрированные в генеральном комиссариате Белоруссия (Weißruthenien) или в приграничных с ним восточных регионах, а также в бывших свободных государствах Латвия и Эстония, и которые [...] привлекаются здесь к труду». Протекторат Богемия и Моравия был провозглашен 16 марта 1939 г. и включал «остальную Чехию», т.е. территорию, оставшуюся после отделения Словакии и Судетов от Чехословакии. Протекторат был частью немецкого рейха. После нападения на Югославию территория Королевства Югославия была разделена и включена в состав нового «Независимого государства Хорватия», Сербии, Германии, Италии, Венгрии и Болгарии. Жители регионов, аннексированных Германией, Италией, Венгрией и Болгарией, были зарегистрированы как немцы, итальянцы, венгры и болгары.

Что касается классификации мест принудительного содержания, то акценты, связанные с их деятельностью, остаются противоречивыми в силу различного понимания историками природы германского оккупационного режима. Различия состояли в подчиненности лагерей тем или иным ведомствам, в том, кто их охранял, и в первую очередь в сильно отличающихся условиях содержания и труда. Самыми тяжелыми были условия в концентрационных лагерях и лагерях для евреев. Нами указаны пять систем лагерей. Лагерь для евреев частично охранялся. За организацию «лагерей для цыган» отвечала уголовная полиция, охрану осуществляли полицейские. Система концентрационных лагерей Маутхаузен, состоявшая из более чем 40 отдельных лагерей, – так же, как и части системы лагерей Дахау, – находилась в подчинении Инспекции концлагерей или Главного экономического и административного управления СС. За ее охрану отвечали СС и вермахт. Узников доставляли почти из всех стран Европы. Система лагерей для евреев была создана лишь в 1944 г. Эти лагеря находились в подчинении гестапо, их узники охранялись местными вспомогательными силами. Система «воспитательно-трудовых лагерей», созданная, прежде всего, для содержания иностранных гражданских лиц, находилась в подчинении гестапо и охранялась полицией. За многочисленные лагеря для военнопленных отвечал вермахт, обеспечивавший также их охрану. Географические аспекты системы лагерей для иностранных гражданских лиц пока не могут быть представлены в полном объеме. Эта система, состоявшая из сотен больших и малых лагерей для гражданского населения, была самой обширной не только по числу узников, но и по ее распространению. Почти все предприятия – от небольших мастерских и фермерских хозяйств до крупных промышленных предприятий – привлекали гражданских подневольных рабочих к принудительному труду. Охраняемые лагеря создавались, прежде всего, при крупных предприятиях в промышленных центрах.

1.2. Современная белорусская историография

Исследовательские направления. Целый ряд небольших работ, подготовленных на основе широких исследовательских программ по проблемам оккупационного режима в Беларуси, представлен в материалах республиканских научных, научно-практических и теоретических конференций. Их немного, ежегодно проходят 1–2 с участием ограниченного круга местных историков. С 2003 г. в данном процессе стало заметным участие одной из негосударственных организаций – Минского международного образовательного центра и ее Исторической мастерской. В частности, наиболее ценные материалы о принудительном труде ими представлены в качестве воспоминаний более 20 свидетелей в материалах конференции о женщинах, 15 – в материалах о германском оккупационном режиме в Беларуси.

Попытка историографического анализа о плене представлена В.И. Кузьменко. В системе германского оккупационного режима в Беларуси тематические обзоры представлены в статьях К.И. Козака. Еще одна попытка историографического анализа о принудительном труде в годы Великой Отечественной войны представлена в значимом коллективном труде А.М. Литвиным. Следуя советской модели им представлены информационно составляющие в работах И.С. Кравченко, П.П. Липило, Р. Обловой, А.И. Залесского, коллективных монографиях по истории всенародного партизанского движения, а также небольшой брошюре Р.А. Черноглазовой и трехтомном

коллективном труде документов и материалов о принудительном вывозе населения на рабский труд в Германию и Австрию.

Тем не менее следует выделить среди новых исследовательских направлений – первое системное исследование Евгения **Гребеня** о принудительном труде населения Беларуси в годы германской оккупации. Им впервые в контексте проблемы выделены материалы о принудительном труде еврейского населения, деятельности коллаборационистских белорусских профсоюзных организаций как наиболее эффективном механизме оккупационных органов по эксплуатации трудовых ресурсов. Еще один молодой историк Александр **Долговский** в магистерской работе представляет категории принудительного труда на территории Беларуси: 1) Местная трудовая сила, которая принудительно привлекалась военным командованием или гражданскими органами на короткий срок для разных работ, как подготовка окопов, очистка дорог, уборка снега и расчистка завалов; 2) Местная трудовая сила, расположенная в стационарных лагерях или привлеченная к работам в рамках деятельности отделов по организации трудовой силы при немецких дивизиях или выполнению постоянной работы на производстве, заготовке торфа, валке леса или на строительных работах в организации Тодта; 3) Трудовая сила из числа евреев, военнопленных или цыган, которая привлекалась военными или гражданскими органами немецкой власти для выполнения отдельных работ с целью использования безжалостной эксплуатации для уничтожения этой категории людей; 4) Местная трудовая сила, которая неоднократно привлекалась немецкими службами на кратковременные работы на оккупированной территории Беларуси.

В совокупности анализа работ по данной теме можно выделить и небольшого формата статьи Г.Д. **Кнатъко**, М.А. **Бондаренко**, В.И. **Лемешонка**, А.А. **Ковалени**, С.Е. **Новикова** и др. Молодым историком Ириной **Николаевой** обозначено направление женского принудительного труда как одно из наиболее приоритетных в современной белорусской историографии. В содержательной работе о белорусах в польских формированиях Юрий **Грибовский** обращает внимание на судьбы военнопленных – белорусов в составе Польской армии в 1939–1945 гг. Формат такой проблемы был еще ранее обозначен профессором А.В. **Шарковым** при исследовании проблемы о немецких военнопленных и интернированных на территории Беларуси.

Детские дома. Некоторые детские учреждения периода оккупации стали объектом специального рассмотрения. В частности, дети-сироты Червенского приюта, детский лагерь в районе станции Крынки (Лиозненский р-н) и другие. Практически, свидетельские показания подростков и детей из гетто стали определяющими в истории детских приютов и домов. В итоге, данное исследовательское направление было обозначено значимой работой белорусского историка В.П. **Павлова**, в основе которой – краткая история детских домов и свидетельские воспоминания. Кроме этого, Зинаиде **Никодимовой** – бывшей узнице Минского гетто, воспитаннице детских домов в оккупированной Беларуси, затем в Германии и России – удалось привлечь внимание общественности к проблеме воссоздания процесса отправки в Германию, онемечивания и репатриации белорусских детей. Нередко и в отдельных мемуарных изданиях говорится не только о военном детстве, но и о проведенном времени в детских приютах, детских сиротских домах. К таким можно отнести воспоминания бывших узников Минского гетто Майи **Крапиной**, Иосифа **Гави** и других. После долгих лет воссоздаются картины

прошлого и свидетелями детского принудительного труда, вывезенных вместе с родителями в страны Третьего рейха. В их числе, малолетний узник М.Т. **Кузнецов**. Структурируя противоправную политику Германии в отношении детей на Востоке, авторы представили и некоторые материалы о вывезенных в лагеря Польши или Германии белорусских детях. Немецкий историк Бернхард **Къяри** представил состояние воспитанников детских домов на территории Беларуси как нищенское и незащищенное, а Кристиан **Герлах** – действия против детей как целенаправленные военные действия по их уничтожению.

Хатынь как место принуждения смерти. С 2010 г. усилиями участников проекта о статусе жителей сожженных деревень обрисована еще одна очень важная деталь. При осуществлении карательных операций против партизан германскими оккупационными органами осуществлялся целый ряд мер по ограничению части населения, временному нахождению под арестом, фильтрации и затем убийству или сожжению. В основном данное соотнесено к женщинам, старикам и детям. В определенной мере это способствовало тому, что данный фактор был соотнесен только к геноциду белорусского населения, а не комплексного видения принудительного содержания и тотального убийства. К таким материалам необходимо отнести книги «Трагедия белорусских деревень, 1941-1944»,

Сопоставляя данные, можно заметить разные уровни авторских отношений и то, что кризис доверия в белорусском обществе еще не преодолен. Ведь страдания военнопленных и принудительных рабочих не кончались после войны. Многие из них были вывезены в сталинские лагеря за то, что вопреки принятой присяге не боролись до конца, а принудительные рабочие – за то, что сотрудничали с врагом. Их судьба оставалась запретной темой. В учебном процессе познавательная деятельность школьников о войне пока остается на фоне раскрытия героико-патриотических форм в деятельности руководящих партийных и советских органов, Красной Армии, партизан и подпольщиков – всех, кто сражался и победил. Учитывая, что наличие директив и подтверждающих документов германского командования может служить доказательством существования того или иного типа мест принудительного содержания, в Беларуси ряд мест так и не нашли подтверждения своего международного статуса (лагерь смерти Тростенец, Озаричи и др.) по причине отсутствия или тщательного уничтожения подтверждающих документов.

Среди других проблем – отношение к партизанам и их зонам. Согласно приказу ОКВ от 18 августа 1943 г., все встреченные в районе операций по борьбе с бандами (партизанами. – К.К.) объявлялись военнопленными и большей частью вывозились на принудительные работы в Германию. И если партизаны расстреливались, то отношения партизан и представителей оккупационных властей в период 1941–1943 гг. имели такую же тенденцию для немецких пленных – их уничтожение на месте, дабы не иметь лишних забот по организации питания, снабжения и сохранения маневренности и секретности (только небольшая часть из них вывозилась в тыл для последующей оперативной обработки).

Актуализирована и проблема широкого привлечения к принудительному труду населения на оккупированной территории Беларуси. Так, по представлениям А.М. **Литвина** более 1,6 млн жителей Беларуси в разной степени привлекались к принудительному труду на территории Беларуси. Однако в историографии такие важные

и часто встречающиеся понятия как «трудовая повинность», «принудительный труд», «добровольный труд» по мнению автора имеют существенные различия и представления.

Документально-источниковедческий ресурс. На основе известных белорусскому исследователю материалов идет информационное углубление понимания характера проблемы. Определенные тенденции историографического характера заметны с началом издания 146-томной историко-документальной Хроники Память. Практически с середины 1980-х годов оно могло выполнить роль главного разработчика проблемы. Однако анализ представленных там материалов показывает их невысокий научный уровень, но при значительной краеведческой содержательности. В рубриках “Рассказы очевидцев”, “Дакументы сведчаць” представлены материалы бывших узников и комиссий по расследованию преступлений германских оккупантов. Они в различной степени и фрагментарно характеризуют структуру организации, положение военнопленных, событийность и статистику. Среди таких мест областные и районные города Гомель, Гродно, Орша, Жодино и др.

Обобщенный материал, как и по отдельным лагерям, содержится в энциклопедическом издании “Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне”, “Энцыклапедыя гісторыі Беларусі”, “Беларуская энцыклапедыя”.

Несколько активизировано направление литературного представления свидетельских признаний бывших узников лагерей в Германии.

Тема принудительного труда в Германии, Австрии и других странах Европы в связи с положением о выплатах бывшим принудительным рабочим стала актуализироваться с конца 1990-х годов. Семейные архивы, документы и материалы обрели живучесть в описании событий бывших узников гетто – дочери и матери Клары (Лели) и Берты **Брук**, Рахили **Рапопорт**, Берты **Меломед** и Хаси **Пруслиной**. Попыткой решения многочисленных малоисследованных вопросов стала книга коллектива авторов «Вяртанне ў рабства». Обозначив современные тенденции как “схованная праўда” авторы отметили в них два важных аспекта – государственные документальные материалы и личные свидетельства. Что касается первого, то по авторским представлениям это работа перспективы, что касается второго, то здесь необходимо очень бережное отношение к собранным крупицам свидетельств.

Наиболее значимым результатом работы является издание справочника о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси сотрудниками архивной службы во главе с руководителем Государственного комитета по архивам и делопроизводству В.И. **Адамушко**. Дополнительная информация имеется и в путеводителе “Документы по истории Великой Отечественной войны”, однако отсутствие тематического направления по данной проблеме не позволило выделить документы ее из его общего контекста. Полезным является и справочное издание о лагерях советских военнопленных, которое содержит систематизированные сведения о лагерях на территории Беларуси. Вызывает только сожаление, что данный материал не носит характер завершеного научного издания и требует доработки и значительного расширения.

К внутренним аспектам научного исследовательского плана следует отнести вопросы: Анализ зарубежной, советской, белорусской историографии; Источниковедческие аспекты; Правовые основы и их практическое осуществление; Классификация лагерей и

категорий заключенных; Особенности функционирования лагерей на территории Беларуси и Западной Европы; Методы и формы уничтожения; Персоналии: преступники и их жертвы; Состав потерь; Охрана лагерей; Организация питания, медицинского обслуживания; Методы и формы пропаганды; Использование военнопленных в германских антисоветских формированиях; Внутренняя и внешняя помощь; Сопротивление в лагерях; Советский плен после германского плена (об истории 500 тыс. бывших военнопленных осужденных советскими судами).

В этот период в силу значимого общественного внимания к проблемам принудительного содержания граждан оккупированных стран и денежной компенсации источниковое направление работ с середины 1990-х годов стало в ряде приоритетных в научно-исследовательской работе архивных учреждений Беларуси. Усилиями сотрудников Национального архива Республики Беларусь, и прежде всего Г.Д. **Княтько** и В.И. **Адамушко**, на основе республиканских и местных архивов был подготовлен ряд сборников документальных материалов и справочников. Таковую же направленность имеет книга “Вяртанне ў рабства”, в которой немало документальных материалов в разделе «Прымусовая праца ў лютэрку дакументаў» представлено впервые. В итоге расширена не только информационная часть по данной проблеме, но и введены или уточнены научные понятия мест принудительного содержания: концентрационный лагерь, гетто, тюрьма, лагеря у переднего края немецкой обороны, лагерь гражданского населения, трудовые, пересылочные, детские, смешанные лагеря, рабочие колонны, рабочие роты и рабочие батальоны, различного рода арестные помещения (дома), сборные пункты для отправки мирного населения на принудительные работы в Германию, камеры предварительного содержания и др.

Что касается документального материала, то, к сожалению, госархивы Беларуси не располагают списками лиц, содержащихся в лагерях на оккупированной территории Беларуси. В определенной степени осмыслением таких задач заняты как историки, так и непосредственные свидетели трагических последствий. Так, в 2009 г. коллективом авторов была издана книга «Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси», в основу которой положены: краткий очерк по истории нацистского порабощения белорусского народа, лагеря смерти Освенцим – как одного из характерных мест массового уничтожения в годы Второй мировой войны, 154 воспоминания бывших узников этого лагеря и их фотодокументальные материалы. Несколько расширен был диапазон рассматриваемых вопросов во втором, дополненном издании – 222 воспоминания.

1.3. Нетрадиционные представления об истории принудительного труда

В белорусской историографии непосредственно авторские воспоминания бывших жертв нацизма привлекают к себе особое внимание. По условиям нахождения в местах принудительного содержания как на территории Беларуси, так и за ее пределами можно разделить на три группы: первая – узники лагерей смерти, вторая – узники концентрационных лагерей, гетто, третья – принудительные рабочие. Принятые среди историков классификационные характеристики мест принудительного содержания в некоторой мере помогают систематизировать материалы.

Лагеря смерти. Начало исследованию темы принудительного труда в Беларуси было положено оригинальным изданием трех узниц Освенцима Надежды **Цветковой**, Зинаиды **Лишаковой** и Анны **Тринда**. Однако этот почин не был поддержан историками. Лишь

некоторыми любителями истории в ходе кропотливой работы были собраны, а затем изданы материалы с воспоминаниями, в том числе и по Беларуси. Одним из таковых стал украинский представитель **В. Литвинов**. Другим представителем является российский собиратель Леонид **Аникеев**. В книге «Тайна фашистских концлагерей» им представлено 64 воспоминания. Лишь с выходом в 2009 и 2010 гг. двух книг «Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси», где представлено 222 воспоминания, можно определить началом исследовательского этапа по истории белорусских узников в лагерях смерти.

Концентрационные лагеря и гетто. Свидетели пробовали рассказать о своем прошлом. Одним из первых о Холокосте рассказал бывший узник Минского гетто Гирш **Смоляр**. Его книга «Мстители гетто» вышла в 1947 году. Однако начинание не было поддержано историками. Лишь с 1990-х непосредственными участниками трагического прошлого - узниками концентрационных лагерей, гетто представлена большая часть материалов с воспоминаниями. Это в большей части относится к свидетельствам по истории Холокоста. Среди таковых авторские воспоминания бывшей узницы Минского гетто Галины **Давыдовой**, испытавшей принудительный труд в Германии и Франции, Михаила **Трейстера** - о заточении в Минском гетто, концлагере на улице Широкой, а также немало числа свидетельств нацистского отношения к еврейскому населению.

Не историк, но жертва финских концлагерей Николай **Денисевич** впервые на основе личных переживаний и собранных документов из архивов Петрозаводска и Подольска поведал о белорусских семьях, которые накануне войны в 1940 г., следуя призыву, переехали на новое место жительства в Карело-Финскую ССР. Так как это территория была получена в ходе советско-финской войны, то переселенцы уже с момента оккупации от финских властей получали особый статус – за проволокой Хепосуо. К сожалению, пока тема не получила дальнейшего развития, но гражданский долг о сохранении памяти о еще одном типе финских лагерей, бывший узник в своем повествовании выполнил.

Собранные материалы Ольги **Нехай** о тюрьмах, концлагерях и местах принудительного содержания в Беларуси и Германии детализируют немало положений о состоянии женщин в местах заключения.

Принудительные рабочие. Отдельное направление имеют работы по сбору и обработке собранных материалов среди бывших принудительных рабочих. Так, несколько выпусков книг «Пуховщина помнит... Воспоминания о войне» было издано при помощи краеведа, бывшего малолетнего узника Николая **Гурина**. Вызвала интерес среди читателей работа бывшей принудительной рабочей в Австрии Натальи **Поляковой**.

Бывшая малолетняя узница Мария **Жукова** представила историю вне Минского гетто в городском детском доме, где боролись за спасение, в том числе и детей еврейской национальности.

В основном такую тему время от времени поддерживали на страницах периодической печати немалое число публицистов и журналистов. Наиболее полно такие вопросы были освещены в двух изданиях книги «Война и украденные годы: живые свидетельства Беларуси», где задокументировано около 60 воспоминаний.

В основе таких представлений наибольшее значение имеют не только информационные характеристики, но и социальный характер труда, депортаций и репатриаций, уровни потерь, включая период адаптации послевоенного времени. Вот некоторые реалии повседневности:

Мотивации отбора. Как попали жители Беларуси в Германию, по какой причине и по поводу? Много причин и обстоятельств. Вот некоторые из них. Районный уполномоченный по сельскому хозяйству в Воложине о действиях батальона **Дирливангера**, отмечает тот факт, что даже сотрудничающие с оккупационными органами наравне с другими категориями населения были угнаны на принудительные работы: «Из этого населенного пункта (Першай. – К.К.) были направлены в империю на трудовые работы следующие лица: все работники государственного хозяйства, все служащие общинного управления, все рабочие и служащие молочного завода, а также все трудоспособное население этого населенного пункта.

Мои просьбы оставить людей, необходимых для дальнейшей эксплуатации государственных хозяйств и молочного завода, а также для управления общиной, оказались безуспешными. Освобождены лишь бухгалтер и заместитель бургомистра, а члены их семей (женщины) не освобождены. Весь находившийся в стойлах скот был застрелен, сожжен или же уведен в качестве трофеев батальона Дирливангера».

В основном мирное население на протяжении первых полутора лет забирали планомерно, а 1943–1944 гг. хватали всех во время массовых карательных акций, особенно из партизанских зон. Практически ничто не могло служить обоснованием для изменения решения оккупационных, особенно карательных, органов о массовом принудительном труде на благо германской нации и ее победы.

*Война вносит первые жизненные перемены. Антонина Лапуцкая уже с первых дней войны обращает внимание на трагические перемены в жизни «Войну я встретила маленьким ребенком. Мама умерла в 1939 г., а отца в 1941 г. забрали на фронт. Он погиб. Нас осталось четверо детей». Нина Довнар (1927 г.р.) «Отец в 1933 г. был репрессирован. Мать в 1937 г. была арестована, затем ее отпустили. Сестра умерла в 1929 г., я попала в детдом № 5 г. Минска. Во время войны детдом эвакуировали в д. Дукоры Минской области. Оттуда немцы направили меня в детдом в местечко Острошицкий Городок». Несколько схожа судьба и Марии **Страузовой**, которая впоследствии побывает в женском лагере Равенсбрюка и Лаутенберга (1927 г.р.). «В 1937 г. я и мои родители были репрессированы. Вначале отец был арестован, а месяца через два ночью приехала крытая машина и арестовали маму, а вместе с ней и нас, детей. Вначале нас очень часто перемещали с места на место и почему-то все время селили в подвалы, где было очень сыро и холодно. Я вместе с мамой находилась в нескольких тюрьмах и подвалах в Хмельницкой обл. в 1938 г. Потом нас от родителей забрали. Вначале мы находились в детприемнике на территории тюрьмы. А в 1938 г. нас направили в Весновский детдом Глусского района. Больше никто из нас не видел своих родителей». Елена **Серко** из д. Рассохи еще до вывоза на принудительные работы «В 1942 г. в нашей деревни стали жить партизаны. Весной приехал карательный отряд. Люди начали убегать, но фашисты догнали и всех расстреляли. Там погибла моя бабушка, ей было 65 лет. А ровно через полгода с самолета расстреляли и маму, ей было 42 года. После ее смерти остался малый ребенок, ему не было еще и двух лет. Отца тоже не было, я осталась самая старшая – мне было 16 лет».*

*Дом сожжен, остаемся одни. Малолетние Ольга и Константин **Гуленковы** – жители д. Копани (Чаус. р-н) так начинают свой рассказ «Пришли немцы и нашу деревню сожгли.*

Кто оставался в деревне (старики, больные), погибли заживо в огне. По доносу предателей немцы устроили облаву, собаками гнали нас из леса, как скот. Олину маму фашисты расстреляли, а сестра умерла от тифа. Оля осталась одна и Костина мама взяла ее к себе». Мария **Лобкова**: - «В 1942 г. немцы сожгли нашу д. Толоча. Все старики и дети ушли в лес и жили в землянках до 1944 г. Потом к нам пришли немцы, убили дедушку, мамину сестру с двумя детьми, а маму и меня с сестрой взяли в плен и отправили в Германию». Филипп **Саченко** из д. Великий Бор (Хойницкий р-н) вспоминает: «5 июня 1943 г. немцы окружили нашу деревню. Больше 100 человек загнали в колхозный сарай и сожгли живыми. Остальных жителей погнали на станцию, посадили в товарные вагоны и отправили в Германию». Анна **Филипчик** из д. в ноябре 1943 г. в составе 5 человек остается без средств существования. «Погорельцев согнали в один маленький домик (всего семнадцать человек). В одной комнате среди взрослых было 9 детей от одного месяца до 9 лет, мне было 15 лет. Спали на полу взрослые и дети. Так жили до марта 1944 г.». Павел **Лужков** (1927 г.р.): «Тех, кто не успел уйти, убивали. Деревню Замостье сожгли».

Начало пути. Сусанна **Дышлевич** не может забыть о первых шагах этапирования. «Шел старик. Видимо, у него не хватало сил идти дальше, и он упал. Его подняли, он опять пошел. Вдруг к нему подошел немец и застрелил его. Все это происходило на моих глазах». По словам Марии **Брюховецкой** (1937 г.р.) на пути в лагерь Озаричи «нас погрузили в вагоны. Они были без окон, и мы смотрели в щели. Было душно, воды не было, старые люди падали в обморок, дети плакали. Маме не разрешили нас одеть, и мы были в резиновых сапогах на босую ногу. Дед и мама накрывали нас одеждой, снятой с умерших людей. Как мы выжили за эти две недели, сейчас не понимаю. Спасал дед, давая по кусочку сахара. Умерли 4 ребенка и моя сестра. Где похоронены – не знаю».

О потерях во время пути говорят многие. Вот некоторые из них. Капустина (Куренец) Л.И. из д. Дряжно (Суражский р-н): «В конце августа 1943 г. нас снова посадили в товарные вагоны станции и повезли. Дорога оказалась длинной и мучительной. На всех бросали буханку хлеба и пачку маргарина. Всем хотелось есть. Остановки необходимы были, чтобы избавиться от умерших. Они были на нашем пути. Вот и наш братик Коля совсем ослаб и его еще живого выбросили на груды камней. Мама кричала, но все было бесполезным. Дверь закрылась и поезд тронулся. Теперь нас из шестерых осталось четверо».

Отбор и новые впечатления. Нередко в новых условиях многие не выдерживали. По свидетельству Ивана **Антонова** и Петра **Быкова** в Крынках - месте нового расположения вывезенных из Витебска причиной расстрела явилось то, что «женщина не выдержала лагерной жизни – потеряла рассудок. Она беспрерывно сновала по лагерной территории, все показывала, целуя, фотографию мужа – красноармейца и

кричала, обращаясь к полицейям, что скоро возвратится ее любимый, и всем им, предателям, непременно отомстить».

Подготовка к работе, обязанности и первые впечатления. В разные места попадали вывезенные на принудительные работы жители Беларуси. Одна из них, Нина **Корзун** (1927 г.р.) прошла вместе в составе семьи из 5 человек Освенцим и так определяет свое отношение «Мы выполняли все работы, подчинялись, потому что хотели ЖИТЬ».

Особые приметы и новые традиции. На новое прибывшие сразу же обращали внимание. Зачастую в поле их зрения попадали повседневные, но необычные вещи и представления. Роман **Волчков** (1927 г.р.) неожиданно для себя ощутил одну из особенностей в отношении. «Господин Видеман, это он командовал нами, взял одного полицейя. Тот был старше меня, года с 20-го, и знал немецкий язык. Он командовал и наказания выносил. Я, как видите, черный, на жида похож. Он мне кричал «Юде!» А я кричу: «Найн». Их вайе русиш!» А он меня бил по голове, чтобы я говорил правду».

Жизнь в неволе и язык общения. Своеобразные женские истории передают слова переписки из мест принудительного содержания. Они, как правило, написаны девушками или обращены к женщинам – матерям, сестрам, и в основном передают личностные ощущения, печаль, тоску посредством особого поэтического языка.

Анна **Журавская** из финского лагеря Суярови выделяет случай с мамой «Дров не было. Когда мама взяла несколько поленьев от туалета, ее поймал патруль и посадил на 15 суток в будку. Помню, как ее очень сильно били плеткам у нас на глазах. Мы все очень плакали». Или же со слов сестер Лидии и Нины **Дегтяревых**, которые находились в финском лагере «Видлице» «Однажды у хозяина пропала сторожевая собака. Он заподозрил, что голодные военнопленные убили ее и съели, и пожаловался коменданту лагеря. Ребят (из Ленинграда – К.К.) вывели за забор лагеря, заставили вырыть себе могилу, поставили возле нее всех четырех и расстреляли у всех на глазах. Чтобы другим не повадно было, есть хозяйских собак и кошек. А через день прибежала к хозяину пропавшая собака». Или же Роман **Волчков**, для того чтобы выжить, научился попрошайничать «Под проволокой высохла лужа в ямке. Я пролезал под проволокой, садился на кучу и просил у немцев что-нибудь поесть... Когда я шел по дороге, то просил хлеба у немцев. Подавали лепешки на песке, в середине песок. Я с радостью в рот, а потом выплевывал. А они смеются».

Свидетельства о гибели. Нина **Лакоза** (1926 г.р.) была свидетельницей гибели от непосильной работы «Работала я на прессах, где из дерева делали опилковую массу, а мы эту массу на вагонетках отправляли в другие цеха. Работала тяжелая, мокрая, ноги все время были в сырости. Поэтому мы часто болели, нас косил туберкулез. Моя сестра и две мои подружки заболели и умерли,

остались лежать там. Пусть будет им вечная память». Александра **Таболина** говорит, что «нас с братом увезли и потом разлучили. Брат в неволе умер от голода, я работала на заводе. Жила в бараке, голодала. Иногда в лагерь пригоняли военнопленных. Я видела, как они на ходу умирали. Было очень страшно. Не могу без слез вспоминать этот ужас». Ядвига **Тарарако**: «Помню, как умирал мой старший брат, лежал на нарах и просил, чтобы я никуда не уходила, так как мама была на работе. А потом он лежал в гробике и мама очень плакала». Бернарда **Демянчик** хранит в памяти семейную историю пяти человек. «Там у мамы брали кровь, проводили опыты, испытывали лекарства. Вместе с мамой там было много других женщин. Одной женщине с Украины сделали три укола, после чего она сильно кричала, а потом умерла... Когда американцы начали бомбить, отец забрал нас к себе и в октябре мы вернулись домой. Мама через несколько месяцев умерла. Видимо, опыты не прошли даром. Но мы были счастливы, что, несмотря на перенесенное горе, она умерла и похоронена на родной земле».

В ряде случаев наказывали за нарушение порядка. Так, Елена **Мазур** стала свидетельницей такой акции «Двое парней, работавших рядом, нашли кусок мыла. Вечером, при входе в лагерь, во время осмотра немцы нашли это мыло. Ребят отвели в сторону и на глазах у всех расстреляли». Арнольд **Козловский** бережно хранит и такой эпизод в г. Нойштрейлиц (земля Мекленбург) «Навсегда в память врезался случай, когда однажды проходит поезд с военнопленными, и один из них попытался сбежать, спрыгнув на пути из идущего вагона, но был замечен часовыми и расстрелян».

Немало свидетельств гибели из-за бомбежек. Так, Ядвига **Петрович** свидетельствует. «Мы попали в Дрезден, где тоже оказались в лагере. Оттуда нас ежедневно забирали на завод. Я делала пружины. Меня поставили к станку, а мама убирала. Там она погибла во время бомбежки».

Дети рожденные в Германии. Нередко депортированные беременные женщины из-за страха скрывали свое положение. Далее все зависело от воли властей. У других, которые проживали семьей, в нарушении запретов во время работ рождались дети. Так, Майя **Гиль** появилась на свет 4 октября 1943 г. в г. Драуденц. «Родилась я в лагере, не было ни пеленок, ни белья. Немка, у которой не было детей, просила маму отдать меня ей, но мама не согласилась. Когда уходила на работу, оставляла меня одну и привязывала к столбу, чтобы я никуда не уползла». В истории Ивана **Дьяченко** романтическое знакомство мамы и француза Жана **Денежекса** из г. Бордо. После освобождения американцами они уехали в Бардо и там Ивана записали как Жан **Денежекс**. Но в октябре 1945 г. мам решила вернуться на родину. И после проверки в Торгау в Краснодаре выписали новое свидетельство на имя Ивана **Дьяченко**. «В Краснодаре было трудно выжить с

маленьким ребенком, мама вернулась в деревню Селище Могилевской области к своим родителям и там уже ей помогли мои дедушка и бабушка». Несколько схожей оказалась жизненная история Жанны **Сидормы**, у которой мама была пирнудительно вывезена на работу в г. Грайфенхаген. «Там были узники разных национальностей. Будущий отец, югослав, когда мама проходила рядом, давал ей кусочек хлеба. Они полюбили друг друга и 29 мая 1944 г. родилась я... Освободили нас советские войска в 1945 г. Мать со мной вернулась на родину. Потом к нам в деревню приехал и отец. Языка он не знал, но понять его было можно. Прожил с нами около года, а потом по семейным и политическим обстоятельствам решил уехать с нами на свою родину. Сделали запрос в Москву, но разрешили ехать только ему одному. Была целая трагедия по этому поводу. С тех пор я о нем ничего не слышала. На наши запросы следовали ответы, что не числится ни в живых, ни в мертвых».

О том, что внебрачные дети испытывали и испытывают различного рода проблемы и сложности может свидетельствовать пример Раисы **Майсинович**. Маму из Гомельской области вывели на принудительные работы. «В августе 1942 г. ее угнали в Германию. Она попала в г. Кассель. Работала на бумажной фабрике. Было тяжело и голодно. Там родилась я от немецкого солдата. Затем она познакомилась с военнопленным Сергеем. Он стал мужем моей мамы, родились еще два брата.

Освободили нас американцы и переправили на советскую сторону. Там нам дали лошадь с телегой и на ней мы ехали до самой границы до города Каменец. Затем прошли фильтрацию и вернулись в родную деревню. Родная мать не приняла нас. Отец не приезжал и мама поехала разыскивать его в город Баку. Там она нашла отца, но жизнь не сложилась. Мама оставила сыновей отцу и вернулась на родину. Как сложилась судьба братьев я не знаю до сих пор».

Возвращение. Ожидаемая скорая свобода нередко сменялась на тревожные чувства и неизвестность. И если некоторые благополучно миновали границу и добрались домой к родным, то для других путь мытарств и унижения только начинался. Вот один из, возможно, нетипичных примеров. Люба **Поминова** говорит, что еще под Мюнхеном им предлагали уехать и работать, но дети без родителей не согласились. В Польше «Стали собираться на родину. Нам говорили, что там разруха, нечего есть. Предлагали поехать в Америку, но мы отказались и вернулись домой». Галина **Галуза** мало, что помнит, но это не забывает: «Пришли советские войска и нас освободили. Пан (бауэр – К.К.) предлагал нам перейти на сторону американцев, но мы прятались и ждали своих».

Светлана **Шевцова** (1937 г.р.) у которой был репрессирован отец в 1939 г., а сама с мамой покинула Москву в надежде выжить. «Мы с сестрой попали в Саласпилс,

самый страшный детский концлагерь, где у детей брали кровь для немецких солдат. В 1945 г. нас освободили и отправили в детский дом в г. Плевин на Двине. Мама вышла замуж и все время нас разыскивала. Когда она нас нашла, то мы уже разучились говорить по-русски».

Мария **Страузова** выделяет особо характерность в общении с работниками НКВД. «Как сейчас помню, офицер чекист спрашивает, где и кем мы работали. Мы рассказывали, что работали на военном заводе, делали пули, снаряды, фаустпатроны. Он и говорит: «Девочки, если я напишу в ваших карточках, где вы работали и что делали, то вы до дома не доедете. Вас из поезда в тюрьму отправят».

Таисия **Петровская** (1923 г.р.) после того как брата расстреляли ее вместе с младшим братом вывезли в Освенцим «В конце мая 1945 г. вернулась в город Минск после проведенного заключения (2 года и 8 месяцев). Очень радовалась. По возвращении было много проблем с пропиской и работой. Была уволена с работы, поскольку я была за границей. Назвали врагом народа. Не смогла восстановить и документы об образовании».

История Галины **Романовой**, потерявшей отца-партизана и маму по словам дочери она «была очень худенькой и маленькой. Дома их не было, родителей тоже. Попробовали с младшей сестрой (тоже была в лагере, но другом) пожить у старшей замужней сестры, но пришлось уйти, так как свекровь и свекор были очень недовольны лишними ртами.

Стали жить в землянке и работать в колхозе. Гоняли на самые тяжелые работы, так как родителей не было и не было кому их защитить. Приходилось даже валить лес наравне с мужчинами. Младшею сестру взяли в детский дом, ей повезло учиться в школе. Мама почему-то в детский дом не попала, учиться не было возможности, надо было работать, чтобы не умереть с голоду.

Две девочки – сестры, которые были с ней в Германии, чуть постарше, подсказали, что за деньги (а какие она, сирота, могла иметь деньги!) можно у председателя колхоза взять справку (у колхозников паспортов не было, настоящие крепостные), чтобы уехать в город. Пришлось всю траву, что косила на сено продавать, продать козочку и заплатить за справку. Не боялись Бога брать деньги у сироты! В городе жизнь была тоже тяжелая, но по-другому, хотя бы не на грани выживания!».

Елена **Крылова** убеждена, что война стала причинной ее несчастья. «Вернулась домой. На работу нигде не брали. Мама уговорила знакомого милиционера и тот помог устроиться в артель. Была портнихой. Я не училась никогда, у меня нет ни одного класса образования. Я плачу от своей жизни». Еще одна свидетельница Прасковья **Цыганкова**, которой 94 года, свидетельствует: «Когда вернулись, муж, узнав, что семья была в Германии, оставил нас».

Злые и добрые хозяева. Новый дискурс о добрых немцах. Феодосия С. из Бреста во время принудительных работ на железной дороге была многократно изнасилована начальником и солдатами. Ей в принудительном порядке был произведен аборт. После войны она никогда не говорила, и начала рассказывать об этих событиях своей молодости в кругу семьи лишь после смерти своего мужа. Большинство свидетелей таких поступков не рассказывают об этом даже своим родным и близким. Эта тайна белорусских женщин уходит вместе с ними. Леонид **Трусов** (1926 г.р.) не может забыть бауэра Вайденфельд Карла **Сфинкрартена**, проживавшего в г. Кемпен – «Он издевался надо мной».

Вместе с тем практически в каждом личностном повествовании свидетелей имеется эпизод и о добром к ним отношении. Ранее такие примеры прятались в редакторских столах, и подобные мысли на долгое время исчезали. Сейчас положение другое. Вот некоторые из них. Мария **Лобкова** «Помню немца повара. В первую мировую войну он воевал в Белоруссии, подорвался на mine и его спасли простые крестьяне. Поэтому он старался помочь нам едой: то тарелку супа оставит, то кусок хлеба». Вместе с мамой Игорь **Олин** из концентрационного лагеря Дахау попадает в немецкую семью **Оберорнау** «Немецкий хозяин с женой, у которых не было своих детей, предлагали моей матери в конце войны миллион марок, чтобы она оставила меня в Германии, но она, конечно, ни за что не согласилась».

Я осталась жива, но где мои родные и близкие? Иван **Корхов** (1935 г.р.) считает, что дети помогали в таких тяжелых условиях лагерной жизни Билифельда выжить другим «Лагерь стоял вплотную к лесу и был огорожен не колючей проволокой, а металлической плетеной сеткой. Если часовой не видел, то взрослые приподнимали сетку и я с другим мальчиком пролезали под ней и шли просить любое пропитание у немецкого населения. В основном давали хлеб и картошку. Из нас пятерых выжили трое: бабушка и младший брат там умерли».

Одна из пятерых Людмила **Мельникова**, потеряв отца подпольщика, после Освенцима попав в детский лагерь и там после тифа умирает сестра. Она не знает, что с другими после освобождения лагеря. «На поезде доехала до Витебска. А оттуда до Лепеля – пешком. По дороге едва не замерзла. Выбившись из последних сил, едва стояла на ногах. А вокруг снег и ни единой души. Уже отчаявшись найти спасенье, увидела повозку. Меня подобрали и довезли до Лепеля. Родных в городе не было. И прожив некоторое время то у одного постороннего человека, то у другого, я попала в детский дом.

Потом я вспомнила, что в Могилевской области живут родственники отца. Приехала к ним в деревню, но долго там не пробыла. В семье и без меня было много

едоков, а вокруг разруха, голод. И я пошла в Могилев. Там мой отец закончил академию, его знали. В Могилеве меня распределили в специальный детский дом для детей погибших партизан. Но вскоре пришла тетя из деревни и сказала, что мама прислала письмо. Я не могла в это поверить. Неужели мама, переболев тифом, перенесла все мучения, смогла выжить?». По словам Ивана **Антонова** и Петра **Быкова**, чудом уцелевших «Не миновали суровых испытаний и семьи дядей. Все они – 14 человек – до окончания войны находились в застенках Освенцима. В крематории этого ужасного концлагеря закончилась жизнь моих дедушки и бабушки». Галина **Трезкова** находилась на территории Беларуси в лагере д. Пески. Ее мама была вывезена в Равенсбрюк. После освобождения лагеря «Я попала в г. Клецк. Разрушенная школа, крыша из досок, покрытая брезентом. Спали на полу на соломе. Утром все выходили на поля добывать пищу. Из гнилой мороженой картошки нам пекли блины, а из лебеды варили борщ. Одежда на нас была плохая, рваная, ходили в основном босиком. Отец мой погиб на фронте. Мама вернулась из концлагеря и забрала меня».

У Светланы **Шандаловой** (1936 г.р.) из шестерых в семье осталась в живых только трое «Однажды ночью летом 1943 г. меня и мать с двухлетним братом Аликом немцы и полиция выгнали из дому, не дав одеться, с криками «шнель-шнель!» и погнали в тюрьму. В ту ночь в Жлобине арестовали еще 63 семьи и вскоре отправили вместе с нами за колючую проволоку в лагерь в Орше, а оттуда через пару недель в лагерь смерти Майданек. (Из этих 64 семей живыми нас вернулось в Жлобин только 7 человек)». Уже дома мама тяжело болела, но только с 1962 г. стала получать пенсию в размере 14 рублей, а сестра-партизанка Леля, вернувшись без обеих ног, содержала нас. Вот такая память войны.

О том насколько было тяжело детям-сиротам рассказывает Нина **Шендрик** (1928 г.р.) «В 1945 г. нас освободили русские и вывезли в Польшу, где я работала на сельскохозяйственных работах. Затем отправили в Минск. Привезли на вокзал и бросили. Беспризорничала. Продала все, что имела с собой. Затем поступила в фабрично-заводское училище, где выучилась на обувщика. Дали общежитие. Сами достраивали обувную фабрику, а потом на ней работали». Вернувшись из Дрездена семья Виктора **Витковского** была разочарована создавшимся положением «Из 140 домов нашей деревни не сожженными остались только три». Поэтому не удивительно, что вновь прибывшим не хватало места. Так, Мирослава **Петрова** с горечью рассказывает о первых годах послевоенного времени «В Минск мы вернулись 15 сентября 1945 г. Безрадостная картина предстала перед нами: Минск в руинах, родственников нет. Поселились мы в подвале разбитого здания. Снова холодно, страшно от каждого

шороха. Мама по ночам не спала, охраняла от крыс. Приближалась зима. Осенью хоть крапива и подорожник на борщ, а дальше? Мама собрала нас и мы пошли в военкомат, чтобы помогли обустроить хотя бы нас. Получила похоронку на отца, что погиб в 1942 г. под Сталинградом. Эта невосполнимая потеря окончательно подкосила.

Нас подселили к какой-то семье на окраине города в проходную комнату. Крыша в комнате протекала, было холодно, спали, сидя на полу. Уроки делали при лампе, подложив на колени дощечку. Но уже получили продовольственные карточки на 300 граммов хлеба, немного крупы и жира. Готовили на керосинке. Трудно было среди чужих».

Страх, опасения за то что был в Германии. Евгения **Коршук** по приезду домой опасения за свое положение усиливались. «Когда мы от освободителей американцев перешли к нашим войскам, то чего только не наслушались от наших солдат. Как будто мы уехали добровольно... По окончании устроилась работать на завод, где проработала 35 лет и все время боялась, что меня могут посадить за то, что утаила свое прошлое». Символическими звучат слова Галины **Николайчук** «Тех, с кем я прошла этот ад, не помню... Иногда ко мне домой приходят люди такие же как и я, у нас много общего и нам нравится общаться друг с другом, а главное у всех похожая судьба...».

2. Места рабства и принуждения: исторические реалии

2.1. Осуществление политики массового принуждения. С установлением военной администрации в населенных пунктах Беларуси положение граждан зависело не только от введения военных порядков, но и присутствия различного рода воинских подразделений. К примеру, Минск или другие важные центры, такие, как Витебск, Могилев, Брест, Полоцк, стали местом деятельности особых положений: комендантский час, посты, патрули, приказы, запреты и т.д. Очевидна подозрительность во всем. Особую роль имело присутствие там специальных служб и ведомств: СС, Абвер, служба безопасности и СД, жандармерия, тайная полевая полиция. Практически не менее 30 структур, что составляло около 10 % от состава населения города (10.1943). Тем не менее их влияние на все стороны жизни горожан было весьма ощутимым. Так, в сфере взаимоотношений органы и их службы строго руководствовались решениями и директивами высшего политического руководства. К примеру, на первом этапе оккупационной политики, исходя из замечаний и предложений **Ветцеля** по генеральному плану "Ост" о колонизации и ликвидации белорусов, с появлением директивы "...представляется крайне необходимым по возможности тщательнее отобрать

беларусов нордического типа, пригодных для онемечения, и отправить их в империю с целью использования их в качестве рабочей силы...

...Следует исходить из того, что белорусы являются наиболее безобидным и поэтому самым безопасным для нас народом из всех народов восточных областей. Даже тех белорусов, которых мы не можем по расовым соображениям оставить на территории, предназначенной для колонизации нашим народом, мы можем в большей степени, чем представителей других народов восточных областей, использовать в своих интересах". Такая определенность только в некоторой мере служила сдерживающим фактором от широкой карательной деятельности германских органов по отношению к населению. Включение других потребностей изменило положение в отношении населения Беларуси уже с середины 1942 г.

Военно-экономическое принуждение населения. Распоряжением рейхминистра оккупированных восточных территорий Альфреда **Розенберга** от 5 августа 1941 г. введена обязательная трудовая повинность для местного населения Беларуси, в том числе и женщин в возрасте от 18 до 45 лет. Для подсчета и распределения рабочих лиц, а также вербовки рабочих в Германию и организации работ в Беларуси были созданы биржи труда. Его осуществление показывает, что согласно инструкции военного коменданта Борисова все трудоспособное население от 10 до 65 лет было взято на учет для осуществления дорожных земляных работ в сопровождении конвоя.

Очевидно, что в условиях затяжной войны на восточном фронте военные методы определены основными для германских органов управления – на успех мобилизации все же следует рассчитывать только при усиленной охране мобилизованной рабочей силы полицейскими или силами вермахта при конвоировании и транспортировке, так как без таких сил большая часть генерального округа недоступна для немецких властей. Кроме того, в последние месяцы вербовка рабочей силы на добровольных началах бесполезна. Она может проводиться только в принудительном порядке.

На первом этапе взаимоотношений оккупационных органов и населения более весомое положение имели военные подразделения. Они занялись ликвидацией сопротивления со стороны остатков воинских подразделений Красной Армии, групп, оказавшихся в окружении, а затем организацией лагерей для перемещенных в качестве пленных. Такая форма деятельности в Беларуси не была новой, а основывалась на ее традиционных способах. Ведь на территории Европы действовало для принудительного содержания военнопленных и части гражданского населения около 10 тыс. лагерей различных типов. И для их обслуживания должен быть задействован

колоссальный штат. В итоге привлекаемые и вовлеченные сторонние из местного населения жители или добровольцы из состава военнопленных представляли собой значительную часть такого аппарата принуждения. Так, согласно подсчетам германского ведомства, более 333 тыс. людей, большинство из которых не были ни эсесовцами, ни членами нацистской партии, но состояли на службе добровольно, подозревались в участии в геноциде.

Классификация и категории мест принудительного содержания. Что касается Беларуси, то на ее территории действовало **166** гетто, **68** тюрем и **191** лагерь. Всего 425 мест принудительного содержания. Основную категорию составили военнопленные, но под их видом в лагеря попадало и немалое количество гражданских лиц. Так, в приказе 52-й дивизии от 24 сентября 1941 г. было записано, что всех местных жителей в возрасте, пригодном для военной службы, в обязательном порядке необходимо переоформить в пленных. В другом решении уполномоченного по борьбе с партизанским движением в тыловой части группы армий «Центр» приказано: всех лиц, которые встречены в непосредственной близости от района военных действий, рассматривать как пленных... всех трудоспособных мужчин этих районов в возрасте 16–55 лет считать военнопленными. Таким образом, уже на первом этапе к декабрю 1941 г., по немецким данным, попавших в плен военнослужащих Красной Армии было 3,35 млн.

Учитывая, что территория Беларуси являлась местом концентрации воинских подразделений и наиболее массовых сражений, более 1 млн военнопленных находилось в наспех организованных немецким командованием лагерях. Всего на территории Беларуси действовало более 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений: для военнопленных (дулаги, шталаги, офлаги, штрафные, пересылочные и станционные), для гражданского населения (гетто, трудовые, женские, детские), на переднем крае обороны и др.

Места принудительного содержания военнослужащих. Один из первых лагерей для военнопленных и гражданского населения в возрасте от 15 до 60 лет по распоряжению командующего 4-й ПА ген.-фельдмаршала **Клюге** был создан недалеко от Минска в Дроздах. К этому времени на территории западных областей Беларуси существовало 2 армейских сборных пункта (Бережа-Картузска, Бобровники) и 6 дулагов (Волковыск, Молодечно, Лида, Слоним, Липово, Гродно). Практически на 12 июля 1941 г. действовало 7 дулагов (125 Полоцк, 131 Бобруйск, 185 Могилев, 203 Кричев, 220 Гомель), 4 шталага (IV

НН Борисов, 313 Витебск, 341 Могилев, 353 Орша) и 1 офлаг XXIA (Бобруйск). В них, как правило, отсутствовало питание, одежда, необходимые жилые и хозяйственные сооружения. Средств для нормального существования здесь практически не имелось. Так, ознакомившись с положением военнопленных в лагерях Молодечно, когда 20 тыс. солдат в тифозном лагере были обречены на смерть, начальник штаба сухопутных войск Германии **Ф. Гальдер** 13 ноября 1941 г., несмотря на жуткое впечатление, посчитал невозможным принятие каких-либо мер помощи. И даже в таких условиях принятое ранее решение командующего вермахтом "Остланд" об освобождении белорусских военнопленных было прекращено приказом от 1 декабря 1941 г. Всего, преимущественно из Украины, Беларуси и стран Прибалтики, германское командование из пропагандистско-политических соображений освободило более 800 тыс. человек. Прежде всего из взятых в плен в 1941–1942 гг. и стали формировать вспомогательные полицейские подразделения. Для многих это становилось надеждой на выживание.

Таким образом, на территории Беларуси действовало 7 армейских сборных пунктов военнопленных, дислоцировавшихся в 23 населенных пунктах, 15 дулагов в 33 населенных пунктах, 16 шталагов, 1 офлаг, 95 отделений лагерей, в основном на железнодорожных станциях, а также рабочие команды военнопленных на объектах труда. Пересыльные лагеря (дулаги) размещались преимущественно в тыловых районах. На период 1941–1942 гг. их насчитывалось 6 (Полоцк 125, Гомель 121, 220, Бобор 131, Кричев 203, Борисов 240); стационарные лагеря (шталаги) в Борисове (VI-H), Боровухе 354, Могилеве 34, Орше 353, Барановичах 337, Молодечно 342, Глубоком 351, Минске 352, Гродно 353.

Практически в 1941 г. пересыльные лагеря были сконцентрированы в центре и на востоке Беларуси: 3 армейских СП в Слуцке, Борисове, Бобруйске и 9 дулагов (Могилев, Гомель, Витебск, Полоцк, Орша, Боровуха, Борисов и 2 в Бобруйске). В зоне тыла группы армий «Центр» дулаги существовали до конца 1942 г., что связано с формированием эшелонов для перевозки военнопленных за пределы советской территории.

Места принудительного содержания на территории Беларуси. Таким образом на территории Беларуси действовало 515 различных мест принудительного содержания населения, в том числе 256 гетто, 68 тюрем, 191 лагерей:

Брестская область – 17 лагерей гражданского населения. Из них 3 сборных пункта, 2 военнопленных, 27 гетто, 12 тюрем;

Витебская — 40 лагерей для гражданского населения, из них 9 трудовых, 1 хозяйственный, 1 сборных пункта, 11 для военнопленных и гражданского

населения, в том числе 1 пересыльный, 3 пересылочных, 1 на переднем крае, 35 гетто, 14 тюрем;

Гомельская — 45 лагерей для гражданского населения, из них 3 рабочих, 4 сборных пункта, 1 для военнопленных, 3 на переднем крае, 3 детских, 19 гетто, 12 тюрем;

Гродненская — 7 лагерей для гражданского населения, из них 1 сборный пункт, 2 для военнопленных и гражданского населения, 30 гетто, 5 тюрем;

Минская — 21 лагерей для гражданского населения, из них 1 сборных пункта, 4 для военнопленных и гражданского населения, 1 пересыльный, 1 для отправки молодежи в Германию, 1 детский, 39 гетто, 9 тюрем;

Могилевская — 61 лагерь для гражданского населения, из них 3 для военнопленных и гражданского населения, 6 пересыльных, 24 рабочих команд, колонн, центральный лагерь СС в Могилеве, 1 на переднем крае, 16 гетто, 16 тюрем.

В Белостокском округе действовало 90 гетто, в которых насчитывалось около 200—250 тыс. евреев.

Лагерь смерти Тростенец. Одним из самых крупных лагерей смерти стал Тростенецкий лагерь (после Освенцима, Майданека и Трешлинка), где гитлеровцы замучили, удушили газами, сожгли в кремационных печах и на кострах, закопали живыми свыше 206,5 тыс. человек.

Лагерь смерти Озариши.

Шталаг-352 (Масюковщина). Самым крупным поставщиком рабочей силы был станционный лагерь шталаг-352 в д. Масюковщина около Минска. Он имел на предприятиях и военно-строительных объектах Минска свыше 20 филиалов и около 100 филиалов и отделений на железнодорожных магистралях Беларуси.

Из состава работоспособных военнопленных с 1941 г. формировались рабочие команды для выполнения работ в лагере и за его пределами. Их количество возросло с 1942 г. с увеличением потребностей торфопредприятий, различных промышленных и торговых организаций, Тодт, Главной железной дороги. Так, в распоряжении ГЖД находились команды на 90 железнодорожных станциях.

Концентрационный лагерь 5-й полк. До оккупации Витебска гитлеровцами эта территория принадлежала 5-му железнодорожному полку (отсюда и название). Через Пятый полк в Витебске прошло 150 тысяч советских солдат и мирных жителей. Более половины из них погибло. В память о замученных десятках тысяч людей здесь был установлен лишь скромный обелиск...

Лагерь же начал функционировать уже с сентября 1941 г. Сначала в нём содержались пленные советские солдаты и офицеры. Территорию обнесли колючей проволокой, по углам поставили вышки. Зона бараков отделялась от общей территории лагеря коридором из нескольких рядов колючей проволоки. Бараки без печей, без потолков, пол цементный, нары в три этажа, проходы узкие - два человека едва разойдутся...

Питание - 150 граммов хлеба и пол-литра похлебки в день. Питательная вода - из покрытого ряской лягушачьего болота. Через этот «витебский Майданек» прошло 120 тысяч военнопленных, из которых 75 тысяч были расстреляны либо умерли от голода и болезней... Их трупы позже были обнаружены во рвах возле лагеря.

«Переработав» массу пленных людей, в марте-апреле 1943 г. Пятый полк оккупанты превратили в лагерь смерти для гражданского населения. Из областного центра и деревень Витебщины туда было согнано 20 тысяч жителей, преимущественно женщин, стариков и детей. Из тех, кто имел отношение к партизанам, формировали большие группы и отправляли в «более совершенные» лагеря, наподобие Освенцима.

Всего в Пятом полку было умерщвлено около 4-х тысяч витебчан.

В конце мая 1944 г., когда фронт вплотную приблизился к Витебску, оставшихся в живых отправили в лагерь, расположенный в районе станции Крынки в Лиозненском районе. Сюда же попали и дети из детских домов города, больные из сыпнотифозной больницы... Целых десять дней вели их по лесам, болотам и буеракам. До изнеможения. Узники спали под открытым небом, питались корой деревьев, пили воду из окружающих болот. Задача у фашистов была одна: вызвать эпидемию тифа в рядах Советской Армии, наступающей на Витебск....

Детские лагеря Красный Берег, Скобровка.

Сожженные деревни – Хатынь.

Карательная деятельность оккупационных органов. Основу германского оккупационного порядка составили приказы, положения военных и гражданских органов, способы постоянного контроля и принятия необходимых для порядка мер: штрафы, физические наказания, аресты и др. С данной формой население сталкивалось постоянно. При этом устрашающими мерами воздействия являлись массовые карательные акции военных и полицейских сил. На привлечение необходимых карательных подразделений для наведения порядка указывал командир войсками вермахта на территории рейхскомиссариата "Остланд" 14 сентября 1941 г. в сообщении рейхскомиссару Х. Лозе: "Белоруссия еще не может

рассматриваться нами как гражданская страна. В настоящее время мы не располагаем дополнительными войсковыми частями, поэтому со всей остротой встает вопрос о быстрейшем привлечении эсэсовских и полицейских сил”.

Так, карательные функции против населения производили подразделения полевой жандармерии. К примеру, 2–3 июля 1941 г. в г. Лиде в ходе фильтрации было расстреляно более 150 человек. Для устрашения населения оккупированной Беларуси привлекли 3 ОД, 2 ПД, 1 кавалерийскую бригаду СС, артиллерийские, танковые и саперные подразделения, моторизованные части полевой жандармерии, полицейские полки и батальоны. Их деятельность определялась особыми приказами рейхсфюрера СС **Г. Гиммлера** и директивами **Браухича** от 25 октября 1941 г. В Минске первой публичной казнью стала акция повешения 12 человек в разных местах города 26 октября 1941 г. Проведенная в присутствии солдат вермахта и собранных горожан эта акция стала началом систематического уничтожения гражданского населения. Карательные операции как совокупность террористических мер военного, экономического и политического характера против партизан и гражданского населения стали универсальной формой устрашающей борьбы.

Подобные действия находили своевременную конкретизацию. Например, в директиве начальнику разведкоманды начальник оперативного штаба полиции и безопасности и СД в Минске от 18 ноября 1941 г. требовал сжигания всех жителей населенных пунктов: *”Опыт учит, что коллективные расстрелы, сжигание деревень без полной их ликвидации или выселения их жителей приводят только к отрицательным для нас результатам”.*

Расширяя карательные формы деятельности, оккупационные органы в июле 1942 г. приняли приказ о возможности уничтожения всех, кто является потенциальным противником или может им быть. Несколько позднее подразделения обязаны были уничтожать и все население. 26 февраля 1943 г. командир полиции и СД Белоруссии принял решение о целесообразности отправки мирного населения на принудительные работы вместо их сжигания вместе с домами. Вся совокупность решений стала основой начатого с 23 июня юридического оформления участия полицейских подразделений в борьбе против партизанских сил. В приказе, подписанном **Кейтелем**, значится, что борьба против партизан в первую очередь является задачей полиции.

На усиление карательной деятельности было направлено положение в так называемой *”Основной директиве № 14”*, где вновь подтверждено требование считать борьбу с партизанским движением *”равнозначной боевым действиям на фронтах”*. Практически же для населения не существовало

разницы, против кого предпринимают действия германские войска. Они в большей степени отражались прежде всего на жизни местных жителей. При этом формальным объяснением своих действий военнослужащие германской армии считали следующее: *"Если бы нас партизаны не били, мы тоже не стали бы их задевать"*, *"Почему партизаны не удовлетворяются нарушением нашего железнодорожного транспорта, а стараются еще и бить нас, мы не понимаем"*. Совместное соглашение командующих охранными войсками вермахта, СС, полиции безопасности и СД в ГОБ и тыловой части группы армий «Центр» от 27 октября 1942 г. обозначило главную задачу – активную борьбу с партизанским движением в Беларуси.

Всего в период с декабря 1943 г. по февраль 1944 г. немецкое командование коммуникаций провело 5 боевых операций. Только с 25 мая по 17 июля 1944 г. было проведено около 40 специальных операций, для этого 170 раз привлекались войска для захвата рабочей силы и продовольствия. Так, в Бельничском районе, по неполным данным, в 1941 г. гитлеровцы сожгли 592 двора, 1942 г. – 375 и убили 217, 1943 г. – 685 и убили 256, 1944 г. – 499 и убили 258 жителей. Всего было расстреляно 1471 (467 женщин, 270 детей), сожгли 215 человек (65 женщин и 86 детей), повесили 2 человека (1 женщина в том числе). В результате бомбежки погибло 47 человек.

Кроме этого силами войск в зоне ГКБ был проведен ряд карательных мер, меньших по размаху, но достаточно оперативного действия. К примеру, в марте – 158, апреле – 198, мае – 196 карательных операций. В основном их жертвами становилось мирное население.

Наличие многочисленных военных формирований сказывалось на жизни населения. К примеру, в г. Витебске только в феврале 1942 г. было арестовано 953 человека. При уличных облавах задержано 87 человек, нарушивших правила оформления документов. Было проведено 14 облав, где в 4 полицейских участках было арестовано 166 человек.

Опасные виды работ. Оккупационные органы использовали население и для осуществления ряда важных для них вспомогательных работ. В воинских подразделениях функции секретарей, переводчиков, кухонных рабочих, уборщиц и так далее. Особые задачи возлагались на жителей при выполнении транспортной (гужевой) повинности. Крестьяне кроме трудовой деятельности еще служили гарантом безопасности от нападения партизан. Нередко они становились жертвами при нападении на обозы, число которых значительно возросло с 1943 г. Обеспечивая подразделения продуктами германским органам приходилось с помощью населения осуществлять сезонные работы по уборке урожая. Они же должны были сопровождать

убранное до складов или станций. Привлекаемые на заготовку торфа, лесодревесины, выполнении ремонтных работ как правило в последующем при формировании транспортных средств передвижения: головных вагонов, автомашин, поездов, как наиболее вероятных объектов нападения партизан, укомплектовывался ими. Нередко на такой период работ их переводили на казарменное или лагерное положение. Они должны были обеспечить безопасность транспортных средств проходящих по их населенным пунктам. В итоге охрана по ночам железной дороги была связана с риском для жизни охранников, а в случае диверсий партизан следовало наказание для всей деревни или населенного пункта, как позволившей осуществлению акта диверсии и саботажа.

В подписанном Куртом фон Готтбергом 10 февраля 1944 г. специальном распоряжении "Об охране и разминировании населением шоссе и железнодорожных дорог" говорилось: *"Жители населенных пунктов Беларуси несут ответственность за безопасность путей сообщения, грунтовых дорог, шоссе, железных дорог..."* Этим же решением предписывалось всех жителей близлежащих деревень закрепить за определенными участками дорог. На них возлагалась ответственность за безопасность движения на этих участках. В этих условиях для разминирования местных жителей обычно заставляли впрягаться в бороны и тянуть их по дороге. В итоге только в районе Бобруйска на минах взорвалось свыше 100 человек. А всего тысячи заложников оккупационной системы стали жертвами.

Коллаборационистские формирования и формы принуждения. Даже коллаборационистские структуры становились в определенной мере заложниками такой системы. Они из одного разряда могли на постоянный или временный срок переводиться оккупационными органами. Это касается охранных или производственных функций. В большей мере их привлекали к работам по расчистке улиц, дорог, строительству оборонительных строений.

Облавы, арест, отправка на работы. Повсеместно в районе рынка или другой части города для проверки проводились облавы. Задержанных отправляли на рытье окопов или насильственно увозили на каторжные работы в Германию. При этом проверкой документов занимались не только постовые и полицейские, но и военнослужащие, в том числе находящиеся на отдыхе. Так, военнослужащими 3-й танковой армии стали практиковаться так называемые контрольные дни. В такие дни, а особенно в период мобилизаций, например, как в Пинской области с 19 мая 1943 г., к местам расположения гарнизонов и коммуникаций были выдвинуты отряды и

бригады. Это приводило к более частым столкновениям и потерям с обеих сторон, однако, с другой стороны, мешало или снижало эффективность мобилизационных мер германских органов.

Например, по замыслу немецкого командования, чтобы воспрепятствовать усилению советской власти, в документе от 14 июня 1944 г. в отношении населения было определено: *"Группа армий "Центр" намерена захватить в районах своего расположения 40–50 тыс. подростков в возрасте 10–14 лет и доставить их в Германию. Это мероприятие проводится по инициативе 9-й армии"*.

2.2. Евреи в системе военного и экономического уничтожения Основы взаимодействия германских органов с еврейским населением. Практическое осуществление карательных мер в отношении еврейского населения началось уже на первом этапе установления оккупационного режима. Как правило, оно осуществлялось по следующим направлениям:

- путем физического уничтожения как комиссаров и как поборников большевизма;
- временной изоляции для использования физической работ при их дальнейшей ликвидации;
- полная и частичная изоляция в среде гражданского населения, т.к. приказы требовали об их выдаче германским властям. Им приходилось прятаться и не давать повода даже близким соседям знать об этом;
- уничтожение доступными средствами с целью завладения имуществом или получения материального вознаграждения.

В каждом из данных направлений имелись свои специфические особенности, как военные, так и административные методы в решении еврейского вопроса. Так, уже в первом административном распоряжении от 7 июля 1941 г. командующий тыловыми армиями группы Центр М. фон **Шенкендроф** среди прочих установил знаки отличия для евреев и евреек. В городах и населенных пунктах Беларуси началось создание гетто. Образование вертикальной структуры управления округами, районами, городскими районами, гминами и деревнями, за счет руководителей бургомистров городов и районов, деревень (старосты) осуществлялась прежде всего из среды нееврейской и некоммунистической интеллигенции. При этом немалое место отводили формированию в массовом сознании ответственности еврейского населения за существующие проблемы. В широко распространяемых ими листовках говорилось. *«Граждане! Жидовско-большевитские и всякие вредные элементы разрушают дома, грабят ваше имущество, уводят ваш скот и принуждают ваших мужей и сыновей поступать в банды, где они в конце концов*

погибают в бессмысленных боях. ...Мы хотим вас защитить от этого. Главнокомандующий». «Крестьяне! 23 года коммунисты и евреи вас давили и выжимали из вас соки. Красная Армия разбита, коммунисты бегут. Вас оставили бедными. ... Верховное Командование Германской Армии». «Товарищи! Рабочие и крестьяне занятых фашистскими захватчиками областей! Мои маршалы разбиты германской армией. Близится конец большевизму... что тогда будут делать мои хозяева – господа Коганович, а с ними и вся жидовская свора СССР? Мы ведь привыкли за 25 лет нашего владычества жить за ваш счет..., а теперь вот вы хотите нас покинуть... Вперед, товарищи! Генеральный Секретарь УК ВКП (б) И. Сталин».

В разрухе, когда настроение среди населения подавленное, так как многие остались без крова, а продовольственное положение ухудшалось вывод – виновны евреи, даже «дома, очевидно, подожжены евреями, так как они должны были освободить для возвращающихся белорусских беженцев». Далее следует вывод, о том, что ярость населения уже вызвала некоторые акции против евреев, население готово начать погромы. В то же время, в советской пропаганде практически ничего не говорилось об истинных намерениях нацистского руководства по отношению к евреям на оккупированных территориях. Так, командир одной из спецкоманд, действовавших Беларуси, докладывал 12 июля 1941 г.: «Бросается в глаза, что евреи плохо информированы о нашем к ним отношении». Тем не менее оккупационным властям не удалось направить местное население на якобы сознательное антиеврейское проявление. Им это удавалось осуществить в странах Европы, а также в Польше, Западной Украине, прибалтийских государствах. По свидетельству полиции безопасности и СД «инсценировать погромы до сегодняшнего времени... оказалось невозможным. Основная тяжесть карательных операций на первом этапе была направлена против еврейской интеллигенции. Белорусская расстреливалась только в случаях, когда безусловно было доказано, что они являются большевистскими активистами». Глава администрации Остланд Генрих Лозе в своих «Предварительных директивах по обращению с евреями» от 18 августа 1941 г. определил «минимальные меры» – «пока невозможно осуществить иные мероприятия в смысле окончательного решения еврейского вопроса». Но по его словам: «Территория должна быть очищена от евреев». В докладе начальника СС и полиции бригаденфюрера СС фон Готтберг о задачи СС и полиции в Беларуси было высказано несколько важных пунктов в направленной деятельности оккупационного порядка «...Как мы установили, решающим для всех округов является еврейский вопрос.

Даже если еврей не является руководителем банды, то он или поставщик сведений, или иной. Я не могу понять одного – сегодня еще имеются немецкие учреждения, которые придерживаются того мнения, что они не могут обойтись без евреев-«специалистов», насколько я понял из выступлений гебитскомиссаров, касавшихся этой темы, там, где по просьбе гебитскомиссаров еврейский вопрос решен, хозяйственная жизнь все же не остановилась, и нужно, чтобы и начальство вермахта один раз ясно высказалось – прикрываться евреями-специалистами и не искать им замены значит лениться. Судя по обнаруженным у бандитов записям, все их разведывательные сведения являются результатом деятельности прежде всего евреев. Мне думается, что если в «Белоруссии» не останется ни одного еврея, то этим будет избавлен от смерти еще один порядочный немецкий солдат. Недопустимо положение, когда проходишь по стране как солдат, обнаруживаешь, что еврей руководит не чем иным, как складом горючего, если военными и прочими бюро руководят евреи и в центральных бюро в Минске сидят евреи. Но не только в этих местах находишь их – все еще жива идея придворных евреев! Гауляйтер, я имею честь просить, чтобы и в вермахте со всей строгостью были приняты решительные меры и чтобы было покончено с таким положением».

Один из руководителей германских служб в Беларуси Э. Штраух на совещании высшего руководства ГОБ представил свой анализ ситуации, которая дает представление о развитии еврейского вопроса. «...когда сюда прибыла гражданская администрация, она нашла здесь предприятия, пущенные вермахтом с помощью евреев. В то время как белорусы хотели расправиться с евреями, вермахт поставил евреев во главе. Так, евреи заняли ключевые позиции и сегодня трудно полностью избавиться от них, так как на следующий же день предприятия останутся, а этого мы не можем себе позволить. Впрочем, я думаю, что у нас нет оснований для беспокойства, так как из имевшихся здесь примерно 150 тыс. евреев 130 тысяч уже исчезли. На территории Генерального округа имеется еще примерно 22 тыс. евреев. Насколько я знаю, в одном только Ковно их такое же количество. И все же я прошу вас посодействовать в том плане, чтобы убрать евреев хотя бы оттуда, где они не нужны. Нам непонятно, что уборщицами, телефонистками и т.д. должны работать еврейки, что так много евреев – чистильщиков сапог. Они лишние и потому должны, исчезнуть. В этих случаях мы обойдемся и без евреев. Мы сократим их количество наполовину, и от этого наше хозяйство не пострадает».

Таким образом, в Беларуси германскими органами не удалось спланировано провести еврейские погромы. Население же стремилось быть в стороне от осуществляемой политики уничтожения, сострадало и симпатизировало евреям. Однако однозначно принимать такие утверждения

не всегда будет правильным. Наряду с этим имеют место отдельные проявления антисемитизма практически в каждом населенном пункте, но они были кратковременными, единичными, не имели массового характера и осуществлялись под непосредственным контролем германских органов. В условиях войны, нестандартных проявлений ради сохранения жизни требуется рассматривать каждый из таких фактов всесторонне.

Учитывая, что задачи по изоляции евреев были определены как одни из главных перед военным командованием, те в свою очередь принимали многочисленные решения на уровне дивизий, военных комендатур и более мелких структур. Уже приказом от 17 июля 1941 г. было определено разделение заключенных лагерей для военнопленных на национальные группы. Не дожидаясь начала работы гражданских оккупационных органов в зоне 281-й ОД решения о создании гетто датировано 30 июля 1941 г. Не вызывает удивления, что именно ведомство вермахта в ГОБ информировало комендатуры о наличии больших групп евреев и цыган. В итоге, оперативная группа С в сводном отчете № 17 докладывала: *«В соответствии с полученными указаниями во всех оккупированных городах Белоруссии приводилась ликвидация функционеров государственного и партийного аппаратов. То же самое касалось и евреев... Оперативной командой 4А за последние дни было расстреляно 1107 взрослых и 601 молодой еврей. Всего же ею по состоянию ю на 6.09.1941 ликвидировано 11 328 евреев».*

Введенная система двойной ответственности с 16 сентября 1941 г. приказом о заложниках, где «искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить в общем и целом смертная казнь 50-100 коммунистов». Усиливал карательную деятельность комендантский час, введенный на территории ГКБ комендантом Беларуси и командующим вермахтом «Остланд» с 20 сентября 1941 г. Жизненное пространство для евреев определялось решениями главного командования от 24 ноября 1941 г. и коменданта ГОБ от 15 декабря 1941 г. Так в приказе № 24 от 24 ноября об уничтожении евреев и цыган говорилось: *«Евреи и цыгане. Как требуют вышеназванные приказы, евреи должны исчезнуть с лица земли, а также должны исчезнуть с лица земли, а также уничтожены цыгане. Проведение больших акций против евреев не входит в задачу частей... Эти акции будут проводиться гражданскими властями и полицейскими частями».*

В секретном распоряжении имперского начальника жандармерии от 12 марта 1942 г. указывалось, что *«не проведение казней в тех случаях, когда для этого имеются основания, просить разрешения не нужно».* В другой его директиве указывалось, что *«во время действий против партизан всех*

заподозренных в сочувствии к ним и все мужское население сел, в которых находились партизаны, без лишних разговоров расстреливать».

Поиск, перемещение, заключение. Первое, с чем пришлось столкнуться это перераспределение собственности. Практически на всей территории Беларуси данное было осуществлено в течение одного – двух месяцев. Так в результате, за счет переселения евреев смогли улучшить свои жилищные условия представители белорусской коллаборации и фольксдойче. Собственность уничтоженных евреев отправлялась в Германию с надписью «Пожертвования белорусского населения немецкому народу».

Особое место в системе мест принудительного содержания занимает лагерь **Тростенец**. В 1942 г. в этом подсобном хозяйстве СД у д. Малый Тростенец работало около 1 тыс. человек, из них примерно 600 евреев. По словам руководителя службы безопасности в Минске обер-штурмбанфюрера СС **Штрауха**, он продолжал функционировать и в период 1943 г. *«Возник вопрос, буду ли я принимать в лагерь людей, непричастных к саботажу, Будьте спокойны: уже принимаю. В настоящий момент я больше ничего не могу сказать, так как лагерь еще не полностью оборудован, но я заверяю, что это будет. Я буду возвращать людей из лагеря облагородившимися и трудолюбивыми».*

Топография смерти: гетто, лагеря смерти, места принудительного содержания. Таким образом, становление оккупационного режима осуществлялось германскими органами в ходе административно-правовой политики по выявлению и изоляции прежде всего бывших военнослужащих, евреев, цыган и др.

Лица еврейской национальности вносились в отдельные списки и подлежали отдельному проживанию. Так, 19 июля 1941 г. вышел приказ коменданта 812-й полевой комендатуры «Об образовании еврейского жилого района в г. Минске» (гетто).

К 1 августа 1941 г. вся его территория было ограждена. В сентябре по неполным данным там находилось около 55 тыс. Входы в зону установлены по ул. Республиканской (угол Республиканской, Шорной и Островской). Таким образом, управление гетто осуществляли немецкие коменданты – начальники гетто (к управлению относились меры по поддержанию внутреннего порядка и сохранению дееспособности трудовых отрядов. Осуществление сохранения безопасности являлось задачей СС и полиции). Особая роль в их укреплении гетто отводилась внутреннему самоуправлению.

В гетто, как правило в комнатах проживало по несколько семей. Имелась одна или две кровати. Остальные спали на полу. Нередко в таких комнатах находилось 20–50 человек. Все дома были пронумерованы. К

октябрю 1942 г. вся территория гетто была разделена на 5 жилых частей, охватывая 273 дома. Проживающие в них маркировались только желтыми латами.

В основном питание обеспечивалось за счет обмена вещей с жителями города. Горожане и жители близлежащих деревень подвозили продукты, подходили к границам гетто, договаривались об обмене. Если полиция фиксировала, то отбирала. А в ряде случаев расстреливали на месте.

В ряде мест для интенсивности ликвидации гетто использовали метод вывоза их состава в другие лагеря смерти. Так, в ходе двух акций в Гродно 18 января около 11 650 евреев было вывезено в Аушвитц, из которых 9861 были умерщвлены в газовых камерах и 13 февраля 1943 г. вторая часть в составе 3,5 тыс. еврейских мужчин, женщин и детей из первого гетто была вывезена в Трешлинку. Временные рамки их различные от одного-двух месяцев – до более двух лет (Минское гетто). Всего на территории Беларуси действовало 166 гетто.

Под влиянием происходящих процессов изменилась структура состава населения. Так в г. Минске каждый второй имел возраст до 18 лет, в гетто каждый пятый. Евреи, пытаясь спасти своих детей, отдавали знакомым и даже незнакомым вне гетто. Однако для опознания в Минске с 1941 г. действовала комиссия по определению национальности по внешнему виду. «Специалисты» выявляли еврейских детей и отправляли их обратно. В лучшем случае назад в гетто. Для детей в гетто школ не было. Еврейскому комитету удалось организовать для сирот детский дом по ул. Заславской*. Некоторые матери, боясь оставлять детей в гетто, брали их с собой на работу. Большая часть, из-за голода пробиралась в «русский район» и нищенствовала. Бывали случаи, когда мальчики «русского района» предупреждали полицейского, что жиденки ходят по домам. Вечерами они собирались у Западного моста, около ул. Московской, поджидая рабочие колонны, чтобы с ними вернуться назад.

Для обеспечения безопасности практически в каждом доме обустривались подвалы, чердаки, потайные места. В случае погромов прятались до его завершения. Немало примеров, когда для спасения всей группы укрывшихся в малинах матери душили своих детей.

Время от времени из «русского района» через кладбище в гетто приходили мародеры. Они вламывались в дома, угрожая убить требовали золото, деньги. В целях безопасности возле некоторых домов были вывешены металлические предметы, что бы отпугивать немецким патрулем. Ведь в случае задержания пойманных, как правило, расстреливали.

Наказание за любую провинность. Поведение строго регламентировано. И если, по представлению комиссара криминальной полиции в гетто продолжается половая жизнь, то на декабрь 1942 г. комиссаром г. Минска В. **Янецке** отмечен тот факт, «что впервые в этом отчетном периоде в гетто не отмечено ни одного рождения». Неудивительно, когда пришел в госпиталь комендант гетто **Рюбе** (1943) и увидел 30 беременных женщин он приказал СС-цам их расстрелять вблизи госпиталя.

При перемещении в другие места оставаться в них было мероприятием достаточно опасным по вышеназванным причинам. Так, некоторые жители Столинского района, чтобы отвести подозрения о связях с партизанами, поехали а гебитскомиссару в Столин и жандармерию в Высоцк. Один из них с Бутовских хуторов был возмущен тем, что лесные евреи забрали у него картофель из ямы. Летом 1942 г. он же в сопровождении 40 человек во главе с заместителем гебитскомиссара Столина сопровождал карательную акцию. Неожиданно попав в засаду партизанского отряда (ком. **Попов**, комис. **Корчев**) каратели были разгромлены. Это и спасло еврейскую группу. В другом случае, при патрулировании д. Довнарщина и Ждановичи Столбцовского района 3 апреля 1943 г. были замечены четыре посторонних лица. Патруль открыв по стрельбу убив двоих, а остальные при попытке к бегству. Все убитые были определены евреями из Минска.

Зафиксированы также факты ряда сложных ситуаций с польским населением или польскими партизанами. В ряде случаев наблюдались единичные или групповые факты их соучастия или организации антиеврейских акций в Ивенце (1941), убийство 10 партизан из отряда Зорина (20.1143) и др. Несмотря на это солидарность с евреями в Беларуси была больше, чем в других странах Европы. Это солидарность ни в коем случае не была односторонней, евреи также помогали неевреям в Беларуси.

Экономический фактор насилия и принуждения. Ряд директив германского командования обеспечивало взаимодействие различных хозяйственных сторон и учреждений: банков, торговли, организаций опеки, сберегательных касс, аптек и т.д. С учетом конфискации Уже после занятия территории Беларуси германскими органами было объявлено, что все имущество, как принадлежавшее государству, так и оставленное без хозяев, а также конфискованному еврейскому имуществу (пост. от 13.10.41) из-за военных действий объявлено собственностью Германии. Для повышения экономической активности среди населения использовался прежде всего еврейский капитал. На 28 июля характеризуя кредитную политику в Минске, органы полиции безопасности и СД отмечали что финансирование

осуществляется путем принудительных займов у евреев. Для этого из более 200 мест, где действовали гетто были представлены имущественные данные. Так в Брестском гетто согласно описи его стоимость германскими органами была определена в сумме 293560 рейхсмарок (РМ, 5.10.41 – 10.02.42).

Сложившийся дефицит на рабочем рынке вынуждал широко привлекать для этого еврейское население, военнопленных и местную рабочую силу. Уже 18 августа 1941 г. даны уточнения по отношению к еврейскому населению на восточных территориях. С учетом данных обстоятельств принималось решение о привлечении к работам женщин до 45 лет. Это подтверждают данные состава работающих, где числилось 10 тыс. евреев, 2 тыс. военнопленных и только 55 местных рабочих.

Обращает на себя внимание также интенсивная эксплуатация труда еврейского населения в сфере использования трудовых ресурсов, обеспечения жизнедеятельности городов и предприятий, выполнявших заказы вермахта. Первый этап этой политики характеризуется стремлением использовать имевшуюся социальную и профессиональную структуру еврейского населения для восстановления экономического потенциала городов (открытие еврейских ремесленных мастерских и предприятий сферы обслуживания). На втором этапе главный упор делается на создании государственных предприятий и артелей, где применялась еврейская рабочая сила. О факторе широкого использования данной категории оккупационными органами могут свидетельствовать донесения гебитскомиссариата Слуцка о том, что после ликвидации гетто он *«сразу потерял 1400 рабочих, всех специалистов, ремесленников. Евреи были отличными ремесленниками. Мои теперешние ремесленники слишком примитивны, их надо еще обучать»*. Всего на май 1942 г. в ГКБ по учетным данным работало 800 промышленных предприятий.

Тотальное уничтожение евреев. С началом военных действий против Польши была издана секретная инструкция для айнзатцгрупп о необходимости перемещения евреев малых местечек и населенных пунктов в гетто крупных городов. Существование гетто тем не менее с течением времени видоизменялось. Особенно с осени 1940 г. когда антисемитская политика оккупационных органов усилилась. В Беларуси с 1941 г. кроме германских подразделений принимали участие полицейские формирования Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, а также российские и белорусские коллаборационные структуры. Этому способствовало определение нарастающего партизанского движения как еврейского. Такая совмещенность понятий позволяла применять известные карательные формы в отношении

всех категорий населения. Этот фактор должен быть исследован и по причине того, что евреи, находясь за пределами гетто в относительно безопасных местах, становились случайными жертвами.

На общее положение в Беларуси оказали акции уничтожения мужчин-евреев летом—осенью 1941 г., а с ними уничтожили наиболее авторитетную их часть. Этим решалась задача лишения еврейских общин лидеров, которые могли бы разработать план совместных действий и возглавить борьбу против оккупационного режима. Оставив в живых менее полезных с точки зрения использования на принудительных работах иждивенцев (женщин и детей), немцы могли рассчитывать на то, что уцелевшие мужчины-евреи будут работать в целях обеспечения содержания своих семей и откажутся от участия в движении сопротивления, чтобы не подвергать опасности близких. Тем более, что еще большей активизации принуждали решения Ванзейской конференции от 20 января 1942 г. по *«окончательному решению еврейского вопроса»* согласно которому в Европе должны быть уничтожены 11 млн. евреев.

С конца января 1942 г. до осени 1943 г. начался новый период акций по уничтожению еврейского населения. В западных областях Беларуси с зимы до начала осени 1942 г. уничтожалось нетрудоспособное еврейское население, шла «зачистка» сельской местности, где проживали евреи, ликвидировались малые гетто, продолжалась концентрация евреев в крупных городах, создавались гетто закрытого типа.

Таким образом, по неполным данным в городах Беларуси фашисты уничтожили более 600 тыс.* человек. Их формы уничтожения были разнообразны. В основном в местах наибольшей концентрации – гетто. В ряде случаев для оперативности действий перемещали в лагеря смерти Тростенец, Колдычево. Использовали душегубки (Минское гетто), крематорий (лагерь смерти Тростенец), в других случаях: топление или заталкивание в прорубь (Западная Двина, Витебск, Видзовское озеро; Припять – Петриков, Мозырь), подрыв на минах (г. Сураж), сожжение (Раков, Глубокое, Долгиново, Лельчицы, Купренец, Радашковичи), расстрелы или пистолетные акции (большая часть) с применением практики раздевания (Полоцк, Витебск, Борисов, Лида), закапывание живыми (Шклов, Лепель, Петриков) и др.

Об этих ужасах после окончания войны начальник оперативной команды 4А Пауль **Блобель** считал, что даже их, ликвидаторов и карателей, следовало бы пожалеть, заявляя: *«Наши люди, осуществлявшие экзекуции, страдали от нервного перенапряжения гораздо больше, чем их жертвы. С психологической точки зрения они пережили нечто ужасное»*. Наряду с такими антигуманными выводами - противодействие тактике уничтожения

приводило к одной еще важной, но малоизученной проблеме – спасение евреев как одна из форм антигерманского невооруженного сопротивления в годы Второй мировой войны.

2.3. Женщины и дети как объект трудовой деятельности Поиски резервов пополнения трудовых ресурсов натолкнули германские органы на новый источник. Им оказались 15–35-летние белорусские девушки и женщины. Так, распоряжение **Заукеля** от 8 сентября 1942 года указывало на необходимость доставить в Германию 400 тыс. «помощниц по хозяйству»: 250 тыс. — из рейхскомиссариатов Остланд и Украина, 150 тыс. — из оперативных армейских зон. Восточных работниц отправляли в рейх и раньше, на общих условиях. Теперь их выбирали для целевого назначения. Местный руководитель **В. Кубе** обратился к одному из коллаборантов **И.А. Ермаченко** с требованием подключить БНС к работе среди женщин. Заметив, что белорусская деревня переполнена нигде не работающими 15-35-летними девушками и женщинами, он ждал от белорусской самопомощи содействия в том, чтобы *«разгрузить некоторые хозяйства от лишней вспомогательной рабочей силы»*. Не называя точной цифры, он в то же время указывал на необходимость *«провести набор так, чтобы для Германии было завербовано достаточное количество рабочей силы»*. Эта неуклюжая формулировка не маскировала, а подчеркивала тот факт, что отказаться от поездки будет очень трудно.

Одновременно в оккупационной периодике появился новый сюжет – о вербовке 15-35-летних женщин и девушек: *«Не медлите и решайтесь! Те из вас, которые на приемных пунктах получают места помощниц домашних хозяек, получают такое же продовольственное снабжение, как все гражданское германское население, будут жить в семьях и будут иметь, таким образом, возможность спокойной деятельности без лишних забот»*, - призывала газета «Новый путь» (Витебск) в декабре 1942 года. Газеты соблазняли: *«Каждая девушка и женщина может научиться многому: приготовлению кушаний, уборке жилища, уходу за детьми. Она может совершенствоваться в немецком языке. Вернувшись домой, такая женщина постарается устроить свой домашний очаг так же уютно и удобно, каким она видела и оценила его в течение прекрасного времени ее пребывания в Германии»*.

8 сентября из ведомства генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, а 10 сентября 1942 года из ведомства рейхсфюрера СС вышли подробные указания об использовании женского рабочего персонала (восточных работниц) в домашнем хозяйстве Германии. Указания явились дополнением к Общим положениям по вербовке и использованию рабочей

силы с Востока РСХА от 20 февраля 1942 года. В указаниях отмечалось, что после удовлетворения потребностей в рабочей силе предприятий вооружения и сельского хозяйства разрешается вербовка и использование восточных работниц в домашнем хозяйстве немцев. В домработницы вербовочные учреждения **Заукеля** направляли девушек и женщин, *«внешний вид которых в расовом отношении по возможности близок к немецкому народу»*. Запрещалось вербовать для этих целей фольксдойче, а также беременных и с маленькими детьми. Отобранные для отправки в рейх заносятся в общий транспортный список с пометкой «предусмотрена для домашнего хозяйства».

Провести второй этап отбора, определить, «насколько близко завербованные восточные работницы по своему внешнему виду расово соответствуют внешнему виду немецких женщин», были призваны уполномоченные **Гиммлера** и **Заукеля**. Они собирали девушек на сборном пункте, затем начинался «расовый отбор, представлявший грубую селекцию». При этом речь шла «не об определении для онемечивания, а, например, только лишь о том, чтобы предотвратить прием в Германию расово чуждых, ярко выраженных примитивно восточных и восточно-балтийских лиц, а также полностью невыдержанных расовых смесей», - предупреждала инструкция ведомства **Гиммлера**.

После «первичной селекции» отобранные женщины в составах для восточных рабочих или в отдельных вагонах обычных поездов направлялись в рейх. Это была специальная разрядка. Основная же масса женщин использовалась в военной промышленности, сельском хозяйстве, на строительстве оборонительных рубежей. 4 октября 1942 года рейхсфюрер СС **Г. Гиммлер**, выступая перед группой генералов в Познани, произнес свою сакраментальную речь, которая позже неоднократно цитировалась в нюрнбергских документах и многочисленных исторических исследованиях. Там была такая фраза: *«Погибнет ли десять тысяч русских баб от изнурения во время рытья противотанковых рвов, меня не интересует. Для меня важно только одно - когда ров будет закончен для Германии»*.

Не отставал от **Гиммлера** в цинизме и старший пропагандист Центрального бюро профсоюзов Беларуси **С. Колядка**. Перечисляя генеральному комиссару резервы рабочей силы для Германии, он обращал внимание на женщин, имеющих двух-трех детей, которые «достали» себе освобождение от работы и живут, перепродавая вещи или продукты на рынке. *«Теперь они хотят устроиться где-либо работать на предприятиях, но большинство боится немедленного направления в Германию, - писал профсоюзный пропагандист. - Конечно, их дело бояться - одно, но дело общее все*

же — их всех учесть и направить на работу туда, где они могут и где это нужно». И далее **С. Колядка** предлагал разбить город Минск на 3-5 районов и в каждом районе «иметь постоянные комиссии обследования семейных ресурсов». В комиссии он предлагал включить одного члена СД, двух-трех белорусских полицейских и ответственного работника местных профсоюзов. Таким образом, **С. Колядка** предлагал «избежать неприятностей и в семьях, и на предприятиях».

Акция по мобилизации прислуги в конце 1942 года практически провалилась. Для генерального округа Беларусь была установлена квота в 30 тыс., а до конца 1942 года смогли мобилизовать, по сведениям полиции безопасности и СД, около 100 человек. В целом же в числе остарбайтеров процент женщин был достаточно велик. Из 1 375 567 восточных рабочих, утнанных с 1 апреля по 30 ноября 1942 года, по данным отчета **Заукеля**, около 50 % составляли женщины.

Положение женщин также зависело от состояния физической работоспособности и возможности вести хозяйство. При его наличии все же они являлись основными производящими силами. Германские органы в этой связи также акцентировали "женщин этой страны можно рассматривать как полноценную рабочую силу, т.к. они привыкли к трудным мужским работам, но и значительно усерднее мужчин". Распоряжением рейхсминистра оккупированных восточных земель **А. Розенберга** от 5 сентября 1941 г. на территории Беларуси ввод обязательная трудовая повинность для местного населения в возрасте от 18 до 45 лет. Следует заметить, что рейхскомиссары были уполномочены по своему усмотрению освобождать беременных и женщин с детьми младше 14-ти лет от обязанности регистрироваться на биржах.

Германские власти, которые из идеологических соображений стремились ограничить привлечение немецких женщин к работе в промышленности, широко вербовали и использовали в военной экономике Германии женщин, вывезенных из оккупированных территорий. При чем к подобной работе допускались лица женского пола в возрасте от 15 до 35 лет, внешний вид которых «расово» соответствовал внешнему виду немецких женщин. Уже на 31 мая 1942 г. среди гражданского населения, вывезенного с восточных оккупированных территорий на работы в рейх, насчитывалось 198 тыс. женщин. Практически как в Германии, так и на оккупированных территориях происходила замена мужской рабочей силы женской. Таким образом, очевидна тенденция привлечения женщин к производственной деятельности. Такое представление отражено в материалах регистрации трудоспособных

женщин Минского района (на 1 декабря 1942 г.): работающие 7248 и безработные 933.

«Освобожденные» германской армией от «страшного большевистского ада», русские женщины должны были, как писала одна из белорусских коллаборационистских газет, «упорным трудом помогать скорейшему восстановлению хозяйства». В результате возрастные рамки трудовой повинности корректировались на местах и распространялись на женщин от 14 до 55-летнего возраста.

Что касается сельской местности, то там проживала большая часть женского населения. Именно на их плечи ложились все тяготы по выполнению сельскохозяйственных поставок. Кроме того, как и все население оккупированных территорий, они в обязательном порядке привлекались к работам на дорожном строительстве, в лесном хозяйстве, на торфозаводах, при очистке различных объектов от снега и льда в зимний период. Таким образом, почти 2/3 занятых в производстве на оккупированной территории Беларуси составляли женщины. При этом оплата их труда осуществлялась по немецким стандартам. В рейхскомиссариате «Украина» женщины получали 80 % от заработной платы мужчин, а в округе «Белосток» их зарплата составляла лишь 75 % от мужской. В условиях дискриминации еврейские работники получали только 80 % от заработной платы рабочих других национальностей, соответственно уменьшалась ставка еврейских работниц. Если женщины выполняли работы, равные по своей нагрузке и производительности с мужскими, то в ряде мест им предусматривалась одинаковая с мужчинами зарплата.

В своем большинстве они продолжали быть основными кормильцами семей, приняв на себя и мужские хозяйственные обязанности по дому. В сельской местности хозяйство как правило состояло из двора, 1–2 коровы, свиньи, овцы, куры, гуси и, возможно, другая мелкая живность, которую надлежало содержать и обеспечивать всем необходимым. Таким образом, они являлись основными производящими силами. Германские органы в этой связи также акцентировали *"женщин этой страны можно рассматривать как полноценную рабочую силу, т.к. они привыкли к трудным мужским работам, но и значительно усерднее мужчин"*.

В особенно тяжелом положении оказались еврейские женщины. До «окончательного решения еврейского вопроса», т. е. тотального уничтожения евреев, на всех представителей данной национальности, в том числе женщин, возлагалась обязанность работать на оккупантов. Принудительная трудовая повинность распространялась на женщин в возрасте от 16 до 50 лет.

Нацистская политика геноцида, проводившаяся оккупационными властями в отношении еврейского населения, предполагала интенсивное использование труда евреев на самых трудоемких, изнурительных и низкооплачиваемых работах. Еврейские женщины, узницы минского гетто, мостили двор тюрьмы камнями, которые нужно было носить, разбивать и укладывать. Несмотря на строгие запреты, обмен вещей на продукты стал для большинства еврейских женщин единственной возможностью пополнить свой скудный паек.

Особо тяжелым для женщин стало их пребывание в лагерях для военнопленных. Их использовали на различных работах. Нередко в качестве обслуживающего персонала в лазаретах или солдатских домах. К примеру, в шталаге 352 таковых девять молодых девчат в возрасте 20–25 лет были направлены в лазарет в качестве сестер и прачек (05.42). Однако там особо цинично относилась к ним лагерная охрана из числа бывших военнопленных и лагерные полицаи. Они насиловали пленниц или под угрозой смерти заставляли сожительствовать с ними. В шталаге № 337, неподалеку от Барановичей на специально огороженной колючей проволокой территории содержалось около 400 женщин-военнопленных. В декабре 1967 г. на заседании военного трибунала Белорусского военного округа бывший начальник охраны лагеря А.М. **Ярош** признался, что его подчиненные насиловали узниц женского блока.

В некоторых случаях лагерное руководство не препятствовало родам. После рождения ребенка мать-военнопленная либо переводилась в статус гражданского лица, освобождалась из лагеря и отпускалась по месту жительства ее родных на оккупированной территории, либо возвращалась с ребенком в лагерь. Так, из документов лагерного Шталага 352 в Минске, известно, что приехавшая 23.2.42 в Первую городскую больницу для родов медицинская сестра Александра **Синдева** уехала вместе с ребенком в лагерь для военнопленных Ролльбан.

В 1944 г. отношение к женщинам-военнопленным ожесточается. Их подвергают новым проверкам. В соответствии с общими положениями о проверке и селекции советских военнопленных, 6 марта 1944 г. ОКВ издало специальное распоряжение «Об обращении с русскими женщинами-военнопленными». В этом документе говорилось, что содержащихся в лагерях военнопленных советских женщин следует подвергать проверке местным отделением гестапо так же, как всех вновь прибывших советских военнопленных. Если в результате полицейской проверки выявляется политически неблагонадежная женщин-военнопленных, их следует освобождать от плена и передавать полиции. На основе этого распоряжения

начальник Службы безопасности и СД 11 апреля 1944 г. издал приказ об отправке неблагонадежных женщин-военнопленных в ближайший концлагерь. После доставки в концлагерь такие женщины подвергались так называемой «специальной обработке» – ликвидации. Нередко записи индивидуальных регистрационных карточек военнопленных тщательно старались скрыть факт их убийства. Так на Зинаиду Гельфман – врача по профессии и уроженку г.Борисова, попавшую в плен 23 июля 1941 г. стационарного лагеря № 57 (бирка 2275) указано, что она 27 августа 1942 г. отпущена и направлена на биржу труда Лукенвальде. Таким образом, она была переведена в статус гражданской рабочей.

С октября 1943 по июнь 1944 гг. в Оршанском укрепленном районе в распоряжении командир 78-й штурмовой дивизии Г. Траута имелось 7 рабочих батальонов, состоявших из 1200 мирных граждан. Из них 5 батальонов было укомплектовано женщинами. Наиболее здоровая часть местного населения угонялась на рабский труд в Германию. В отношении латышских частей СС, которые в начале 1944 г. дислоцировались в районе Витебской области по свидетельству офицера по особым поручениям тыла РОА поручика В. Балтиньша (26.05.44) *«Когда эта латышская часть уходила, она взяла с собой в качестве наложниц несколько русских женщин и девушек. Им вменялось в обязанность стирать белье солдатам, топить бани, чистить помещения и т.п.»*.

Беззащитность, насилие, дети. Оставаясь наиболее беззащитными как в условиях оккупации на территории Беларуси, так и в Германии, женщины неоднозначно представляют свое собственное положение. С одной стороны, по утверждению ряда историков, прежде всего беременные и незамужних восточных работниц освобождали от принудительных работ в германском рейхе и отправляли на родину. Правда ситуация несколько изменилась с конца 1942 г., когда была принято временное решение «Об отношении с беременными иностранными работницами», где беременные, но работоспособные вынуждены были оставаться. И лишь в исключительных случаях – с согласия руководителя предприятия. В марте 1943 г. данное постановление было продолжено «на период военных действий». Тем не менее оно восточные рабочие жили согласно действующих предписаний в отношении польских работниц. Правда Вот некоторые из них

Определенным фактором дестабилизации общества являлись вывоз, уничтожение или оставление без опеки детей. В сложившихся условиях, когда немалое число взрослых погибло, ранее действовавшие сиротские дома не вошли в сферу обеспечения германскими органами. Кроме того, немалое

число больных детей оставалось без опеки и медицинской помощи. Например, в Витебске в детдоме № 1 в 1942 г. находилось около 100 детей до 6 лет. Из-за тяжелых условий большинство из них умерло. В Брестской, Бобруйской, Полоцкой и Гомельской областях было сожжено и расстреляно 63 920 детей и подростков. Таким образом, только в Бегомльском районе было уничтожено или вывезено в немецкое рабство 3703 ребенка. Всего же из Беларуси в Германию вывезено 24 180 детей.

Новый дискурс о добрых немцах в условиях войны. Практически в каждом личностном повествовании свидетелей имеется эпизод о добром к ним отношении. Ранее такие примеры извлекались в редакторских столах и подобные мысли на долгое время исчезали. Сейчас положительность такого рода общения с противником и не только на территории Беларуси можно встретить довольно часто.

Вот некоторые примеры из ...

Возращение на Родину. После войны началась репатриация насильственно угнанного населения. Тем не менее их положение, особенно женщин, оставалось очень тяжелым. Так, на станции Брест были вскрыты случаи покушений на изнасилование представителями военных или гражданских органов власти. Среди таких, 4 июля 1945 г. репатриированная Л.И. **Норман**. 7 июля 1945 г. начальник санчасти Брестского проверочно-фильтрационного пункта НКВД СССР врач **Фиш** в справке о венерических заболеваниях отмечал, что среди граждан, прибывавших на Брестский ПФП НКВД СССР, часто встречались венерические заболевания – сифилис и гонорея. Так, например, в апреле 1945 г. санчастью Брестского пункта был проведен медицинский осмотр прибывших граждан на венерические заболевания. Из 600 женщин, взятых подряд, 325 женщин оказались больны гонореей. Сифилис встречался реже, но тем не менее и он имел место.

Медицинской помощи на пункте больные гонореей не получали из-за отсутствия специального отделения для госпитализации и необходимых документов. Таким образом, больные следовали к месту жительства. Больные же сифилисом госпитализировались местным венерическим диспансером. Врач **Фиш** считал, что для борьбы с венерическими заболеваниями необходимо открыть венерическое отделение в г. Бресте для нужд ПФП НКВД СССР, куда можно было бы направлять на лечение возвращавшихся из Германии.

Бесспорно, что такая проблема имела место. Однако остается открытым вопрос о времени такого массового заражения. В большей степени такие

случаи имели место по освобождению бывших подневольных и направлении их назад через фильтрационные пункты в СССР.

2.4. Депортации: основные лагеря смерти, концентрационные лагеря, места принудительного содержания гитлеровской Европы

Трудовая зависимость: вывоз населения. Таким образом, если на первом этапе незначительный вывоз населения на принудительные работы в Германию еще служил некоторым фактором стабилизации общества, то положение изменилось к 1943 г. С одной стороны, значительно возросла потребность Германии в людских ресурсах, а с другой, в 1943 г. на территории Беларуси были начаты широкомасштабные карательные операции. В результате к марту 1943 г. количество вывезенных на принудительные работы составило около 35 тыс. человек.

Это, как и другие факторы, значительно усилило прежде всего трудовую зависимость населения от оккупационных органов. Так, начальник службы полиции безопасности и СД в ГОб **Штраух**, принявший под свое руководство воспитательный лагерь Тростенец, намеревался осуществить в нем три ступени воспитательной работы.

1. Жесткие меры, тяжелый труд, строгие телесные наказания.
2. Напряженный труд, но лучшая работа и лучшее обращение.
3. Работа вне лагеря на фирмах и т.д.

“Возник вопрос, буду ли я принимать в лагерь людей, непричастных к саботажу. Будьте спокойны: уже принимаю. В настоящий момент я больше ничего не могу сказать. Так как лагерь еще не полностью оборудован, но я заверяю, что это будет. Я буду возвращать людей из лагеря облагородившимися и трудолюбивыми”.

Причины вывоза были различными: разнарядка в населенных пунктах, близость к коммуникациям или границам рейха, нахождение в партизанской зоне, зачистка прифронтовой полосы и т.д. Одной из форм явилась насильственная эвакуация населения в период наступления Красной Армии. Поводом к этому служил отказ части жителей от быстрого выезда из жилых помещений. Многие из них стремились еще сохранить остатки имущества, некоторые, по мере возможности, возвращались назад в надежде выжить. В этой ситуации солдаты практически оставались хозяевами, и они всячески злоупотребляли своим положением. Так, согласно приказу коменданта Гомеля жители города должны были эвакуироваться к 17 октября. В соответствии с решением командования оставшиеся 24 октября должны были быть расстреляны. Жертвами стали сотни людей. К примеру, только рота 299-

го саперного батальона примерно за 3 часа сожгла 24 и расстреляла 19 мирных граждан.

Так, из сравнительно малонасыщенной партизанами Гродненской области, тем не менее вывезено 72 тыс. жителей. При этом селекция населения была направлена больше всего на производительный возраст. Нередко выбор падал на единственного кормильца семьи или на мать с детьми и т.д. В конечном итоге это сказывалось на социальном положении как отдельной семьи, так и населения деревни или региона в целом.

Категории принудительных рабочих. Таким образом, из состава принудительных рабочих можно выделить три категории.

1. Вывезенные нацистами на принудительные работы в трудовых батальонах в Германии (2,8 млн, из них около 2 млн еще жили в Германии).
2. Военнопленные (из 5,754 млн военнопленных, захваченных в годы войны в СССР, осталось в живых около 1,5 млн.).
3. Беженцы, которые, спасая свою жизнь от возможных преследований советской власти (всего около 1 млн, часть из них отправлены силой в советские трудовые военные формирования).

Так, рабочие, привлекавшиеся к принудительному труду, – те лица, которые в принудительном порядке или на основании заведомо ложной информации были угнаны или которым после добровольного пребывания здесь не позволили вернуться назад и которых привлекали к принудительному труду в особо тяжелых условиях жизни: в заключении или в условиях, в которых их свобода была существенно ограничена другим образом, или они были ущемлены в своих личных правах, или подвергались особо строгим дисциплинарным мерам.

За привлечение к принудительному труду в сельском хозяйстве или в сфере оказания личных услуг (в домашних хозяйствах, гостиницах и т.п.). Лица, привлекавшиеся к принудительному труду в промышленности, сфере промысла, строительства и электроэнергетики, на железных дорогах или почте рейха. Разница обуславливается более тяжелыми условиями труда, заключением в охраняемых лагерях и большей опасностью для жизни, связанной с воздушными налетами союзников (с запретом на пользование бомбоубежищами!).

– Лица, привлекавшиеся к рабскому труду – согласно закону рабочие, которые были вынуждены трудиться в условиях, приравняемых к условиям концентрационных лагерей. Для признания рабского труда не было существенным, имело ли место привлечение к труду на территории

определенного концлагеря или же узники концлагеря отправлялись на фабрики или другие места работы. Лицами, привлекавшимися к рабскому труду, а также большинство заключенных воспитательно-трудовых лагерей (ВТЛ).

- Дети и несовершеннолетние до 12 лет, которые были депортированы вместе с их родителями. Сами дети не привлекались к труду, однако в связи с принудительной депортацией испытали те же ужасы, что и их родители.
- Женщины, привлекавшиеся к принудительному и рабскому труду, которым во время привлечения к принудительному труду пришлось рожать детей в специально отведенных для них нацистами родильных домах или произвести в принудительном порядке искусственное прерывание беременности.

При этом тенденция различия продолжала действовать и после их перемещения на территорию рейха как белорусов или поляков. С 4 апреля в масштабах рейха введены правила по их дальнейшему распознаванию. Так, в пределах административного округа Белосток были введены различия между белорусами и украинцами, польскими и восточными рабочими. На основании решения от 2 февраля 1942 г. все были обозначены как восточные, поэтому вводились различные пропуска для польских и восточных рабочих с наличием фотографии (указание от 13.11.1941). Было признано целесообразным в зоне бецирка подразделять на группы: а) украинцы, белорусы и русские, б) кошубы, мазуры, шлёнзаки, которые не входили в зону немецкого народа. Для белорусов необходимо иметь нашивки, как и соответственно для русских. Признание в правах поляков было обозначено в рамках восточных и северных территорий рейха. Поэтому их вносили в категорию "поздних поляков".

Анализируя общие потери СССР, можно определить, что категория пленных составила 4,5 млн человек, из которых только 1,8 млн возвратились на родину.

Места принудительного содержания иностранных военнослужащих. В ряде случаев за отказ продолжать участие в военных действиях после выхода из союзнических обязательств ряда стран германские органы арестовывали и перемещали в лагеря иностранных военнослужащих с содержанием на общих основаниях. Так, значительное число из итальянских формирований находились в лагерях: № 125 в Полоцке (д. Боровуха); № 8 в д. Березовка Глубокского района (около 1500 чел.); № 330 в Витебске; № 142 в Бобруйске и Марьиной Горке; № 337 – около ст. Лесная Барановичского района (с 16.09.1943 филиал лагеря № 352);

№ 352 в Масюковщине с отделениями в Ратомке, Радошковичах, Ждановичах, Олешковичах, Минске; № 357 – на ст. Колодищи;

система пропускных лагерей № 314 в Бресте; № 240 в Борисове; № 342 в Молодечно; № 362 в Слуцке;

штрафные лагеря: № 240 Могилеве; № 313 – в Осинторфе, Гродно, Воложине, Лиде, а также Лунинце, Мостах, Парафьяново Глубокского района, Пинске, Толочине и др.

Охрана лагерей и уничтожение пленных. Охрану лагерей и уничтожение пленных производили подразделения вермахта, полиции и СД, СС. Была создана сеть тюрем местными и полевыми комендатурами, полицией безопасности и СД, военной разведкой и контрразведкой, жандармерией, ГФП, охранной и уголовной полицией. Во многих городах их было несколько. Например, в Бобруйске одна тюрьма находилась в ведении СД, другая – военной комендатуры. Кроме того, имелась общегородская тюрьма с камерами предварительного заключения, принадлежавшая городской полиции, жандармерии, ГФП. Особое обращение с военнопленными возлагалось вермахтом на оперкоманды полиции безопасности и СД. В тюрьмах повсеместным явлением были телесные наказания. Из данных городской тюрьмы Витебска видно, что с января по август 1942 г. такому наказанию подвергалось 140 человек, каждый из которых получил от 10 до 300 ударов палками. Нередко забивали до смерти. В частности, Василий **Кузин** их получал 12 января, 10 февраля, 10 марта по 25 ударов, а 8 апреля во время очередной экзекуции умер. Управление лагеря состояло из 6 отделов (руководство, отдел "Абвер", организационный, пропагандистский, производственный, санитарный). Структурно шталаг состоял из двух частей – Лесного лагеря около д. Масюковщина и городского, расположенного в "Пушкинских казармах" Минска. К концу августа 1941 г. в городском лагере разместился госпиталь шталага. Военнопленные размещались в бараках и бывших казармах по 400–500 человек, рассчитанных на 60–75 человек. Большое количество пленных оставалось просто на территории лагеря. Зимой 1941–1942 гг. в Лесном лагере 80 % пленных содержалось под открытым небом, многие из них замерзли.

Одно только передвижение к лагерю стоило жизней сотням пленных. К примеру, передвижение в конце января 1942 г. от вокзала по главной улице Минска к лагерю протяженностью более километра было усеяно трупами расстрелянных. И такая практика продолжалась до конца войны. Так, 10 июля 1943 г. 600 больных военнопленных должны были проследовать путь через дулаги 203 и 121.

Большинство лагерей и их роль в перемещении и отборе населения для вывоза на принудительные работы остаются малоизвестными для белорусской историографии. К примеру, через Пятый полк, который начал функционировать уже с сентября 1941 г. в Витебске, прошло 150 тыс. советских солдат и мирных жителей, более половины из них погибло. Сначала в нем содержались пленные советские солдаты и офицеры. Территорию обнесли колючей проволокой, по углам поставили вышки. Зона барачников отделялась от общей территории лагеря коридором из нескольких рядов колючей проволоки. Бараки без печей, без потолков, пол цементный, нары в три этажа, проходы узкие – два человека едва разойдутся...

Питание – 150 граммов хлеба и пол-литра похлебки в день. Питьевая вода – из покрытого ряской лягушачьего болота. Через этот «витебский Майданек» прошло 120 тысяч военнопленных, из которых 75 тыс. были расстреляны либо умерли от голода и болезней. Из областного центра и деревень Витебщины туда было согнано 20 тыс. жителей, преимущественно женщин, стариков и детей. Из тех, кто имел отношение к партизанам, формировали большие группы и отправляли в «более совершенные» лагеря, наподобие Освенцима. Всего в Пятом полку было умерщвлено около 4 тысяч витебчан.

Дахау.

Освенцим — Бжезинка, официально именовавшийся Концентрационным лагерем Освенцим, занимал территорию в 40 км² в 60 км к западу от Кракова. В итоге он стал громадным комплексом, состоявшим из нескольких дюжин подлагерей. Освенцим был разделен на три основных лагеря, второй из которых был известен как Бжезинка, или Освенцим II, и являлся собственно центром уничтожения. Приказ о создании концлагеря Освенцим был отдан в апр. 1940. Первых польских заключенные отправили туда 14.6.1940. Начиная с весны 1942 в Освенцим привозили для уничтожения евреев со всей Европы. В лагере также содержалась бригада еврейских заключенных для рабочих целей. В конце концов, Освенцим стал самым большим из лагерей, а с добавлением газовых камер — еще и самым крупным центром уничтожения. До начала 1990-х гг. польская статистика показывала, что в Освенциме погибло от 2,8 до 4 млн чел.; по меньшей мере 2,5 млн из них были евреи. Но подсчеты западных и израильских ученых колеблются в диапазоне от 1 до 1,5 млн. После выхода в свет исследования Джорджа Уэллера и Франтишека Пайпера ученые сошлись во мнении, что жизнь в Освенциме потеряли приблизительно 1—1,5 млн чел., 90% из них евреи.

Потулицы Весной и осенью 1945 г. из Германии, Польши, Бельгии, Франции начали прибывать в СССР эшелоны с малолетними узниками

фашистских концлагерей. Конечными остановками поездов стали Киев, Москва, Витебск, Молодечно, Брест и Львов. Всех бывших узников разместили в детских домах. И уже тогда стало очевидным, что большинство малолетних мучеников родом из Витебской области... **Литвинов** установил, что из 442 узников только одного лагеря уроженцами Витебщины является 391 человек! Это 88,5 %. Доли остальных были таковы: из Гомельской и Могилевской областей Белоруссии - 8 человек (1,8 %); из российских Смоленской области - 17 чел. (3,8 %), Псковской (до войны - Ленинградской) области - 19 чел. (4,3 %); Днепропетровской и Харьковской областей Украины - 7 чел. (1,6 %).

Более того, в Потулицкий лагерь, что в районе Быдгоща, из Освенцима в ноябре 1943 г. привезли 542 советских ребенка. Их разместили в двух специально построенных дощатых бараках. От остальной территории они были отделены ограждением из колючей проволоки. Вход в бараки охраняли часовые. И все эти 542 мальчика и девочки были - исключительно из Витебской области. Возраст - от полутора до четырнадцати лет. Номера на руке колебались в пределах: у девочек - от 61 417 до 66 127, у мальчиков - от 149 467 до 158 963. Их разместили в двух специально построенных дощатых бараках. Вход в эти бараки охраняли часовые. Лагерь располагался в красивом месте, рядом был густой лес. Детей иногда выводили в лес, и те от голода объедали побеги молодых сосен, елей, обгладывали кустарники. Полностью объедали листья с молодых лип.

Этот лагерь рассматривался нацистами в качестве экспериментальной лаборатории. Поэтому здесь регулярно проводилась фильтрация детей в возрасте от 6 до 10 лет для отбора «полноценных» и «неполноценных» по составу крови. Недаром в секретном фашистском документе «Некоторые соображения об обращении с лицами немецкой национальности на Востоке» говорилось: «Мы ведь верили в нашу собственную кровь, которая из-за ошибок немецкой истории попала в чужую национальность, и убеждены, что наше мировоззрение и наши идеалы найдут отклик в одинаковых в расовом отношении душах этих детей».

Раз в месяц в Потулицком концлагере детей «предъявляли» членам окружной расово-биологической и медицинской комиссии. Измерялись лоб, нос, расстояние между углами подбородка, ощупывался череп, зарисовывался профиль, описывалась форма ушей, сравнивались длина и ширина лица, проверялась походка, рассматривалась под увеличительным стеклом структура волос... Члены комиссии решали их судьбу. От того, какой будет выписан паспорт расовой оценки, зависела дальнейшая жизнь ребенка.

В Потулице также создали довольно большую группу детей-доноров. Все они были светлоглазы и светловолосы. Фашистам требовалось много детской донорской крови, тем более что недалеко от лагеря находился немецкий госпиталь. Кровь у детей брали и в предшествующих лагерях. Но там это делалось эпизодически, от случая к случаю. Здесь же, в Потулице, детское донорство стало нормой. Их поднимали среди ночи и строем вели «на кровь». Ее брали вопреки общепринятым нормам не один, а несколько раз в месяц. «Кровь у меня брали 15 раз. После освобождения в течение шести месяцев лежала в спецлечебнице в Киеве. Ценой огромных усилий врачи сумели вернуть мне зрение. Правда, ныне оно очень слабое». (Из воспоминаний уроженки Витебщины Евгении Григорьевны Климович-**Ивановой**, 1936 г. рождения, номер татуировки 61925). «Вены были исколоты. Кровь брали то из одной, то из другой руки. Даже не представляю, как остался в живых. Ведь только подумать: 18 раз выцеживали, высасывали из меня кровь». (Из рассказа витебчанина Василия Степановича **Мельяченко**, 1929 г. рождения, номер татуировки 149863). От большой потери крови многие умирали. «Усиленное» донорство позволяло отсеивать больных и слабых.

Константынув Это был лагерь недалеко от индустриального Лодзи - города в центральной части Польши. Несмотря на то, казалось бы «мягкий» статус этого лагеря, он считался одним из наиболее тяжелых для узников. Видимо потому, что угнетению подвергались души детей-заключенных.

К осени 1944 г. наблюдательный (наблюдательный) лагерь для молодежи с Востока при полиции безопасности в Константынуве-Тухингене был укомплектован. Более 2 тыс. ребят из России, Белоруссии и Украины разместили в здании фабрики Швайкерта на Лодзинской улице. Больше 80 % из них составляли дети из Витебской области.

Смысл, скорее всего, был в том, что фашисты решили проверить, как подвергаются «германизации» дети из разных регионов Советского Союза. К тому же в Константынув попала и небольшая группа цыганских детей, прошедшая вместе со славянскими ребятами все круги фашистского ада. Что, как уже было сказано выше, противоречило всякой теории нацизма.

Детей распределили по возрастным группам. Всего насчитывалось шесть групп. Нулевая - в нее входили дети от нескольких месяцев до 3 лет, первая - от 3 до 5 лет, вторая - от 5 до 8 лет, третья - от 8 до 12 лет, четвертая - от 12 до 14 лет, пятая - от 14 до 16 лет.

Поначалу детям казалось, что они попали в другой мир. Спали на соломенных матрасах, укрывались одеялами. На завтрак им давали небольшую булочку с кусочком маргарина и подслащенный чай, на обед -

миску борща или супа. И хотя все равно хотелось есть, но эти условия были намного лучше, чем в предыдущих концлагерях.

Дети понимали, что они узники и что их к чему-то готовят. В лагере были две группы воспитателей – русские и немецкие.

Детей готовили к тому, чтобы они забыли собственных отца и мать, сестру и брата. И белорусскую девочку Анастасию **Заикину** воспитательница уже называла Гретхен **Миллер**, а другую, Люсю Зуеву из д. Пронино, что под Витебском, Ингрид **Хорст**.

Им внушали, что армия фюрера обязательно завоюет Россию. Им повторяли: *«Забудьте, что вы дети партизан! Обо всех, кто находится здесь, фюрер сказал, что это завтрашние солдаты и работники...»*

Их учили говорить, читать и писать по-немецки. Чтобы они не только говорили, но и думали по-немецки. Во время праздника, устроенного в честь дня рождения Гитлера, детей заставляли исполнять фашистские песни.

Метод воспитания был один: муштровка, казарменная дисциплина. Постоянная шагистика. Во дворе в течение нескольких часов, как мальчиков, так и девочек гоняли туда-сюда. Команды подавались на немецком языке...

Сложнее было со старшими детьми. Выбить из них дух «бывшей» Родины надсмотрщикам-воспитателям и экспериментаторам было невероятно сложно. С малолетками было проще: через определенный срок они начинали забывать простые белорусские слова: дом, хлеб, вода, улица. Эксперимент был прерван наступлением советской армии.

Майданек. (Majdanek), лагерь смерти для военнопленных на юге Польши, в окрестностях Люблина, один из крупнейших в Восточной Европе. Начал функционировать в окт. 1941; был оснащен 7 газовыми печами. В М. содержались советские военнопленные, депортированные граждане Белоруссии и Польши, европейские евреи. Здесь погибли ок. 360 тыс. узников: из них ок. 215 тыс. чел. скончались от истощения, болезней и жестокого обращения, а ок. 145 тыс. чел. были либо расстреляны, либо удушены газом. Большинство сооружений лагеря (кроме газовых камер) было разрушено еще до того, как Красная Армия освободила Майданек в июле 1944.

Майданек, второй концентрационный лагерь и комплекс уничтожения, был построен в окрестностях Люблина в Восточной Польше. В июле 1941, сразу после нападения Германии на Советский Союз, Гиммлер побывал в округе Люблин, с тем чтобы найти место для постройки нового концлагеря, способного разместить 50 тыс. заключенных. Он предполагал устроить дополнительные лагеря рядом с первым, когда тот заполнится. В сент. 1941

СС запланировала Майданек как лагерь для военнопленных и интернированных гражданских лиц. Строительство началось в октябре 1941; на постройке лагеря работали польские евреи, советские военнопленные и крестьяне из близлежащих деревень. Официально рассматривавшийся до февраля 1943 как лагерь для военнопленных, Майданек на самом деле был концентрационным лагерем, а позднее стал центром уничтожения. В лагере находились представители свыше 50 национальностей, но большинство из 300 тыс. его обитателей были евреи (ок. 120 тыс.) и поляки (ок. 100 тыс.). Из них 235 тыс. погибли в лагере.

Согласно подсчетам, проведенным Данутой Чех и Франтишеком Пайпером, в Освенцим были депортированы 1,3 млн. чел., из них 1,1 млн. составляли евреи. Всего погибло 1,1 млн. заключенных, в т. ч. свыше 1 млн. евреев, 75 тыс. поляков, более 20 тыс. цыган, 15 тыс. советских военнопленных и свыше 10 тыс. представителей др. национальностей. Но для 200 тыс. заключенных, выживших в Освенциме, мучения не закончились. Тысячи умерли от истощения или были застрелены во время маршей к железнодорожным станциям, другие умерли во время перевозки в открытых угольных вагонах. Очень многие не выдержали лишений в лагерях Берген-Бельзен, Штуттоф, Маутхаузен, Бухенвальд, Дахау, Флоссенбург, Заксенхаузен, Нойенгамме и др..

Майданек в сущности с самого начала выполнял функции концлагеря и центра уничтожения. СС предпочитала время от времени использовать сразу несколько методик уничтожения, а не отдавать предпочтение одному какому-то процессу. В первые годы существования лагеря, 1941—42, СС устраивала расстрелы советских военнопленных, зачастую массовые, уносившие каждый до 1000 жизней солдат и офицеров. Кроме того, заключенных вешали, топили (в небольшом лагерьном водоеме), душили, забивали и затаптывали насмерть. Многие умирали от болезней и истощения из-за условий содержания в лагере.

Самым распространенным методом массовых убийств в Майданеке, как и в большинстве других Л. с, было удушение в газовых камерах. В авг. — сент. 1942 в Майданеке оборудовали 2 временные газовые камеры. Охранники загоняли узников в здания под названием «душевые», которые на самом деле являлись газовыми камерами. Две из них освещались т. о., чтобы эсэсовцы могли наблюдать за умерщвлением через «глазки». Обычно умерщвление газом происходило ночью, когда пленные спали; тех же, кто работал в газовых камерах, содержали отдельно от др. заключенных. В мае — июле 1943 в Майданек доставили тысячи евреев из Варшавского гетто на казнь. С окт. 1942

здесь функционировали 3 постоянные газовые камеры, в которых заключенные гибли от асфиксии. Для этой цели применялась либо окись углерода, либо газ Циклон-Б (окись углерода убивает, соединяясь с гемоглобином в крови и замещая кислород; синильная кислота в составе Циклона-Б препятствует кислородному обмену в клетках).

Самое крупномасштабное убийство произошло в Майданеке 3.11.1943, когда СС расстреляла 18 400 евреев во рвах рядом с крематорием. Евреев заставляли раздеться и лечь в грязь лицом, затем эсэсовцы расстреливали их из пулеметов, пока не заполняли рвы телами в несколько рядов. На протяжении всего дня этой бойни в лагере по громкоговорителям играли песни, чтобы заглушить звуки выстрелов и крики умирающих. После операции пригнали пленных — помочь закопать могилы и сжечь не уместившиеся в них тела, чтобы уничтожить все следы массового убийства. Остатки костей измельчили специальной мельницей в муку, которую сложили в мешки и отправили на склады СС для использования в качестве удобрения.

Переработка тел была главной проблемой для многих центров уничтожения. В Майданеке, как и во многих других лагерях, поначалу трупы хоронили в общих могилах. В июне 1942 построили два небольших крематория, но они не справлялись с такой массой тел. В итоге пришлось сжигать тела на открытом воздухе на специально сложенных кострах. При этом использовали метод, усовершенствованный в Л. с. Треблинка: над глубокой ямой укладывали решеткой железные рамы от грузовиков, а сверху чередующиеся слои тел и дров. Затем костры поливали бензином или метанолом и поджигали. В конце концов, построили большие крематории с пропускной способностью 1 000 тел в сутки. К 1943 единственными ограничениями для процесса уничтожения в Майданеке служили поломки механизмов и нарушения железнодорожного графика.

Нацисты начали эвакуацию Майданека задолго до освобождения лагеря Красной Армией в июле 1944, поэтому только ок. 1 000 узников приветствовали наступающие советские войска. Но т. к. у персонала СС было мало времени для уничтожения лагерных построек, советские войска обнаружили газовые камеры, крематории, трупы и большие склады, заваленные вещами, конфискованными у заключенных. В этом отношении Майданек отличается от 4 др. центров уничтожения. Нацисты успели закрыть их задолго до освобождения территорий, на которых те находились.

Треблинка. (Treblinka), лагерь смерти, располагался к северо-востоку от Варшавы, был построен в 1942 прежде всего для уничтожения евреев Варшавы и др. районов Польши. В Т. погибли приблизительно 870 тыс. евреев

из Польши, Греции и Югославии, а также по меньшей мере 2 тыс. цыган. Первоначально лагерь был спроектирован с тремя газовыми камерами, но без крематория; трупы убитых рабочие-славяне хоронили в общих могилах позади газовых камер. К окт. 1942 число газовых камер увеличилось до 13, а тех, кто был слишком слаб и уже не мог передвигаться, помещали в замаскированный под лазарет окоп и там убивали. В 1943, чтобы уничтожить следы убийств, тела убитых эксгумировали и сожгли. В авг. 1943, за несколько дней до запланированного уничтожения лагеря, 750 узников восстали, и, вероятно, 70 из них удалось бежать. Затем лагерь сожгли до основания, запахали и превратили в ферму. Место, где была Т., ныне является национальным памятником Польши.

Треблинка. Последним из Л. с. была Треблинка, открытая в качестве центра уничтожения на реке Буг в июле 1942. В Треблинке применили опыт, приобретенный в Бельзеце и Собиборе. Т. о., она стала самым организованным лагерем, построенным в рамках акции «Рейнхард». Поскольку Треблинка находилась в 120 км к северо-востоку от Варшавы, ее выбрали для уничтожения евреев Варшавского гетто. В июле 1942 — осенью 1943 в Треблинке были убиты с помощью газа 750—800 тыс. евреев из Центральной Польши, Германии, Австрии, Чехословакии, Нидерландов, Бельгии и Греции. Их тела были сожжены на больших погребальных кострах.

В начале 1943 группа узников Треблинки создала комитет сопротивления, который пытался достать оружие. Планы восстания и побега были почти разработаны к концу весны 1943, когда заключенные поняли, что близится ликвидация лагеря. 2.8.1943 подневольные еврейские рабочие восстали. Уже с утра между заключенными чувствовалось напряжение. Многие тайно уложили вещи перед дорогой и были готовы достать деньги и ценности из тайников, где хранили их в надежде, что, в конце концов, из лагеря удастся бежать. В тот же день, позднее, участники восстания захватили на складе оружие и подготовили поджог лагеря. В 4 часа дня прозвучал выстрел, который привел в действие механизм восстания. Несколько сотен заключенных добрались до леса; вероятно, не более 60 из них увидели конец войны. В нояб. 1943 нацисты взорвали лагерь, а на его месте построили ферму. Оставшимся зондеркомандам было приказано заровнять территорию, очистить ее от могил и засадить соснами. Т. о., на месте Треблинки, как и на месте 3 др. таких же лагерей, ко времени освобождения не осталось следов массовых убийств.

Хелмно был первым из 4 лагерей, созданных исключительно для целей уничтожения. Расположенный в 60 км от Лодзи в Вартегау (область Польши,

захваченная Германией осенью 1939), он стал могилой для 150—300 тыс. евреев, большинство из которых жили в Лодзи. Первоначально предполагалось, что открывшийся в дек. 1941 центр уничтожения будет использоваться для очистки Вартегау от 450 тыс. евреев. Создание лагеря уничтожения Хелмно знаменовало начало нового этапа «окончательного решения». Являясь первым действующим центром уничтожения, Хелмно позаимствовал персонал и методы у айнзатцгрупп в России и у программы эвтаназии, которую нацисты проводили в Германии.

По-настоящему Хелмно не был лагерем, т. к. немцы не собирались содержать в нем заключенных даже недолгое время. Расстрельные команды, а позже «душегубки» ежедневно «обрабатывали» ок. 1 000 узников. Их тела сгружали в близлежащем лесу, где зондеркоманды, собрав с мертвых ценности, сбрасывали их в братскую могилу. Главная проблема уничтожения тел была решена только осенью 1942, когда устроили — наподобие подземных печей — огромные кострища из железных рельсов и деревянных шпал. В Хелмно положили начало еще одной инициативе — снимать у мертвецов золотые зубные мосты и коронки. В итоге это естественно стало первым шагом в утилизации тел во всех лагерях. После того как в Вартегау были уничтожены почти все евреи, Хелмно в апр. 1943 закрыли, но через год он снова возобновил работу, чтобы сократить количество евреев в гетто Лодзи. В конце 1944 лагерь и крематории полностью разрушили, а в янв. 1945 убили последних евреев в ходе окончательной ликвидации лагеря. Двое из рабочих выжили. Из 150—300 тыс. евреев, привезенных в лагерь для уничтожения, удалось бежать восьми или девяти.

Бельзец, второй лагерь, функционировавший только как центр уничтожения, находился на юго-западе Польши рядом с рекой Буг, к востоку от Люблина. Первый лагерь в Бельцеце был построен в начале 1940 как трудовой лагерь для тысяч евреев округа Люблин. Их отправляли сюда как подневольных рабочих для строительства укреплений на советско-германской демаркационной линии. Лагерь ликвидировали осенью 1940. В марте 1942 под таким же названием возник Л. с. Он был изолирован от военно-экономической деятельности и выполнял минимум промышленной. Как и в других подобных «целевых» лагерях, в Бельцеце большинство жертв составляли евреи. В отличие от Хелмно, где использовались «душегубки», Бельзец первым был оснащен постоянными газовыми камерами с пропускной способностью 15 тыс. чел. в сутки. Всего в Бельцеце было уничтожено 600 тыс. евреев. Их тела сожгли в открытых братских могилах. После уничтожения галицийских евреев в нояб. 1942 в лагере Бельзец убийства

закончились. Тем не менее зондеркоманды из евреев занимались ликвидацией массовых захоронений до июня 1943. Чтобы уничтожить следы преступлений до прихода Красной Армии, нацистам пришлось вернуться, вскрыть могилы и сжечь разложившиеся трупы. Кости перемололи в мелкий порошок, который разбросали по соседним полям. Только 2 обитателям лагеря удалось бежать, и лишь один пережил войну.

Собибор Открывший свои ворота в мае 1942, Л. с. в Восточной Польше Собибор располагался примерно в 1 км от реки Буг. За 17 месяцев своего существования он унес 200—250 тыс. жизней. Его основными жертвами стали евреи из Польши и с оккупированных Германией территорий Советского Союза; остальные жертвы были доставлены из Словакии, протектората Богемии и Моравии, Австрии, Франции, Нидерландов и др. стран. Лагерь был построен в болотистой, лесной, малонаселенной области группой в 80 евреев из ближайших гетто. После завершения работы их расстреляли. Как и в нескольких др. Л. с, в Собиборе оставляли в живых какое-то число прибывших евреев для обслуживания эсэсовского персонала лагеря, для работы в газовых камерах, сортировки и отправки имущества пленных, захоронения, а впоследствии кремирования тел. В окт. 1943 600 узников лагеря подняли восстание. Восставшие во главе с советским военнопленным Александром Печерским первым делом убили группу офицеров СС, напали на арсенал и охранников, затем, прорвавшись через ограждение из колючей проволоки, исчезли в лесу. Из лагеря выбрались 400 человек, однако половина из них подорвались на минах, заложенных по периметру лагеря. Некоторых убили эсэсовцы, полиция, германские войска, других — польские фашисты, воровские шайки, бандиты, иногда члены подпольной Армии Крайовой — несмотря на установки командования Армии. Ок. 100 заключенных попали на свободу, 35 пережили войну. После восстания нацисты сравняли Собибор с землей, не оставив следов.

Памятники. В настоящее время все места, где раньше располагались Л. с, отмечены памятниками, возведенными правительством Польши в 1950—60-х гг. Майданек и Освенцим получили статус государственных музеев, в бывших бараках открыты посвященные истории лагерей выставки, где представлены артефакты операций по уничтожению. На месте Хелмно установлен массивный квадратный мемориальный блок на колоннах; в Трешлинке возведен большой монумент из камня, окруженный 17 тыс. привезенных сюда гранитных осколков; место расположения Собибора обозначено памятной статуей и огромной круглой насыпью, возведенной вокруг территории, где находились газовые камеры; лагерь Бельзец, из заключенных которого лишь

один пережил войну, отмечен мемориальной стеной с надписями и скульптурой, изображающей 2 скелетообразные фигуры, поддерживающие друг друга в своих мучениях.

3.2 Концентрационные лагеря

Берген-Бельзен. (Bergen-Belsen), концентрационный лагерь близ г. Целле в северо-восточной Германии. Задуманный как лагерь для военнопленных и пересыльный лагерь, рассчитанный на 10 тыс. чел., Б.-Б. в последние недели войны вмещал 41 тыс. заключенных. От 35 до 40 тыс. его узников умерли от голода, скученности, тяжелого труда и болезней или были убиты по приказу коменданта Йозефа Крамера. В марте 1945 в Б.-Б. умерла А. Франк. 15.4.1945 Б.-Б. узников освободили союзные войска (он стал первым лагерем, освобожденным войсками союзных государств Запада).

Бухенвальд. (Buchenwald), концентрационный лагерь близ г. Веймар (Германия), создан в 1937. За годы его существования там содержались ок. 239 тыс. германских и иностранных граждан, включая большое число политических заключенных. Хотя Б. не был оборудован техникой уничтожения, болезни, недоедание, изнурительный труд, скверное обращение и физические издевательства стали причиной гибели примерно 43 тыс. узников. В 1937—41 лагерем управляли Карл Отто Кох и его жена — садистка Эльза Кох. На узниках проводили якобы научные эксперименты, во время которых им вводили возбудителей инфекционных болезней или вкалывали столь же смертельно опасные вакцины. В 1938, с помощью политзаключенных, которым удалось внедриться в лагерную администрацию, в Б. созданы ячейки Сопротивления. 11.4.1945 после того, как гестаповский персонал в основном бежал, узники захватили оставшихся охранников и взяли Б. под свой контроль.

Гросс-Розен. (Gross-Rosen), концентрационный и трудовой лагерь в Нижней Силезии. В 1944—1945 число его узников достигало почти 100 тыс. чел., ок. 40% из них были евреи. На последнем этапе войны многих заключенных депортировали в лагеря в центральной части Германии. Ок. 40 тыс. из 125 тыс. Хава Эшколи-Вагман.

Заксенхаузен. (Sachsenhausen), концентрационный лагерь к Северу от Берлина, основан в 1936. Через 3. прошли ок. 200 тыс. заключенных, в основном поляков и советских военнопленных, а также некоторое количество немцев. Максимально лагерь вмещал 47 тыс. чел. По объективным оценкам, ок. 50% из числа зарегистрированных заключенных и большинство поступавших туда без регистрации погибли. После 2-й мировой войны 1939—

45 в 3. содержались политзаключенные Германской Демократической Республики.

Маутхаузен. (Mauthausen), концентрационный лагерь в Австрии, создан в 1938, освобожден в мае 1945 г. Строго говоря, М. не был лагерем смерти; вместе с тем 2/3 из 200 тыс. его заключенных погибли (казни, тяжелый труд, бесчеловечное содержание, голод, болезни). В начале войны сюда сослали не большое количество евреев — среди узников преобладали немецкие политзаключенные, республиканцы Испании, советские солдаты, а также военнопленные из различных стран Европы. В 1944 немцы перевели в М. многих еврейских узников из Освенцима, Плашува и Гросс-Розена; в 1945 — из эвакуируемых лагерей Берген-Бельзен, Бухенвальд и Дора-Миттельбау.

Равенсбрюк. (Ravensbrück), самый большой концентрационный лагерь к северу от Берлина. Создан в 1939 как лагерь для женщин, однако в апр. 1941 неподалеку был открыт небольшой мужской лагерь, формально относившийся к лагерю Заксенхаузен, через него в войну прошли ок. 20 тыс. узников. В 1942 в Р. содержались 11 тыс. заключенных, к 1944 их численность выросла до 70 тыс. Всего через лагерь прошли 106 тыс. женщин, в большинстве не еврейки (польки, русские, цыганки и др.). Тысячи женщин погибли из-за непосильной работы, скученности, грязи и голода. Многие были расстреляны, отравлены газом (после сооружения газовых камер в начале 1945) или умерли в ходе т. н. медицинских опытов — хирургических операций, ампутации, заражения гангреной и стерилизации. В марте 1945 лагерь частично эвакуировали, и 24 500 заключенных были отправлены в Мекленбург. В процессе эвакуации 3 тыс. женщин были переданы Красному Кресту или освобождены. Сам лагерь освобожден 30.04.1945.

Собибор. (Sobibor), лагерь смерти, основан в 1943 на Юге Польши, близ Люблина. В газовых камерах С. нашли свою смерть 500 тыс. евреев и узников др. национальностей, депортированных из Польши, Австрии, Чехословакии, Франции, Германии, Нидерландов и Словакии. Летом 1944 в С. вошла Красная Армия. К тому времени все заключенные были уничтожены, охрана эвакуирована, а следы массовых убийств большей частью ликвидированы.

Штуттхоф. Основанный 2 сентября 1939 года на границе Вольного Города Гданьск лагерь Штуттхоф с начала своего существования стал одним из мест, где осуществлялось уничтожение польской интеллигенции и евреев - жителей Вольного Города Гданьск, а также жителей городов гданьского Приморья. Лагерь первоначально подчинялся Гданьской комендатуре лагерей пленных, расположенной в Гданьске-Новый Порт, а 1 октября 1941 года лагерь

Штуттхоф вошел в административно-организационное ведение гестапо в Гданьске в качестве «исправительно - трудового лагеря».

Несмотря на получение статуса концентрационного лагеря 7 января 1942 года, Штуттхоф, расположенный вдалеке от главных линий коммуникаций и крупных предприятий, не являлся подходящим местом депортации европейских евреев в широком масштабе. Большинство заключенных в 1942-1943 годах евреев Первый большой состав еврейских заключенных был отмечен в актах концлагеря Штуттхоф 20 и 21 ноября 1943 года. Это были 300 евреев, уцелевших после ликвидации белостоцкого гетто. Однако уже 10 января 1944 года 253 человека из этого состава были высланы в концлагерь Аушвитц. Из оставшихся в концлагере Штуттхоф евреев лишь несколькими удалось пережить войну.

В 1943-1944 гг. в концлагерь Штуттхоф были заключены советские военнопленные евреи. Их выискивали вместе с советскими командирами и политруками в лагерях пленных с помощью оперативных отделов (айнсацгруппен) и переводили в концлагерь, где приводились в исполнение смертные приговоры.

В это же время в лагерь попадают поляки из Белостока, арестованные за партизанскую деятельность, а также члены разных организаций движения Сопротивления из оккупированных гитлеровцами республик - Эстонии, Литвы, Латвии, западной Белоруссии, члены датского, норвежского, финского и французского движения.

Во второй половине 1944 года начался следующий этап физического уничтожения евреев концлагеря Штуттхоф. В отношении оставшихся в центральном лагере, прежде всего евреев, применялись также и методы непосредственного уничтожения, такие как: умерщвление в газовой камере, уколы с фенолом и расстрел в крематории. Однако наивысшую смертность среди заключенных женщин Еврейского лагеря вызвала эпидемия тифа, разразившаяся в конце октября 1944 года и длившаяся до конца апреля 1945 года. С наплывом составов с заключенными евреями ухудшились санитарные и бытовые условия во всем лагере. В бараках Нового лагеря, где разместили евреев-мужчин и часть женщин, произошло значительное переполнение. Находилось там по 1 200-1 400 человек и поэтому не могло быть и речи о поддержании какой-либо чистоты.

Последний акт трагедии для большинства заключенных лагеря наступил только в 1945 году. В январе этого года начался так называемый «поход смерти», то есть наземная эвакуация, которая охватила как заключенных подлагерей, так и заключенных головного лагеря, откуда 25 января 1945 года в

поход в направлении Лемборка вышло около 1300 заключенных. 25–27 апреля началась эвакуация морским путем в Германию оставшихся в живых приблизительно 4000 заключенных. Ослабленные болезнями и тяжелой работой евреи и в этом случае составили наибольшее число жертв среди эвакуированных заключенных.

С начала существования лагеря, то есть со 2 сентября 1939 года, до завершения его деятельности 9 мая 1945 года в лагере было зарегистрировано 110 000 заключенных. Самую многочисленную национальную группу второй половины 1944 года составляли евреи - граждане всех государств Европы, оккупированных фашистами, общая численность которых в концлагере Штуттхоф составляла около 50 500 человек.

В результате применения различных форм экстерминации в лагере и на прилегающей территории, а также в результате экстремальных условий в процессе двух эвакуации смерть унесла жизни около 65 000 заключенных концлагеря Штуттхоф, в том числе потери среди еврейских заключенных составили 28 000 человек с 1939 по 1945 годы.

3. Генезис военной и карательной деятельности: последствия

На территории Беларуси более полумиллионный состав представлял различные германские службы, в том числе 180 тыс. полицейских, из которых 120 тыс. составили представители местной вспомогательной полиции. Некоторая часть, из числа пленных или заключенных, которым достаточно сложно было производить выбор своего пути, в дальнейшем также были вовлечены в борьбу и стали жертвами противоборствующих сторон. В определенной мере оккупационным органам оказывали помощь и местные представители, которые в большинстве своем занимали антисоветские позиции и участвовали в работе различных административных органов. По разведанным, их численность на 1 августа 1943 г. составила 22 тыс. человек. Из них в Вилейской области – до 4,8 тыс. (1 польский и 1 восточный батальон), Витебской – 2,5 тыс. (622–625-е восточные батальоны), Минской – около 4,7 тыс. (3 батальона и 1 рота), Могилевской – до 5 тыс. (2 полка), Полесской – 1,7 тыс.

Таким образом, как показывает практика действий германского командования, общее количество причастных к коллаборации на территории Беларуси, с учетом восточных и кавказских батальонов, полиции порядка и полицейских (украинских, литовских, белорусских и т.д.) батальонов, формирований БСА и БКО, составило более 130 тыс. человек. Кроме того, в структуре гражданских оккупационных органов Беларуси насчитывалось более 10 тыс., а для выполнения военно-экономических мероприятий

привлекалось еще около 50 тыс. человек.

Таким образом, можно определить более полный круг потенциальных участников карательной деятельности и характер совершенных представителями национал-социалистской Германии массовых чисток, расстрелов, физического уничтожения военнопленных и населения.

Учитывая сложную систему порядка взаимоотношений военных и гражданских органов, следует отметить, что в основе управления находилось жесткое единоначалие по принципу фюрерства (вертикаль властных структур с повторяющимися карательными функциями). При этом его низовым звеньям было дано бесконтрольное право выполнения директив по массовому уничтожению, привлечению населения для выполнения военно-экономических мероприятий. Поэтому основные места дислокации оккупационных формирований, с учетом их широкой маневренности и повседневного соприкосновения с местным населением, в большей части определялись степенью ведения вооруженной уничтожительной политики, идеологического подавления и беспрекословного подчинения населения оккупационным властям.

Одной из закономерностей тактики оккупационных органов явилось проведение локализованных карательных операций силами местных гарнизонов. Например, первая попытка в Бельничском районе была осуществлена 22 февраля 1942 г., когда комендант Бельничского гарнизона приказал полицейским всех волостных управ сосредоточиться в районе блокировки партизанских формирований. Всего была задействована половина всех полицейских сил, или 400 чел.

В большей степени привлечение контингента вооруженных сил вермахта началось на втором году оккупации Беларуси. Так, летом 1942 г. командующим группой армий «Центр» в своем оперативном и тыловом районе было запланировано 38 карательных операций. В одну из них, операцию «Шаровая молния», были привлечены егерские полки, айнзатцгруппа 9, 631-й казачий батальон, абвергруппа 113 и группа ГФП 703, 710, 713, группа **Якоби**, 601-й, 61-й охранные полки и другие подразделения. Всего в 1942–1943 гг. в карательных операциях против партизан участвовало 30 дивизий, 55 охранных полков и 206 батальонов, 34 полицейских полка и 115 полицейских батальонов, много других частей и подразделений – в общей сложности около 50 дивизий.

Учитывая характер принятых решений со стороны советских органов по усилению партизанского движения, направленного на предупреждение массового угона населения с территории Беларуси, был поставлен ряд задач (в

том числе сохранение людского резерва для восстановления военных сил, мобилизация трудовых ресурсов и ослабление противника). С началом освобождения территории частями Красной Армии для осуществления новой тактики по отношению к населению и оккупационным органам перед действующими подпольными организациями, партизанскими отрядами и бригадами в директивном письме ЦК КП(б)Б от 21 сентября 1943 г. «О задачах подпольных парторганизаций и партизанских отрядов Белоруссии по спасению населения от истребления и угона в рабство при отступлении немецких войск» и в обращении Президиума Верховного Совета БССР, СНК БССР и ЦК КП(б)Б к белорусскому народу от 23 сентября 1943 г. были изложены директивные требования. На это в свойственной манере усилением военного потенциала ответило германское командование. Так, по данным БШПД, из состава воинских частей, следующих на фронт, в боевых действиях против партизан приняло участие в январе 1944 г. 30 тыс., феврале — 40, марте — 60, апреле — 80, мае — 100, июне — до 60 тыс. военнослужащих. Всего в первой половине 1944 г. в борьбе с партизанами и населением участвовало 23 дивизии, до 30 отдельных полков и 65 батальонов, а также 3 национальных дивизий. Из дислоцировавшихся на территории Беларуси свыше 370 тыс. солдат и офицеров до 200 тыс. участвовало в боях против партизан.

Итоги карательной деятельности. Всего за время оккупации немецко-фашистские захватчики провели более 140 зафиксированных карательных операций, где было привлечено большое число оккупационных формирований, включая силы вермахта. Наиболее крупные из них: "Орел", «Болотная лихорадка», "Весенний праздник", "Герман", "Горнунг", "Котбус", "Нюрнберг", "Ото", "Треугольник", "Франц", "Майский жук" и др..

В период карательных акций германские оккупанты уничтожили 5295 деревень со всем или частью населения. В Витебской области 243 деревни они сожгли дважды, трижды — 40, четырежды — 9, пять и более раз — 6 деревень. Из 9200 поселков и деревень, разрушенных и сожженных в годы войны, 454 белорусских деревень были уничтожены полностью или частично вместе с жителями. Что касается сожженных деревень, то свыше 3 % сожжено в 1941 г., 16 % — 1942 г., 63 % — 1943 г., 18 % — 1944 г.

Как правило, при проведении операций привлекался значительный численный состав. Так, в операции "Котбус" (20.05–21.06.43) участвовало более 80 тыс. человек. Для ликвидации Полоцко-Лепельской партизанской зоны в апреле – мае 1944 г. было сконцентрировано около 60 тыс. человек, в том числе 12 полков СС и полиции, части авиаполевой, 5 пехотных, охранных и

запасных дивизий, отдельный батальон Дирливангера, танковый полк, бригада Каминского, которые имели 137 танков, 235 орудий, до 70 самолетов, 2 бронепоезда под общим командованием фон **Готтберга** и командира 3-й танковой армии генерал-полковника **Г. Рейнгарта**.

Для подавления сопротивления в районе Налибокской пуши четырехугольника железной дороги Барановичи – Минск – Молодечно – Лида – Барановичи в ходе операции “Герман” к 12 июля 1943 г. были задействованы бригада СС, 2 полицейских полка, 14 батальонов, 8 мотомеханизированных и артиллерийских взводов, различного назначения зондеркоманды, полицейские формирования общей численностью 50 тыс. человек. Штаб командующего **К. Готтберга** был расположен в Новогрудке. Там же находился и особо уполномоченный **А. Гитлера** по борьбе против партизан **Бах-Зелевски**. В итоге, по данным немецкого командования, в ходе трехнедельной операции было убито более 7 и взято в плен более 10 тыс. партизан.

В марте 1944 г. проводилась акция по мобилизации добровольно сдавшихся партизан. Таким образом, мобилизовано из д. Рубежи – 60 человек, Пасека – 92, Можилесье – 20, Западная Глядович – 3, пленных – 15. Итого – 190 человек и 24 женщины, имевшие связь с партизанами. Таким образом, 8 марта 1944 г. в лагерь Старые Дороги было направлено 214 человек. Сражение за принудительных рабочих продолжалось до последнего дня войны. Так, в июне 1944 г. германскими подразделениями в ходе проведенной облавы в Паричском районе было задержано и вывезено в Германию более 3 тыс. детей. Большое количество детей было подготовлено для вывоза в Пуховичском районе. И только благодаря наступлению частей Красной Армии дети были освобождены и возвращены родителям. На ст. Брожа на пути в Германию были остановлено 22 вагона с детьми, преимущественно с мальчиками.

Наибольшее количество проведенных в 1941–1942 гг. карательных операций показывает динамику их роста при усиливающейся концентрации сил и увеличении временных рамок деятельности. При этом если еврейское население уничтожалось силами вермахта, то с сентября 1941 г. в таких акциях принимали участие и полицейские батальоны, а также и ягдкоманды. Практически немцы предприняли попытку посредством масштабной карательной операции с участием 10 дивизий уничтожить партизанские силы (насчитывающие до 10 тыс.), базировавшиеся в южной части республики. Однако, не сумев уничтожить партизан, сожгли несколько тысяч белорусских деревень как основную базу роста состава и материального ресурса

партизанских сил.

В приказах по действующей армии от 12 сентября 1941 г. первым пунктом указывалось: *"Кто предоставит красноармейцу или партизану убежище, даст ему пищу или поддержит его как-нибудь иначе, например, передачей сведений, — будет наказан страшной казнью через повешение"*.

Только уголовный отдел местной полиции Витебска арестовал по подозрению в антигерманской деятельности около 750 человек. В феврале 1942 г. полевой жандармерией арестовано и передано в Абвер 953 человека. Однако это лишь отражает незначительную часть состоявших на учете.

Столь агрессивные действия военных подразделений на территории Беларуси усомнили в правильности действий рейхскомиссара **Х. Лозе**, который в послании рейхсминистру **А. Розенбергу** от 18 июня 1943 г. писал: *"Запирать мужчин, женщин, детей в сараи и их поджигать, мне самому кажется, что это не есть пригодный метод борьбы с бандитами, если хотят уничтожить население. Этот метод не достоин немецкого дела и наносит нашему авторитету самый сильный вред"*. С другой стороны, привлечение местного населения к расширению противостояния за счет борьбы с большевизмом имело двусмысленный характер. К примеру, по словам руководителя СС и полиции **фон Готтберга**: *«Когда мы говорим населению, что против них ничего не имеем, но как национал-социалисты боремся против большевиков, то это понимает каждый, и если из сорока крестьян мы забираем и расстреливаем шесть семей, то как жители сообщали, что те являются сталинскими приверженцами, то эта мера воспринимается населением как справедливая. Если действовать в таких рамках, то поддержка населения обеспечена»*.

Минск как место массового убийства населения. Данные о массовом убийстве впечатляют. В Минском гетто было уничтожено около 100 тыс. евреев из Беларуси, Германии, Австрии и Чехи. Без питания и медицинского обслуживания были оставлены военнопленные в Масюковщине (шталаг 352). Около 80 тыс. из них умерло. В лагере на Широкой еще около 20 тыс. Это были евреи, беларусы и представители других национальностей, которые были признаны врагами германского рейха. Самым страшным местом стал лагерь смерти Тростенец. Тут было уничтожено более 206,5 тыс. жителей Беларуси и ряда стран Европы. Пережили оккупацию только 50 тыс. жителей Минска. В сопоставлении данных - около 400 тыс. убитых. Всего, по неполным данным, в лагерях на территории Беларуси было уничтожено более 1,4 млн. В том числе в 3 лагерях с филиалами и отделениями Минска и пригорода — около 400 тыс., 5 лагерях и 6 отделениях Витебска — более 100 тыс., 3 лагерях Полоцка — около 150 тыс., 5 лагерях, 6 отделениях Гомеля — более 100 тыс., 5

лагерях Могилева — 70 тыс., 4 лагерях Пинска — около 60 тыс.

Репатриация. Так, из Витебской области было вывезено 68 934 человека, из которых до 1947 г. вернулось 43 626 человек. Наибольшее количество было угнано в 1943 г. — 56 %, 1944 г. — 37,5 %, 1942 г. — 6 %. Проведенный анализ 1 тыс. опросных листов показывает, что 86,9 % были женщинами, добровольно уехавшими вместе с родственниками, а также служащие и полиция — 6,7 %. В дальнейшем они использовались в сельском хозяйстве — 41,9 %, промышленности — 22,6 %, остальные — в мастерских, на уборке городов, на железной дороге и в качестве прислуги. Например, из Бельничского района было вывезено 1714, в том числе 905 мужчин и 767 женщин, 42 подростка. По окончании войны вернулось 454 человека. Таким образом, по неполным данным на 1947 г. вернулось 223 609 человек, в то же время по сведениям Управления репатриации из Германии отправлено 350 тыс. белорусов.

Цена войны для белорусских женщин трагична. Только по далеко не полным данным Чрезвычайной комиссии по результатам расследований преступлений немецко-фашистских оккупантов, на оккупированной территории Беларуси нацистами уничтожено около 240 тыс. женщин, от их рук погибло не менее 166 885 детей. Другая особенность сокрыта в многочисленных архивных данных, которые в силу своей специфики не введены в научный оборот, а также в воспоминаниях и беседах свидетелей войны, которые показывают, что на долю женщин выпали самые страшные испытания. Это и многочисленные сожженные, вместе с жившими там, деревни; принудительный вывоз на чужбину в рабство; вынужденная трудовая повинность по обеспечению питанием воюющих сторон. Само материнство требовало самопожертвования во имя защиты детей и семьи. И если по окончании войны немецкие женщины, испытывавшие в ряде случаев насилие со стороны советских солдат, нашли в себе мужество, чтобы объединиться и засвидетельствовать о прошлом, освободив душу и сердце от бремени страха и насилия, то белорусские женщины стыдливо хранят молчание, унося семейные тайны, не посвящая в них даже своих детей. Боль остается, травмируя психику и память. Возможно и в этом осторожная ментальность белорусского послевоенного поколения.

Можно с определенностью сказать, что Женская история войны в Беларуси наиболее травматический образ. К сожалению, ее исследование только начинается при расширяющемся уменьшении количества свидетелей этой необыкновенной женской истории.

Выводы. В Беларуси на всех административных уровнях отсутствовали

предпосылки защиты прав и интересов местного населения. Партизанские формирования не позволили в большей мере осуществить вывоз населения, но, с другой стороны, члены семей партизан и подпольщиков в своей основе стали жертвами принудительного труда как на территории Беларуси, так и в странах Третьего рейха.

Вспомогательные полицейские формирования своими действиями усиливали военное присутствие германского вермахта, СС и различных служб, что приводило к большей эскалации политики насилия, массового террора и уничтожения населения.

Военный характер действий на оккупированной территории Беларуси со стороны формирований вермахта основан на насилии по отношению к местному населению. Формы и степень их эксплуатации – одна из наименее изученных и исследуемых тем войны на территории Беларуси.

Более значимые потери среди принудительных рабочих наблюдались во время проводимого ими этапирования захваченных до железнодорожных станций, пересыльных лагерей, тюрем, сборных лагерей. Отсутствие учета такой категории жертв среди населения позволило карательным органам значительно уменьшить их действительную статистику потерь.

До настоящего времени так и не определены состав и категории погибших граждан Беларуси, вывезенных на принудительные работы в страны Третьего рейха или по разным причинам оставшихся там.

РАЗДЕЛ 2. ТОПОГРАФИЯ СМЕРТИ

2.1. УЗНИКИ ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Воспоминания бывших принудительных рабочих представлены в алфавитном порядке. Оригинальный стиль текстов сохранен, за исключением незначительных стилизованных и грамматических исправлений. Тексты и фотографии бывших узников собраны составителями, подготовлены к печати К.И. Козаком. При перепечатке или частичном использовании материалов указаны первоисточники или литература. На период работы оригинальные и обработанные материалы рукописи находятся в архиве Исторической мастерской (ред. – К.К.).

Узники гетто и лагерей в Белостоке, Витебске, Кличеве, Минске, Могилеве, Скобровке

Денисов Александр Дмитриевич

6.05.1928, Пыльковичи Могилевского р-на

10 июля 1941 г., вернувшись домой после неудачной попытки эвакуироваться, мы увидели страшную картину: снарядом была разрушена половина родительского дома. Стены иссечены осколками, завалена входная дверь. Часть соломенной крыши снесена ударной волной. В доме хозяйничали гитлеровцы. Они входили в помещение через окно по подставленной лестнице. Уцелевшую половину нашего дома оккупанты заполнили взрывчаткой, патронами, минами.

Такая же картина и в соседних хатах. Фашисты выгнали жильцов из домов в сараи. Мы вынуждены были находиться вместе с коровой до самых заморозков, пока не отремонтировали разрушенную часть хаты. Не было продуктов питания, соли, спичек. У отца опухли ноги от голода и отсутствия соли, все мы голодали.

Весной 1942 г. на колхозных полях откапывали прошлогоднюю мерзлую картошку и из этих «гнилушек» пекли оладьи. Ели крапиву, лебеду, щавель. Фашисты издевались над населением, забирали скот, а за малейшее неподчинение грозил расстрел или виселица. Повешенных долго не разрешали снимать с петель для устрашения живых.

Появились предатели: так полицейским в волости стал служить сосед Иванов Петр. Он был недоволен силовым переселением в 1936–1938 гг. с хуторов в поселки. В числе 20 других переселенных оказался нашим соседом. Урядником стал Гуренков, бургомистром – Гончаренко. Жителей ежедневно выгоняли на принудительные работы, заставляли рыть траншеи, окопы,

пилить и вывозить бревна из леса для сооружения бункеров, которые строили в 1942–1943 гг. наши военнопленные.

Гитлеровцы и полицейские часто проводили облавы, ловили молодежь, работоспособных жителей для угона в Германию.

Мне в начале войны было 13 лет. Больше года я удачно избегал нашествия карателей и 2 декабря 1943 г. при очередной облаве фашистов спрятался в сарае, зарывшись в солому. Но начался обыск каждого помещения с собаками. Открыв дверь сарая, гитлеровец дал автоматную очередь. Пули прошли в нескольких сантиметрах от меня. Вбежавшая немецкая овчарка набросилась на меня, а гитлеровец кричал «партизанен!» Бил прикладом автомата по голове, пока не пошла из ушей кровь. Меня выволокли из сарая и в бессознательном состоянии бросили в кузов машины, где находилось около десятка незнакомых мне людей. Нас доставили в концлагерь. Он находился на левом берегу Днепра в городе Могилеве, на месте довоенного аэропорта. Лагерь был обтянут колючей проволокой, находившейся под электротоком.

В лагере было несколько бараков размером, примерно 10 x 5 метров. В каждом содержалось около 60 узников, всего примерно около тысячи человек. При 20-ти градусном морозе, без отопления и освещения страдальцы лежали на нарах, усланных тонким слоем соломы. От голода, холода, болезней каждые сутки умирало в моем бараке от двух до четырех человек.

Ослабевших, не поднявшихся по сигналу в 8 часов утра на пробежку по глубокому снегу вокруг барака, или упавших от слабости во время бега, пристреливали. Каждое утро увозили трупы. Пристреливали и на нарах. Солома, на которой я лежал, была вся в крови. Из концлагеря был только один путь – в могилу.

Фашисты издевались над узниками, морили голодом, избивали металлическими прутьями, выгоняли на работу по чистке льда и снега. Один раз в сутки давали пол-литра баланды.

В марте – апреле 1944 г., когда сошел снег, питались жуками, червями, корнями растений, корой деревьев. У каждого были вши. Некоторые из узников, не выдержав издевательств, погибали, добровольно бросаясь на ограждение, которое было под напряжением.

В начале апреля 1944 г. фашисты отобрали около 30 узников, которые могли стоять на ногах, в этом числе и меня, и в «душегубке» привезли в Могилев. Здесь погрузили в товарный вагон и привезли на станцию Копысь, где заставили разгружать гравий с платформ и ремонтировать железнодорожные пути. Работали по 15 часов в день. Упавших от голода и

слабости пристреливали и тут же закапывали. Стреляли и в меня. От второго выстрела спас сосед, быстро меня поднявший. Всего в этом трудовом лагере работали 120–130 военнопленных и гражданских узников.

8 июня 1944 г. патриоты из д. Александрия устроили мне побег. Извозчик, обслуживавший лагерь, вывез меня в бочке из-под воды и спрятал в погребе. В д. Александрия меня переодели, накормили и ночью вывезли в лес. Я стал пешком пробираться домой по ночам. Пройдя около 55 км, вернулся инвалидом в родительский дом. Было мне 16 лет. В концлагере я провел более 6 месяцев.

О зверствах фашистов красноречиво говорит такой факт. В июне 1941 г. в окрестности нашей деревни был вырыт противотанковый ров для обороны от наступающих немцев. За годы трехлетней гитлеровской оккупации мы были свидетелями жуткого зрелища. Почти каждую неделю, начиная с конца июля 1941 г. по май 1944 г. к этому рву немецкие изверги привозили под сильной охраной по четыре-пять машин узников концлагерей, военнопленных, коммунистов, партизан, евреев и расстреливали. Трупы сваливали в ров. Всего здесь было уничтожено более 20 тыс. людей.

23 июня 1944 г. началась операция «Багратион», в ходе которой д. Польшковичи оказалась на линии фронта. В течение трех суток непрерывных боев деревня трижды переходила из рук в руки. Озверевшие немцы при отступлении убивали все живое: коров, лошадей, свиней, жгли дома. В деревне из 800 хат целыми остались менее сотни.

Я, мама, отец и брат прятались в бункере, но снаряд взорвался и там. Вход в бункер засыпало землей. 26 июня 1944 г. Красная Армия освободила деревню от трехлетней фашистской оккупации, а нас откопали солдаты.

Волонтер Илья Рыжевич.

Домасевич Владимир Васильевич

0.

С начала войны до марта 1944 г. наша семья жила в родной деревне. По фальшивому объявлению немцы собрали всю деревню около комендатуры. Всех детей (где-то с 1929 по 1937 г.р.) силой посадили в машины и куда-то повезли. Каждую машину сопровождал немецкий автоматчик.

Мы оказались в детском лагере Скобровка. В это время началась наступательная операция «Багратион». Немцам уже было не до нас, поэтому нам удалось бежать и спрятаться в ржаном поле. Домой мы вернулись при помощи партизан.

Волонтер Анжелика Подоляк.

Жук Аркадий Павлович

9.08.1937, г.п. Чечерск Гомельской обл.

До войны родители – специалисты лесной промышленности жили и работали в г. Борисове. В день мобилизации отца в армию помню, как он принес связку баранок через плечо, а матери сказал, чтобы она срочно собралась и добиралась до его сестры в д. Малая Горожа Осиповичского района вместе с моими братьями Евгением и Анатолием. Там мы с большими трудностями и осуществили. Во время оккупации ничего хорошего вспоминать не приходится, так как жили в страхе, голоде, холоде. Был случай, когда я с братьями уворовали куски сахара с немецкой кладовой, за что нас высекли. У меня и сейчас на шее есть следы побоев. Помню и вижу, как немцы вылавливали кур, отрубали им головы. Мать и сестру заставляли варить супы. При отступлении немцы разбрасывали что-то наподобие термометров, которые разрывались в руках подобранных их детей. За связь с партизанами нашу семью арестовали, погрузили в товарный вагон и увезли в тюрьму г. Могилева, где и продержали с августа по ноябрь 1942 г. Женщин, в том числе и мою мать ежедневно направляли на лесоповалочные работы вдоль железной дороги, боясь нападения и подрыва железной дороги партизанами. Отец служил в Брянских лесах, а после войны построил дом в Буда-Кошелеве Гомельской области, куда и нас забрал.

волонтер Дарья Власенко

Жук (Изох) Людмила Федоровна

1.03.1936, г.п. Кричев

Из семьи крестьян, постоянно проживавших в городском поселке Кличев Могилевской области. Отец работал фельдшером, мать в ветлечебнице. Во время оккупации отец был в партизанах, а мать с моим братом и сестрой оставалась в Кличеве, и как могла, сохраняла нам жизнь. За связь с партизанами захватчики дважды жгли райцентр. Мы прятались под обрывами речки, а в темное время уходили в лес. В 1942 г. немцы произвели облавы в лесных массивах и всех под конвоем отправили в г.п. Кировск, где мы находились в лагере № 131 по май 1944 г.

Жукова Мария Иосифовна

3.05.1939, г.Минск.

Иногда кажется, что я не родилась, а восстала из крови и пепла печально известного Минского гетто. Родители, которых я не помню, погибли здесь, а

меня кто-то чудом спас и раненную сдал в детский дом № 3 (№ 1) на станции Козырево под Минском (в районе Червенского рынка). В гетто я попала с родителями и родственниками в июле 1941 г., а в детдоме очутилась в следующем году, в ноябре.

Все, что помню о том страшном периоде, – сильные, нечеловеческие стоны, крики и огненное зарево, а также как гнали нас немцы с криком. Никаких подробностей или четких образов припомнить не могу. Ведь мне не было тогда и трех лет...

В детском доме у детей фашисты брали кровь. Несколько дней перед этим нас хорошо кормили. Потом появлялись «ласковые» тети и дяди в белых халатах. Самой процедуры взятия крови ни одной не помню, но страх перед уколом до сих пор чувствую. А еще в памяти остались разговоры взрослых и детей о том, что немцы выкачивают нашу кровь для своих раненых.

Но самым сильным воспоминанием на всю жизнь остался голод. Очень часто мы хоть и со страхом (с вышки за нами наблюдал часовой), но все же подбегали к высокому детдомовскому забору, который к тому же был обнесен еще и колючей проволокой, и настойчиво просили у немцев-охранников что-нибудь поесть. Иногда удавалось у некоторых из них вызвать сочувствие, и мы получали за свою смелость кусочек хлеба или сахара, а то и конфетку. Глупенькие, как мы этому радовались!

Помню, когда мне было около четырех лет, я несла в глиняной миске похлебку. Ее мы звали «молочной», хотя «молоко» в ней сильно разбавляли водой. Вдруг я о что-то споткнулась и упала, похлебка пролилась, миска выпала из рук и разбилась. Я не только осталась голодной, вдобавок немцы меня сильно избили, и я попала в больницу...

Кроме детских воспоминаний, в моей душе до сих пор осталось острое чувство униженности и незащитности. Остался какой-то неистребимый страх, что на тебя вот-вот ни за что, ни про что накричат, обзовут разными нехорошими словами, а то и ударят палкой или ремнем, поставят к стенке на колени...

Еще, на мой взгляд, одно странное ощущение от тех детских воспоминаний. Когда нас «воспитатели» наказывали, то при этом запрещали плакать, тем более кричать, орать... Тех, кто громко плакал, наказывали еще более жестоко. Так и осталась с тех пор привычка жить со стиснутыми зубами.

Некоторых детей, 6–7-летних и подростков 12–13 лет, немцы из детского дома увозили в Германию на принудительные работы. Приезжали грузовики и люди в немецкой военной форме ходили по двору и комнатам, вызывая по

списку обычно детей старшего возраста. Но однажды стали забирать и маленьких, потому что посадили на машину и меня. Впрочем, кто знает, куда нас собирались они отвезти. Может вовсе и не в Германию, а куда-нибудь за город на расстрел. До сих пор помню имя и фамилию девочки, которая оказалась в кузове возле меня. Это Лиза Хименец. Я почему-то сильно тогда вцепилась в нее, боясь потеряться. Случилось так, что немцы, никого почему-то не оставив возле детей, пошли в столовую перекусить. В это время к машине подошел старший брат Лизы – Ленник. Он быстро снял с машины сестру, а с ней и меня. Когда немцы вернулись, мы спрятались во дворе. Ничего не подозревая, они вместе с детьми уехали в неизвестном нам направлении.

Однажды прямо в детском доме немцы убили работницу. Не помню, кем она работала, но знаю, что эта женщина, как могла, спасала от гибели детей, особенно еврейской национальности (у нас их было более половины). За это ее и убили. В ту ночь фашисты организовали облаву, выискивали еврейских детей, кричали «юде», бросали их в душегубки и увозили в сторону Тростенца или гетто. Таких облав в детском доме было очень много.

Директором в детском доме была Петуховская Анна Францевна, которая водила нас на комиссию по определению национальности и выдавала фашистам еврейских детей. За это в 1944 г. ее осудили на 10 лет и 5 лет «поражения в правах». Она неоднократно подавала на реабилитацию, но ее признали виновной и не реабилитировали.

Вот выписка из архива КГБ № 668 дело № 174 ст.63-1 УК БССР по обвинению, свидетельским показаниям и показаниям самой Петуховской А.Ф. на суде:

Петуховская А.Ф. в июле 1941 г. поступила на работу в качестве завхоза, а затем заведующей в организованном оккупантами детском доме № 1 (контингент – от грудных до 5 лет).

Впоследствии, будучи лояльно настроена по отношению к немецкой власти, 6 января 1943 г. подала заявление на имя начальника горуправы, в котором заявила о наличии еврейских детей. (Затем за этого начальника горуправы она вышла замуж).

3 января 1943 г. согласно поданному заявлению была создана комиссия с участием Петуховской А.Ф. по отбору детей-евреев, в результате чего было отобрано, а затем увезено совершенно раздетыми в крытой машине 30 детей, судьба которых неизвестна...

Свидетельские показания по делу Петуховской А.Ф.:

Марцулянис Мария Иосивна: «В начале войны Петуховская погорела, бедствовала, плохо одевалась, но вскоре стала носить дорогие вещи, украшения...».

Воронина Мария Ивановна (заведующая детдомом № 2): «Когда в 5.00 приехала крытая машина, к Петуховской вошли со словами: "По вашему заявлению..."».

Кнушевицкая (бухгалтер детдома № 1): «Петуховская за еврейских детей брала взятки. Детей было примерно 150, больше половины из них – евреи...».

Петрушенко Мария Викентьевна: «Сначала Петуховская одевалась убого, затем стала заниматься хищением продуктов и вещей. Вышла замуж за работника горуправы...».

Прилуцкий (врач детдома): «Среди отобранных детей был русский мальчик 3-х лет по фамилии Лавренев. Когда об этом сказали его сестрам, которые тоже были в детдоме, было уже поздно...».

ОРЛОВ ВАСИЛИИ СЕМЕНОВИЧ (инспектор детдомов при отделе детских учреждений горуправы): «20 июля немцы издали приказ об изолировании еврейских детей во всех детдомах (по внешним признакам). Петуховская за золото и драгоценности брала еврейских детей. По ее заявлению создана секретная комиссия из 4 человек, посторонние не допускались...».

Из показаний Петуховской А.О. на суде:

«Сначала в детдоме было 20 человек, с января 1942 г. приняла еще 120. Дошло до 200. < ... > .В детдоме было 50 процентов еврейских детей. Об этом знали в горуправе. < ... > . 3 января 1942 г. 12 детей отправила в гетто ...

Комиссия отобрала 34 ребенка из 40 предварительно отобранных немцами».

Приговор, вынесенный Петуховской А.Ф.: «Лишить свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет, а также назначить дополнительно 5 лет с поражением в правах ...».

1 июня 1948 г. меня из детдома № 3 перевели в спецдетдом № 12 г. Минска, а затем в 1954 г. я была в спецдетдоме № 8 гор. Минска. В сентябре 1954 г. в возрасте 15 лет из спецдетдома № 8 меня отправили на работу ученицей портнихи в Ждановичи. В 1958 г. по состоянию здоровья я вернулась в город Минск ...

О том, как я болела и как меня лечили в детских домах вспоминать тяжело. Сколько себя помню, была постоянной пациенткой у врачей. В очень раннем возрасте, по определению стоматологов, переболела цингой. Когда вспоминаешь все пережитое, очень тяжело становится на душе и хочется

плакать от бессилия, жестокой несправедливости, людского и чиновничьего равнодушия. Ведь не было и нет у меня ни родителей, ни родственников, ни детства, ни юности, ни здоровья, ни крыши над головой. Я являюсь круглой сиротой с раннего детства...

Волонтер Андрей Бруй.

См.: Жукова, М.И. Война причиняет мне боль / М.И. Жукова. Под ред. К.И. Козака Минск: И.П. Логвинов, 2010. – с.; Жукова, М. Живу надеждой // Знамя юности. –12 июня 1990. –С. 3; Жукава, М. «...У мяне няма дня нараджэння...»// Звязда. –29 сакавіка 1995. –С. 2.

Константинович Нелли Игнатьевна

23.07.1938, г.Смолевичи Минского р-на

В 1938 г. мы жили в Белостоке. Отец был главным ветврачом города. Поляки любили и уважали нашу семью. Маме они говорили, что нам надо уезжать, так как немцы скоро будут здесь и нас они не пощадят. Отец все повторял, что нет указаний и распоряжений.

21 июня 1941 г. отец все-таки отправил маму с двумя маленькими детьми на первой попавшейся машине. Потом мы ехали на телеге и уже пешком дошли к своим родственникам, проживавшим в д. Французская Гребля Пуховичского района. По дороге мама расплачивалась своими украшениями, чтобы кто-нибудь взял меня за руку или на руки. До места добрались почти вместе с немцами, а через месяц пришел отец.

Все родственники находились в партизанском отряде «Победа», входившего в состав партизанской бригады «Пламя» под командованием Героя Советского Союза Филиппских. В феврале 1942 г. после расстрела папиной сестры Нины (ее поймали ночью с маскировочными халатами, которые она шила для партизан) вся семья ушла в лес к партизанам и были там до февраля 1944 г.

Когда партизанский отряд ушел на соединение с Красной Армией, нас оставили в лесу до прихода своих. Через несколько дней нас захватили немцы и отправили в лагерь под Червенем (сарай, огороженный двумя рядами проволоки, охрана с собаками).

В апреле нас перегнали в лагерь Марьиной Горки, откуда 3 июля 1944 г. нас освободила Красная Армия.

Волонтер Екатерина Зотова.

Сапун Ираида Захаровна

21.08.1935, д. Городец Кировского р-на Могилевской обл.

Деревня находилась рядом с лесом. Когда пришли немцы, то заняли школу. Семья пряталась в лесу. Когда узнали, что деревню спалили, пришли на пепелище и были схвачены. В д. Слобода нас загнали в сарай и хотели сжечь, но что-то помешало. Затем нас отправили в Бобруйск. Было очень страшно. Вся дорога была усыпана убитыми людьми, подушками, вещами. Дедушка был очень слабый и мама его просто несла на себе. В Бобруйске мы оказались в лагере. Мама работала, а мы сидели в подвале.

Освободили партизаны совместно с армией. Вернулись в свою деревню. Немцы прятались во ржи. Их искали и давили танками.

Волонтер Екатерина Зотова.

Семенова (Лапис) Галина Францевна

25.11.1929, Минск

В 1944 г. в нашу квартиру ворвались два гестаповца в черной форме и два полицаи «СД». Перевернули все в доме, что-то искали, потом нас, 5 человек, вытолкали во двор, затолкнули в машину и привезли на площадь Свободы (там находилось «СД»). Всех поставили лицом к стенке в большом коридоре, а маму втолкнули в кабинет. Послышались крики, потом заиграл патефон, и через некоторое время маму вытащили в коридор и бросили на пол. Она была без сознания. Я закричала, заплакала и бросилась к ней. В это время по коридору шел полицай в зеленой немецкой форме, с графином воды в руках. Я бросилась к нему со словами: «Дяденька, дай водички маме!». Он меня отшвырнул, а маму пнул ногой – пусть подышает.

После допроса нас всех отвезли в тюрьму на ул. Володарского. Оттуда несколько раз привозили на допросы в гестапо. Затем, не помню, сколько прошло дней, недель или месяцев, нас перевезли в лагерь на ул. Широкую.

Отчима и мужа маминой сестры поместили в мужское отделение лагеря, а меня, маму и ее сестру в женские бараки. Спали мы на голых нарах, все вповалку, никаких постелей не было. Нары были двухъярусные. Посередине барака была отгорожена комната, где находился надсмотрщик-полицай Васька.

Маму на допросах били резиновыми палками, у нее все время были желтые опухшие руки, и очень отекали ноги, она еле передвигалась, хотя ей всего было 33 года. Ей отбили почки.

Очень хотелось есть. Ни посуды, ни ложек не было. Кто-то дал нам консервные банки и в них нам наливали еду. Утром – кофе-суррогат с маленьким кусочком хлеба, в обед выносили на плац бочку с баландой –

неочищенный картофель с овсом. Выстраивалась длинная очередь, а полицай Васька, следил за порядком.

Однажды я подбежала к бочке раньше мамы, получила свою порцию, и стала возле мамы в конце очереди, и мне еще налили в банку этой баланды. Полицай это заметил, подбежал ко мне и стал бить плеткой. Я бросила свою банку и побежала в барак. Он стегал меня и чуть не выбил глаз свинцовым наконечником. Женщины-заключенные отобрали меня у него.

Вот только два эпизода из моей жизни. Чудом я осталась жива, одна из всей семьи, а четверых моих родных сожгли в Тростенце, накануне освобождения Минска, в огромном амбаре, где сейчас стоит скромный памятник, о котором мало кто знает.

Волонтер Алина Еремина.

Скачек Анатолий Васильевич

15.11.1938, д. Болоча Пуховичского р-на Минской обл.

Когда началась война, отец был председателем сельского Совета, а мать – начальником почты. Отец и мать ушли в партизаны. Зимой 1942 г. отца ранили и вскоре он умер. А мы, преследуемые немцами, начали искать защиту в партизанской бригаде «Пламя» под командованием Евгения Федоровича Филипских. Бригада действовала в Пуховичском, Червенском и Осиповичском районах. Мать у них была поваром и связной. Мы, трое детей, помогали маме, как могли: собирали ягоды, грибы, картошку старую, ловили зайцев.

У нас была своя корова, на которой мы ездили вслед за передвижениями бригады. Мы очень часто меняли позиции. Мама все это чувствовала, собирала все по-быстрому и уходила вслед за партизанами.

Весной 1943 г. немцы блокировали бригаду и нам надо было переходить речку вброд. В качестве переправы у партизан были полуметровые кладки. Когда мы подошли к этим кладкам, немцы начали минометный обстрел. Я с братом и с мамой шли по кладке, а маленького нашего брата 1941 г. р. мама оставила на берегу в корзине, чтобы потом вернуться за ним. Немцы разрушили кладку и мы начали плакать, что братик остался на том берегу. Когда немцы ушли, один партизан перенес корзину с братиком к нам.

Последний раз нас блокировали в апреле 1944 г. у д. Дуковка, травили собаками. Потом повели неизвестно куда: одни говорили, что на расстрел, другие – на отправку в Германию.

Загнали в лагерь за колючую проволоку в Марьиной Горке. Затем начали сортировать: кто подходил по возрасту, тех, естественно, в Германию.

А нас – все дальше и дальше. Местные жители нам хлеб давали, поскольку полицаи уже боялись возмездия.

Потом в лагерь ночью пришли разведчики и сказали, чтобы прятались, так как наши наступают и будут бомбить.

Охрана бросила нас и все стали расходиться кто куда. Мы пошли в партизанскую зону в Болочанку, где встретили танки генерала Панова.

Волонтер Павел Змушко.

Чеховская (Юркова) Ольга Васильевна

1.02.1937, д.Ядерная Слобода Кличевского р-на

Когда началась война, я была очень маленькая, поэтому ничего толком не помню. Могу рассказать только то, что слышала от мамы.

Немцы эвакуировали всю нашу деревню. Мама говорила, что возили нас по каким-то хуторам в холодных вагонах. Всех отправляли в разные места. Мы с мамой поехали в г. Кричев – в лагерь, где были очень долго. Там мы голодали, потому что хлеба давали очень мало – по одному кусочку утром и вечером. Как мы выжили просто непонятно.

Волонтер Елена Расолько.

Юрцевич Николай Иванович

хутор Борки д. Озерница Лунинецкого р-на Брестской обл.

В 1944 г. за связь с партизанами немцы отправили все население хуторов в концлагерь в местечке Парохонск (между Пинском и Лунинцом). Таким вот образом я с мамой, братом и двумя сестрами оказался в лагере, где мы пробыли до освобождения Красной Армией.

Подробностей не помню, так как был очень мал.

Волонтер Роман Куница.

Узники лагеря смерти «Озаричи»

Брюховецкая Мария Николаевна

1937.

Когда началась война, мне было 4, сестре – 2, брату – 1 год. Когда немцы заняли деревню, то всех жителей согнали жить в школу. Там было много людей – спали на полу на соломе. Через некоторое время всех выгнали на улицу, посадили на машины и куда-то повезли. Потом шли пешком под охраной немцев с собаками. Мама с маленькой сестричкой на руках, а я с

сестрой и братом держались за подол ее платья, чтобы не потеряться. Добрались до большого сарая и там встретили маминных родных: дедушку, бабушку, тетю с детьми.

Потом нас погрузили в вагоны. Они были без окон, и мы смотрели в щели. Было душно, воды не было, старые люди падали в обморок, дети плакали. Маме не разрешили нас одеть, и мы были в резиновых сапогах на босую ногу. Дед и мама накрывали нас одеждой, снятой с умерших людей. Как мы выжили за эти две недели, сейчас не понимаю. Спасал дед, давая по кусочку сахара. Умерли 4 ребенка и моя сестра. Где похоронены – не знаю.

Привезли в лагерь «Озаричи». Как я там выжила, одному богу известно.

Хорошо помню, что немцы вдруг стали разбегаться, а со стороны леса бежали русские солдаты, которые нас освободили.

Волонтер Ольга Есьман.

Букас Мария Мартиновна

1936, д. Красновка Светлогорского р-на Гомельской обл.

В феврале 1944 г. немцы жителей деревни, в том числе и нашу семью (мама, сестра Надя, мамина сестра Ксения, ее муж Тимофей, дети – Костя и Вася) погрузили на машины и отвезли в лес, в лагерь, вблизи д. Микуличи. Участок леса был обнесен колючей проволокой, по углам Вышки, вокруг заминирован. Людей было очень много, стонали и плакали от холода и голода. Нас мама держала у себя на коленях, а сама сидела на узле, сверху укрылись пастилкой и нас присыпал снежок. Мама давала нам поспать, а затем заставляла нас с сестрой прыгать. Так она спасала нас от холода. Костры не разрешали разжигать, стреляли. Снег был весь грязный, мокрый. Хотелось пить. Мы снимали снег с нашей одежды и так утоляли жажду. Через две недели нас перегнали в другой лагерь, под Озаричами. В этом лагере была тьма людей. Спасал нас дядя Тимофей, который прихватил с собой рюкзак сухарей и нам давал понемножку. Я тогда еще не совсем понимала, что происходит. Страх не было. Была слабость от голода, и хотелось спать. Люди умирали сотнями в день. Их складывали штабелями возле проволоки. Привозили больных людей с тифом, чтобы была эпидемия. Мама нас очень берегла. Благодаря маме и святым ангелам мы выжили. У маминой сестры Александры умер младенец, которому не было и десяти дней. Когда нас освободили, люди бросились бежать на свободу и многие погибли от взрывов мин. Была разминирована узкая тропинка, по которой нас мама вывела из лагеря. По сторонам тропинки лежали люди. Вот лежит девочка, лет десяти с вырванными внутренностями. Дальше лежит женщина с оторванной ногой с

валенком. У нее на груди лежит младенец, еще живой. Женщина, истекая кровью, слабым голосом просит забрать у нее малыша. Люди бегут, спасая свои жизни. Говорят, что потом приходила машина и подбирала раненых. Господи, какой это был страх. Детская память очень цепкая и чем старше становимся, тем ярче всплывают эти эпизоды. Наш дядя Тимофей нашел землянку с печкой, мы там обсушились, согрелись и пошли в Калинковичи. Там в здании школы нас зарегистрировали, покормили соевым супом с черным горьким хлебом, детям дали по кусочку сахара. Ночью началась бомбежка, мы очутились в деревне, в сарае, а школу разбомбили. Хозяйка в дом не пустила, потому что мы были грязные и вшивые. Солдаты организовали баню в палатке нас, там пропарили, одежду прожарили. Хозяйка пустила нас в дом, и мы там жили, так как в нашей деревне еще были немцы.

Волонтер Роман Куница.

Гуленкова (Лазутина) Ольга Герасимовна,

20.05.1934, д.Копани Чаусского р-на

Гуленков Константин Григорьевич

10.05.1933, д.Копани Чаусского р-на

Мы жили в д. Копани. Когда началась война, почти все мужчины ушли на фронт, а оставшиеся жители спрятались от фашистов в лесу. Пришли немцы и нашу деревню сожгли. Кто оставался в деревне (старики, больные), погибли заживо в огне. По доносу предателей немцы устроили облаву, собаками гнали нас из леса, как скот. Олину маму фашисты расстреляли, а сестра умерла от тифа. Оля осталась одна и Костина мама взяла ее к себе.

В д. Волковичи пленных поместили в сарай, хотели сжечь. Каким-то чудом мы выломали дверь и бежали кто куда. Нас, несколько семей, поймали, погрузили на машины и повезли. Привезли в лагерь. Кругом колючая проволока и немецкие автоматчики с собаками. Это было в г. Бобруйске. Многие умирали от голода, тифа и малярии. Летом Костя собирал цветы на территории лагеря и относил букетики немцам, а те давали ему похлебку. Бережно держа миску, он нес еду ослабевшей Оле и кормил ее с ложечки.

Перед приходом советских войск немцы начали вывозить людей в Пинские болота, чтобы утопить. Веревки на наших лаптях сгнили и мы шли босиком. Оказалась в лагере смерти «Озаричи». Там было очень много людей. Но скоро пришли наши и освободили нас. Тем, кто выжил, солдаты помогали

добраться до своих деревень. Вдоль дорог лежали трупы людей и животных. От смрада нечем было дышать.

До нашей д. Копани я дошла с бабушкой и тетей. Мы как были в лагере, так и вернулись с семьей Гуленковых. Первое время жили в сарае. Стали понемногу разживаться. В 1954 г. окончила 7 классов и поступила в Могилевскую сельскохозяйственную школу. Так как я была сирота, то меня в этой школе кормили.

После окончания школы вернулась в свою деревню и вышла замуж за Константина Григорьевича Гуленкова, с которым вместе прошли войну и концлагерь. С возрастом все это вспоминается и не верится, как мы это смогли пережить и дожить до сегодняшних дней.

Волонтер Валентина Руденко.

Дайнеко Михаила Даниловича

1932, д. Вьюнищи Светлогорского р-на Гомельской обл.

Во время войны, когда немцы пришли в нашу д. Вьюнищи, мама, я, брат и сестра в числе других жителей деревни ушли жить в лес.

Во время одной из облав немцы поймали нас и отправили в концентрационный лагерь «Озаричи». Тех, кто не мог идти, расстреливали.

Жили там под открытым небом, костры разводить не разрешали, хлеб привозили редко и бросали через проволоку, воды не давали совсем. Люди умирали от голода и тифа. Трупы складывали там в штабеля.

Когда нас освободили, то выводили из лагеря по узкой тропинке, т.к. вокруг все было заминировано. Мама и сестра погибли, подорвавшись на mine. Мы с братом вернулись в деревню, но застали там только пепелище. Поначалу было очень трудно, но постепенно, благодаря труду и терпению, все наладилось.

Волонтер Анна Ковалевич.

Дышлевич (Шинкевич) Сусанна Васильевна

23.0.1935, г.Бобруйск Могилевской обл..

До войны жили в г. Жлобине. Оттуда немцы нас сначала везли поездом, а потом мы шли пешком. Было трудно, люди падали. Однажды я увидела такую картину. Шел старик. Видимо, у него не хватало сил идти дальше, и он упал. Его подняли, он опять пошел. Вдруг к нему подошел немец и застрелил его. Все это происходило на моих глазах. Уже много лет спустя, побывав в

музее Великой Отечественной войны, я увидела фотографию, на которой был этот старик. Сразу вспомнился этот случай и другие события войны.

Нас пригнали за колючую проволоку. Помню, варили пшено и ели. Не знаю, сколько там были людей. Много. Началась эпидемия тифа.

Освободили нас в 1944 г. разведчики. Мы были очень рады. Все было заминировано, мы шли по тропинке в сторону Калинковичей. Потом увезли в госпиталь в связи с тифом. После войны жили в Минске.

волонтер Наталья Шагулина.

Лапуцкая (Барановская) Антонина Николаевна

10.03.1935, д.Заболотье Глусского р-на

Войну я встретила маленьким ребенком. Мама умерла в 1939 г., а отца в 1941 г. забрали на фронт. Он погиб. Нас осталось четверо детей, я была самая младшая. За нами смотрела старшая сестра.

У нас была партизанская зона, мы находились на оккупированной территории. Помню, к нам заходили немцы, заходили и партизаны. Меня неоднократно отправляли в лес к партизанам с записками, потому что я – маленькая не привлекала внимания немцев, меня не обыскивали.

Однажды к нам зашел партизан отдохнуть, он был очень уставший, так как шел издалека. Он прилег и уснул с непотушенной сигаретой, и у нас был пожар. Но все обошлось, пожар потушили.

Во время войны жили мы и в лесу в землянках. Помню наступление немцев и облаву в лесу. Мы убегали, а вокруг взрывались снаряды, стоял свист пуль. Моя старшая сестра попала под обстрел и погибла. Кто уцелел, того словили и загнали в концлагерь «Озаричи». Наша бабушка болела и не могла идти, ее убили. Мокрые, холодные, голодные мы лежали на снегу. Люди постоянно умирали.

Нас освободили партизаны. С 1944 г. я воспитывалась в детском доме. Было трудно. В 1951 г. меня отправили учиться в строительное ФЗО. Через шесть месяцев окончила учебу с похвальной грамотой. Направили на восстановление разрушенного города Минска.

Волонтер Александра Потапова.

Филипчик (Мороз) Анна Акимовна

24.07.1928, д.Красновка Светлогорского р-на

В ноябре 1943 г. немцы сожгли наш дом вместе со всеми постройками и скотиной. Мы, пять человек семьи, остались без средств существования.

Погорельцев согнали в один маленький домик (всего семнадцать человек). В одной комнате среди взрослых было 9 детей от одного месяца до 9 лет, мне было 15 лет. Спали на полу взрослые и дети.

Так жили до марта 1944 г. В марте немцы ворвались к нам рано утром. Переводчик приказал быстро одеться, с собой ничего не брать. Под окном стояла открытая грузовая машина, мы покорно залезли в кузов, и нас увезли неизвестно куда.

В местечке Паричи машины остановились, нас пересадили в теплушки, набросали мороженого хлеба, и наш эшелон отправился в путь.

Прибыли в лагерь: болото, в два ряда проволока, вышки, кругом немцы с автоматами, собаки. Возле ворот справа огромный ров с грязью, откуда торчали человеческие тела.

На территории лагеря нас встретили живые трупы – до такой степени истощенные, кожа и кости. Пока наши мамы плакали, хлеб с машины растащили голодные узники. Смирившись, начали собирать ветки для того, чтобы посадить на них с маленькими детками женщин. По карманам у нас были сухари, мама разрешила кушать по одному сухарику в день, заедали снегом.

Как-то машина подвезла хлеб, и мы с братом подошли к проволоке. А немцы начали бросать в нас замороженным хлебом, кому попадали в голову, те падали замертво. За хлебом мы больше не ходили.

Через неделю нас погнали в лагерь, «Озаричи» — лагерь смерти. Промерзшие и голодные мы шли колонной. Я обратила внимание на сложенные между дровами тела людей, их подготовили для сжигания. Когда мы встречали большие насыпи желтого песка, наши родители говорили: «Слава Богу, это наш конец, все вместе будем падать в ров». И мы тоже были рады, что кончатся наши мучения. Но это не для нас были выкопаны траншеи. Когда мы дошли до лагеря, нам объявили, что огонь разводить нельзя, воды и хлеба нам не положено, нам надо сидеть тихо, единственной пищей для нас был снег.

Однажды ночью был страшный бой, через лагерь летели горящие снаряды. Мы, жутко напуганные, ждали утро. Когда все затихло, вдруг услышали радостный крик, и все побежали к ограде. На вышках немцев уже не было. За забором стоял наш солдат и просил нас не выходить из лагеря, потому что все было заминировано. Через некоторое время нам сообщили, что выходить можно, только идти по узкой тропинке след в след. А за остальными приедут только после того, как разминируют дорогу. Мы

решили пойти. Нас встречали солдаты с лицами черными, как сажа. Они привели нас в свои землянки и мы остались у них ночевать.

Утром собрались в путь и вдруг стали рваться снаряды на дороге. Люди выходили из землянок, чтобы выяснить, в чем дело, а немцы в упор расстреливали их из пушек. Много тогда погибло людей.

Когда все утихло, мы пошли. На дороге стоял мальчик и трехлетняя девочка. Мальчик просил, чтобы мы забрали девочку с собой, поскольку она была больна и ее нужно было нести на руках, а мама их погибла. Пока мы решали, как быть, т.к. своих детей было трое, подошел солдат и забрал их двоих.

Так мы дошли до д. Рыловичи, где сразу поместили в один дом 50 человек. Все, кто входил, подали на пол и целовали его. Солдаты пережарили нашу одежду и повели на станцию Холодничи для отправки в эшелонах, но наш состав был обстрелян немцами из самолетов. Оставшиеся в живых разбежались кто куда по снегу. Затем наши солдаты восстановили рельсы, погрузили оставшихся людей и отправили в Хойники, Мы очень боялись снова садиться в поезд, но добрались до Хойников благополучно.

Все мы были больны тифом и нас сразу положили в госпиталь. Я только помню, когда меня стригли, под окно подошел брат и сказал, что его тоже кладут в госпиталь. Снег лежал до середины окон. Когда я очнулась, в окно заглядывали цветы. Я совершенно ничего не слышала. Когда меня спросили, что я хочу поесть, я сказала: хлеба и соли.

Мама поправилась пораньше и стала разыскивать по палатам нас. Моей младшей сестре было в то время десять лет. Брат умер в больнице. Врачи боялись об этом говорить, обманывали ее, водили по палатам.

Брата похоронили в братской могиле вместе с солдатами. Из госпиталя нас отправили в деревне Дворище, где мы прожили 3 года в немецкой землянке, пока колхоз нам не построил домик и мы вернулись в родную д. Красновку. Наконец наши мучения закончились.

Молодые люди! Наши дети! Наши внуки! Мы верим в вас. Ради святой памяти о невинных жертвах фашизма боритесь за то, чтобы оружие не вернулось в руки палачей и не использовалось для порабощения народов, чтобы больше нигде и никогда не создавались такие лагеря смерти.

Волонтер Вероника Лозовская.

Узники концлагеря « 5-й Витебский полк»

Антонов Иван Петрович,

Быков Петр Федорович

6.06.1938, д. Будислова Витебского р-на

Я один из тех, кому посчастливилось, кому помог Всевышний выжить в тех нечеловеческих условиях.

В Суражском район районе была небольшая деревенька Хотоля. В нее, на мою малую родину, и ворвались немцы глубокой ночью. На мотоциклах в «рогатых» шлемах, на машинах. Несколько позже округу оглушил лязг гусениц танков со свастикой на броне. И весь этот сброд расположился на окраине деревеньки, на правом берегу Западной Двины. И пошло-поехало. Началось то, чего я, в свои неполных шесть лет, не очень-то и понимал. Не понимал, почему всех односельчан согнали в самую большую хату, зачем отбирают у сельчан коров, свиней, овец, ловят курей и другую живность, почему «дяденьки» в форме мышинового цвета гонятся за деревенскими девушками, за что так жестоко били моего дедушку Семена...

Это немного позже, повзрослев, понял, отчего при виде «завоевателя» люди холодели, сжимались ненавистью сердца односельчан, я осознал всю мерзость, которую творили на нашей земле изверги в «человеческом» обличье.

Как же я очутился в концлагере? Было это так. Когда немцы оккупировали мою деревушку, их частенько беспокоил, преподносил «сюрпризы» известный партизанский отряд Даниила Райцева, базировавшийся в окрестных лесах на Суражчине. Так вот, в один из июльских дней 43-го, гарнизон гитлеровцев и их помощников изрядно поколотили народные мстители. По утверждению односельчан они уничтожили высокопоставленного гестаповца и подбили немецкий танк. К слову, эта искореженная громадина еще не один год после войны так и громоздилась недалеко от д. Подтево. Той самой «весочки», сожженной вместе с ее жителями. Теперь упоминание о ней можно найти лишь в мемориальном комплексе «Хатынь». В отместку каратели дотла сожгли три деревеньки – Хотолю, Мурашки и Подтево. Последнюю сожгли вместе с ее жителями, как я уже упоминал, и которая не возродилась после Великой Отечественной.

Обитателей двух других деревень, кто так или иначе был связан с партизанами, гитлеровцы отправили в концлагеря. Среди первых в списке на отправку за колючую проволоку была и наша семья – я, мама Анна Семеновна, два брата – Иван (1929 г. р.) и Виктор (1935 г. р.). Выдал нас известный в округе полицай – предатель по прозвищу «Виктор». Дело в том, что мои – отец Федор Филиппович и старший брат Егор (1920 г. р.)

находились на фронте, а четверо дядей – Константин, Андрей, Иван и Филимон – в партизанах. Не миновали суровых испытаний и семьи дядей. Все они – 14 человек – до окончания войны находились в застенках Освенцима. В крематории этого ужасного концлагеря закончилась жизнь моих дедушки и бабушки.

Очередное испытание, сильнейшее чувство страха, подавление воли пережили все, когда нас, заложников – немощных стариков, детей, матерей, больных конвоиры гнали двое суток по июльской жаре на «новое место жительства» в концентрационный лагерь «5-й Полк». Уже первые 20 километров пути толпа обреченных преодолела с трудом. Шли без воды и пищи, налегке. Иметь при себе какие-либо вещи не разрешалось. Да и взять особо было нечего – гитлеровские разбойники все разграбили, что оставалось, сожгли. До первого перевалочного пункта – д. Михалково – добрались к исходу дня. Дети плакали, старики ойкали, стонали. Видимо не столько от усталости, сколько от безысходности своего положения. Нестерпимо хотелось есть. У мамы оставалась последняя краюха хлеба. Мы ее всей семьей с жадностью съели, будто проглотили. Чувство голода на некоторое время притупилось. Но давала о себе знать усталость. И дремотная истома взяла свое. Не надолго. Пробудился от неистового крика и лая собак. Людей, толпившихся на небольшом пятачке, как скот загоняли в огромный колхозный сарай.

Пронесся слух – будут сжигать. Группа молодежи рванула в сторону видневшегося за деревней лесочка. Раздались выстрелы. Один из подростков был убит, другие сумели скрыться. Люди находились в шоковом состоянии. Никто не знал, что нас ждет. К счастью, преступный замысел гитлеровцы не осуществили. Нет, не из гуманных соображений. «Спасателем» оказался торговец-перекупщик «живого» товара, который тут же отобрал с десятков парней и девушек для отправки их на принудительные работы в Германию и ее сателлитов. В числе их оказался и мой 13-летний брат Иван. Батрачил на бауэра. Отношения и условия хозяина и его семьи к остербайтерам известны какие были – скотские. Освободили братишку союзники по антигитлеровской коалиции.

Однако продолжу рассказ о дальнейшей судьбе земляков. На завтра, где-то в полдень, мы оказались у огромных ворот концлагеря «5-й Полк». Что бросилось в глаза? Вокруг колючая проволока. Сторожевые пулеметные вышки, прожектора. И мордатые охранники, из немчуры и полицаев, с овчарками. А у барачников мы увидели много полуголых, полураздетых, худющих людей, в основном женщин и детей, тех, кто стал обитателем этого

«заведения» несколько раньше нас. Как потом выяснилось, в теплые, июльские дни лагерники пытались таким образом избавиться от вшей и блох. В бараках огромная скученность (многоярусные нары были до самого верха), голодающие пленники содержались в грязи и голоде. Днем при раздаче пищи получали на троих 3 литра баланды из неочищенной брюквы и гнилой картошки, по 2 кусочка полусырого с опилками хлеба на душу. На ужин – мутная водица, называемая толи похлебкой, толи чаем. Таков был суточный поек. И как радовались голодные невольники, когда в вонючей баланде иногда попадались прожилки мяса павших лошадей.

В этом скотском загоне без окон и оказалась наша семья. Люди болели тифом, чесоткой, из-за чего по 25 и более человек умирали ежедневно. По имеющимся архивным документам в этих застенках замучено и уничтожено примерно 80–100 тыс. невольников. Это с учетом 40 тыс. военнопленных, находившихся в концлагере с августа 1941 г.

Так и текли, проходили суровые будни за колючей проволокой – без просвета, без надежды на лучшее, в унынии и депрессии. Дума у всех была одна: как выжить, где раздобыть кусочек хлеба. Словом, людские страдания продолжались, методы уничтожения заключенных становились все изощреннее. Почти ежедневно по 30–40 человек отбирали и угоняли за пределы Витебска рыть траншеи, окопы, таскать камни, разбирать разрушенные бомбежками дома. В бараки возвращалось на 5–10 работяг меньше. Больных, изможденных непосильным трудом, тех, кто не мог идти, пристреливали. В эти рабочие группы зачастую попадала и моя мама. Иногда на «воле» ей удавалось раздобыть килограмм-другой картофеля. И тогда вечером мама нам устраивала «праздник живота». Казалось, ничего вкуснее нет на белом свете, чем сваренная в «мундире» бульбочка. Макали ее в соленую воду и, подавивши зубами, жадно проглатывали.

Были для узников и редкие послабления, отдушины. Случалось такое, когда в концлагерь прибывала какая-то комиссия. Возможно, международная. И все-таки омерзительные злодеяния над людьми проходили почти ежедневно.

Своими глазами видел, как очумелые от голода и издевательства люди сводили счеты с собственной жизнью, бросались на колючую проволоку, видел, как на подростка из нашего барака натравливали собак, как истязали мужчину за то, что тот близко подошел к запретной зоне.

Список варварств, издевательств можно продолжать и продолжать. Кошмары обуревали обездоленных лагерников. Репрессии, истязания продолжались изо дня в день, из месяца в месяц.

Прошел год. В марте 1944 г. всех вывели из барака, несколько раз пересчитали, построили в колонну и погнали в направлении райцентра Лиозно. Куда, зачем? Мы не знали. Правда, скоро стало известно: оказались мы в районе населенного пункта Крынки. Не все выдержали дорожные мытарства. Немало мертвых осталось лежать на том нелегком и страшном пути.

Зачем же потребовалось переводить заключенных из одного ада в другой? Ответ прост и ясен. В этом концлагере командование Вермахта держало нас как живой щит, как прикрытие, с целью притормозить наступление войск Красной Армии на данном направлении.

К исходу дня сборище «переселенцев» было на новом месте. Что же представлял собой этот лагерь смерти? Редколесная территория, обнесенная колючей проволокой. Вокруг пулеметные вышки. Подходы к нему заминированы. Внутри ни единой постройки, где бы невольники могли укрыться. Словом, люди оказались в настоящей ловушке, западне. Условия для жизни невыносимые. Мне думается, они намного страшней и трудней, чем в «5-м Полку»: там были многоярусные барачные нары и крыша над головой. Здесь же, хотя изредка пригревало мартовское солнышко, ночью холод пронизывал исхудавшие тела до костей.

Кое-кому из этого многочисленного скопления человеческих тел, в том числе и нашей семье, удалось из еловых, сосновых лапок, другого подручного материала соорудить что-то наподобие шалаша. Разводить костры строго-настрого запрещалось. Многие узники, потеряв память и способность передвигаться, лежали в грязных лужицах. Никакого медицинского обеспечения.

О питании. Как говорится: ни еды, ни чистой воды. Дневной рацион, как рассказывали старшие по возрасту узники, был рассчитан на 2 тыс. узников, а в лагере находилось 12 тыс. человек. Каждый день пребывания в лагере уносил в мир иной не менее 50 человеческих жизней. Обессиленная похоронная команда не успевала рыть канавы для мертвых, мертвых выносили за ворота лагеря. Умерших становилось все больше и больше и их уже не выносили, они лежали рядом с живыми, распространяя трупный запах. Последние трое суток, перед самым освобождением из фашистских лап, наши мучители едой вовсе не обеспечивали.

Что особенное осталось в моей детской памяти из скитания по лагерям смерти? Вот некоторые «картинки».

В теплый весенний день сотни узников гитлеровцы согнали на лесную поляну. Сбор ничего хорошего не сулил: страх был в глазах старших.

Опасения оправдались – разыгралась жуткая трагедия. На глаза всех узников здоровенный палач, восседая на лошади, плетью истязал обессиленную узницу, пытался растоптать ее лошадьё. Напрасно узница молила о пощаде. Ни раздирающие душу ее крики-рыдания, ни горькие детские слезы и крики ее ребенка, ничто не остановило изверга-людоеда. Вволю поиздевавшись над беззащитной женщиной, изверг хладнокровно застрелил свою очередную жертву. Оказалось, что эта женщина не выдержала лагерной жизни – потеряла рассудок. Она беспрерывно сновала по лагерной территории, все показывала, целуя, фотографию мужа – красноармейца и кричала, обращаясь к полицаям, что скоро возвратится ее любимый, и всем им, предателям, непременно отомстить.

До скончания своего века не забыть и тот день, когда моя жизнь висела на волоске. А произошло следующее. Мама отошла на непродолжительное время от шалаша, в котором мы находились, предупредив меня, что бы я никуда не отлучался. В это время у нашего укрытия появился надзиратель и приказал, чтобы все выходили наружу. Заглядывать в шалаш полицай не стал – боялся заразиться сыпным тифом. Ударил прикладом по нашему шалашу и наша «хатка» развалилась. Я оказался под ветками. Полицай ткнул штыком в развалины шалаша и попал в мою правую руку. Как я мучился от страшной боли – описать трудно. Боль помутила сознание. Соседи изготовили тряпичную повязку из толстого слоя мха, обильно пропитали детской мочой – своеобразная народная дезинфекция – и плотно забинтовали рану. Излечился в Смоленске, после освобождения из фашистской неволи. Широкая отметина так и осталась не только на руке, но и моем сознании. Конечно, мне повезло. А попади кровопийца штыком в голову или грудь... И сейчас бросает в дрожь от такого предположения. В таких случаях говорят: «Родился в рубашке и под счастливой звездой».

Не получается удалить из памяти и такое злодеяние. Очень редко хозяева концлагеря привозили хлеб. Тогда многотысячная масса людей окружала машину, с которой гитлеровцы разбрасывали в разные стороны, как собакам, куски хлеба. Творилось что-то невообразимое. Обезумевшие от голода узники, лезли друг на друга, падали на землю, ругались, истерически кричали, избивали друг друга. Все это происходило под дикий гогот, улюлюканье карателей. Натешившись таким зрелищем, пускали в ход дубинки, приклады оружия по плечам узников, а то и просто стреляли в упор. Каждый раз после такого «угощения» хлебом не земле оставались лежать десятки затоптанных узниками и убитых фашистской солдатней невольников...

Бесчеловечность, холод, голод, массовое уничтожение гражданского населения. За незначительную провинность, малейшее открытое возмущение, неповиновение, протест – наказание следовало незамедлительно. Пожаловаться было некому. Все это было, все испытали, вынесли узники. О перенесенных наших муках, безусловно, не все рассказал. О многих варварских издевательствах могли бы поведать моя мама, старшие братья, односельчане. К сожалению, все они ушли безвременно из жизни. Не без помощи нацистских извергов. Военные годы, годы лихолетья, концлагеря подорвали здоровье! Муки людские, мое суровое детство, опаленное войной, закончились в ночь на 3 июня 1944 г., когда разбежалась ненавистная охрана концлагеря. В тот же день саперы Красной Армии – разведчики стали выводить узников лагеря по единственной разминированной тропинке. И вывели – вывезли 8 тысяч стариков, женщин и детей, а четыре тысячи так и остались лежать в лесном массиве, они уничтожены нацистским Вермахтом.

И в заключение. Горько и обидно бывшим детям – жертвам войны нередко встречать равнодушие и непонимание той части молодежи, которая смутно представляет, что такое нацистские концлагеря. Хотелось бы верить – нить исторической памяти не порвется, забвение страшного прошлого в сознании соотечественников не произойдет, люди сохраняют и увековечат пережитое седыми детьми войны – узниками нацизма, что это часть нашей национальной памяти, нашего национального самосознания, без которых невозможно формирование идеологии государства.

Волонтер Дарья Жилач.

2.2. ВОСПОМИНАНИЯ УЗНИКОВ КОНЦЛАГЕРЕЙ, СОЗДАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ, УКРАИНЫ, ЛИТВЫ, ЛАТВИИ, ЭСТОНИИ

Жуковская (Стаканова) Анна Федоровна

д. Скураты Смолевичского р-на

Я помню, пока мы не оказались в лагере, жили в Калачах, где отец служил начальником погранзаставы, а мама работала заведующей фермы. Потом нас всей семьей отправили в г. Ленинград под Нарву. Помню, как вся наша семья была эвакуирована в Выборг, отец перевозил через реку Свирь на лодке и мы чуть не утонули, потому что за лодку была привязана корова.

Мы оказались в г. Вознесение. Папа там был начальником аэродрома. Потом была бомбежка. Я очень плакала, не пускала отца и просила, чтобы он остался с нами. Но он сказал, что не может с нами остаться т. к. он военный человек и боялся, что его посчитают дезертиром. Папа ушел на аэродром, но там уже никого не было. Тех, кто остался, всех погрузили на баржи и отправили по реке Свирь. Они пропали без вести, а мы попали в лагерь Суярови, мама, я и два брата.

Было очень тяжело. Я лазила под проволоку к карелам, носила продавать сахар, т.е. меняла на кусок хлеба. Однажды попала в облаву. Это было зимой. Я спряталась в стогу сена и слышала, как финны штыками пропарывали сено. По счастливой случайности штык не задел меня. Когда они ушли, я вылезла из стога и спряталась в сарае, где были плуги, бороны и всякие железки. Утром, когда карелка вышла на улицу и увидела следы к сараю, она вошла и увидела меня задубевшую от холода. Она взяла меня и принесла в дом. В доме меня согрели, потом помогли перелезть через проволоку, и я вернулась в барак. После этого очень долго болела.

Мама работала переводчицей в лагере. Всех пленных гоняли за лагерь копать могилы, где и хоронили наших умерших. Дров не было. Когда мама взяла несколько поленьев от туалета, ее поймал патруль и посадил на 15 суток в будку. Помню, как ее очень сильно били плеткам у нас на глазах. Мы все очень плакали.

Я опять лазила под проволоку и на поле собирала пышки, приносила домой в барак и варила вроде супа, кормила своих младших братьев и сестру, которая родилась в лагере, и носила маме тоже поесть, чтобы она выжила. Было 7 барачков и нас по очереди гоняли в парилку на санобработку. Сначала все раздевались, вешали одежду, нас поливали водой, а потом загоняли в парилку на полчаса. Конечно, некоторым было плохо от жары. Когда выгоняли, где была вода, то тех, кто не мог выйти, выносили и обливали водой, приводя в чувство.

Каждую неделю приходила финка и немка, смотрели, чтобы была чистота. Если находили пыль или мусор, били плетками.

Когда кончилась война мы ходили с мамой в лес, собирали ягоды, продавали. Потом накопили денег немного и выкупили вагон, чтобы вернуться на родину. В этом вагоне нас было 7 или 8 семей. Это наша семья, Желянины, Кулаковы, Позняковы, Шкарбатовичи и еще не помню 2 семьи. Ехали очень долго, почти месяц, т.к. нас присоединяли к военным эшелонам и часто подолгу стояли на станциях. В Смолевичи мы прибыли осенью.

Вот как прошло мое детство.

Волонтер Дарья Власенко.

Змушко (Денисевич) Галина (Геннадия) Игнатьевна

4.06.1938, д. Лекаревка Минского р-на

В мае 1941г. наша семья: мать Татьяна (1899 г.р.), отец Игнатий (1899 г.р.), Владимир (1927 г.р.), Зинаида (Соколова) (1927 г.р.), Галина (1938 г.р.), Николай (1931 г.р.) из д. Лекаровка Минского р-на, переехала на новое место жительства в Карело-Финскую ССР, Олонецкий район, д. Тукса. В 1940–1941гг. из Белоруссии было переселено 5225 крестьянских хозяйств, в том числе и наша семья. Не успели обжиться – началась война. На второй день войны отец ушел на фронт. А уже 6 сентября наступающие финские войска окружили беженцев у паромной переправы через реку Свирь, в 60 км от нашей Туксы. Было приказано возвращаться в свои деревни. Все наше имущество, включая скот, было уже разграблено. Яма, в которую мы спрятали свои лучшие вещи, зияла пустотой, а 23 сентября всех переселенцев, на грузовиках, отвезли в концлагерь на уничтожение, путем голода, холода, непосильного труда. С собой разрешили взять кое-что из одежды и домашней утвари. Я взяла свою куклу. За все время существования, кроме голодного пайка, ничего не выдавалось, даже мыла. 1004 дня сплошных издевательств! Освободила нас Советская Армия 26 июня 1944 г. Большинство узников не дождалось освобождения! Старший брат Володя после освобождения из лагеря ушел на войну, потом служба в армии, вернулся только через 7 лет. Мы чудом все остались живы. Из более 2 тыс. узников нашего лагеря в живых остался 471 человек. Вернулся с войны отец, прошедший польскую, финскую войну, раненый, но живой. Мы вернулись на Родину, перевезли из деревни дом в г. Минск

В моей детской памяти из лагерной жизни запомнились некоторые картинки: все спят на полу (в комнате несколько семей), рядом со мной моя любимая кукла, тщательно укутанная. Входят 2 дяденьки, светят фонариками

и считают. Оказывается, кукла была вместо Зины, которая в это время убегала из лагеря в поисках какого-нибудь пропитания. Однажды, когда я, в очередной раз заболела, видимо умирала, моя мама лишила меня единственной игрушки, обменяв в деревне куклу на ложку сливочного масла, одно яйцо и баранок, который мне повесила на плечо и приказала откусывать по маленькому кусочку. Я радовалась, а остальные дети вокруг слюнки глотали.

В лагере был установлен строгий режим, в 21 час отбой, обязательные вечерние проверки. За нарушение лагерного режима охраннику разрешалось застрелить, избить или отправить на экзекуцию. Я помню, как били мою маму. Мы, маленькие дети, плакали и через окна комендатуры (одноэтажный зеленый дом, который стоял посреди лагеря, состоящего из четырех 2-х этажных деревянных бараков) видели, как бьют наших мам. Их было очень много (теперь я знаю, по архивным документам, что это было в сентябре 1943 г. и были избиты 24 женщины за попытку найти остатки картофеля на перекопанном крестьянском поле). В коридоре стояла очередь, женщины плакали, теряли сознание, но охранник не разрешал никуда отлучаться. Посреди комнаты стояла деревянная скамья, на которую ложилась жертва, предварительно оголив спину, два солдата держали за руки и ноги один стоял у изголовья (комендант) и один (палач) бил плеткой, которую снимал со стены, их там висело много разной толщины и формы (круглые, квадратные, витые, набитые песком). Каждая получила по 25 ударов. Мама меня убедила, что ей совсем было не больно, и я поверила и успокоилась. В то время, я не понимала и не знала, что это было? Я не знала, что такое хлеб, мясо, сахар, конфеты и т. д. Впервые я узнала, что была в лагере, лишь после 22 июня 1988 г., когда в Киеве состоялся 1-ый слет детей войны, на котором был создан Международный союз бывших малолетних узников фашизма и по радио прозвучал призыв «**Дети войны объединяйтесь!**». Тогда брат сказал, что мы тоже были в концлагере. Почему мои родные не рассказывали мне о концлагере, теперь всем понятно. Не хотели, чтобы я чувствовала себя виноватой в каком-то никому не понятном «предательстве».

Волонтер Юлия Егорова.

См.: Денисевич Н.И. В финском концлагере. Воспоминания и размышления. Выпуск пятый. Минск, 2007. – 244 с.

Кочанова Александра Григорьевича

10.1939, д. Поповка Смоленской обл.

Войну я встретил в д. Поповка. Через нашу деревню проходило много наших войск (большак Ельня – Рославль). Мы с другом носили для них воду

Однажды мы сидели за березой, а с другой стороны сидели два гражданских человека. Их разговор показался нам странным. Недалеко солдаты рыли окопы и мы рассказали о своих подозрениях командиру. Он взял двух солдат и проверил документы у этих людей. Оказались шпионы.

В середине июля во время боя меня ранило: осколок попал в мякоть руки. Женщина-соседка зубами вытащила этот осколок. Наши отступали, было много убитых. Мы с братом поймали лошадь, нашли повозку и помогали хоронить убитых.

Брата расстреляли 17 февраля 1942 г. во время карательной операции немцев. Наша деревня несколько раз переходила из рук в руки то немцев, то партизан. 4 марта 1942 г. начался очередной захват деревни немцами, а над деревней летал самолет, который не давал никакой возможности убежать. Моя двоюродная сестра погибла.

В июле 1943 г. нас угнали в Рославский концлагерь, а в сентябре освободили партизаны. После освобождения начали восстанавливать землянки. Помогал строить школу в д. Максаки, куда и ходил учиться.

Волонтер Алина Еремина.

Кулаков Дмитрий Дмитриевич

0.

Многодетная семья Кулаковых из г.п. Логойск в сентябре 1940 г. завербовалась для переселения в Карело-Финскую ССР. В семье было 9 человек: отец – Кулаков Дмитрий Максимович 1886 (г.р.), мать – Елена Васильевна 1889 (г.р.). Дети: сыновья – Иван (1918 г.р.), Вячеслав (1923 г.р.), Федор (1926 г.р.), Василий (1928 г.р.), Дмитрий (1934 г.р.), сестра Евгения и племянник Анатолий (1939 г.р.).

Грузились в товарные вагоны в Смолевичах. Вместе с нами из Логойска ехали в Карелию: семья Жилининых 8 человек, Жакевичей 4 человека, а также Стакановы, 5 человек, из дер. Скураты, Позняки из дер. Прилепы, Скарботовичи и другие семьи.

По прибытию в Карелию нас поселили на хуторе, который располагался на возвышенном месте у горы. Дом большой, на высоком фундаменте. Вход в дом по высокому крыльцу. Под домом по всему периметру – подвал. Вокруг дома просторный двор.

Отец с матерью начали работать в колхозе. Сестра Женя вышла замуж, и вместе с мужем Каримовым работали в школе учителями. При школе было жилое помещение, там они и жили.

Прошла зима без особых приключений. Помню весной 1941 г., когда растаял снег, то при копке огорода находили не замерзшую картошку, что было удивительно, принимая во внимание, что прошедшая зима была достаточно суровой.

Когда началась война, брата Вячеслава и мужа сестры Каримова призывали в армию. Еще до начала военных действий нам объявили, что бы мы поскорее уезжали, так как мост на пути нашего возможного отступления будет скоро взорван. Погрузив часть своего имущества на повозки, мы двинулись в эвакуацию. Впереди начавшей отступать армии. В Выборге мы расстались с сестрой Женей, которая вместе с мобилизованным мужем Каримовым погрузились на отплывающую баржу. А наш обоз двинулся дальше. Позже до нас дошли слухи, что эту баржу разбомбили вражеские самолеты.

Кто руководил эвакуацией, я не знаю. Помню только, что нас среди болотистого леса по бревенчатой лежневке привезли в какой-то заброшенный поселок в глухом лесу, под № 41, где было всего три барака. Там мы прожили до декабря 1941 г. Однажды из леса к нам вышли 7 обмороженных, оборванных, грязных изголодавшихся солдат. По их рассказам, они бежали из финского плена. Одного из них я даже запомнил по фамилии, Орлов Николай, потому, что он подарил мне теннисный мячик. Мне, ведь, в то время было всего 6 лет.

Потом нас перевезли в поселок Вознесенье. Там мы жили не долго. Появились финны. Наши бежавшие из плена солдаты попытались вплавь через местную речку убежать от нового плена, но были расстреляны финнами. Чудом выжил только Николай Орлов. Об этом мы узнали уже после освобождения, случайно встретив его на одном из привалов в лесу среди отдыхающих советских воинов.

Финны отобрали у нас корову, лошадь и все, что мы везли с собой в повозке, построили всех в колонну и погнали в чем стояли к железнодорожной станции. Там погрузили в неотапливаемые товарные вагоны и, вконец замерзших и голодных, привезли в Петрозаводск, где поместили в один из барakov за колючую проволоку концлагеря № 6, барак № 10. В нем мы прожили вплоть до освобождения.

В концлагере был установлен тюремный режим, царил голод, особенно зимой. Летом было легче, ели травы, приходилось в поисках чего-то

съестного, рискуя быть пойманным, проползая под проволоку, забыв стыд, попрошайничать, рыться в помойках, искать съедобные травы и т. д. Выдаваемый нам паек обрекал нас на голодную смерть. На человека выдавался стакан ржаной муки и маленький пакетик сахара на семью, и больше ничего. Люди начали умирать как мухи. Мои братья Федя и Вася работали в бригаде по вывозу покойников. На телегу-платформу грузили по 6–8 гробов и отвозили в заранее вырытые траншеи-могилы и засыпали их землей. Специальная бригада не успевала сколачивать гробы. Позже Федю послали на лесозаготовки, где он потерял глаз.

При малейшем непослушании в ход шла нагайка (такая резиновая палка со свинцом на конце, которая – при ударе обвивала тело). Всех нас заедали паразиты: вши, клопы, блохи. Каждую неделю в барак заходили охранники и с помощью нагаек выгоняли всех в так называемую баню. Сначала загоняли в походную бытовку, где все раздевались. При выходе во вторую бытовку каждому делали укол в подлопаточную область. Во второй бытовке были полки, на которых размещались голые женщины, старики и дети, все вместе и закрывали наглухо. В помещение нагонялся сухой горячий пар. После этого переходили в третью бытовку, где давали по кусочку (1,5 x 1,5 см) черного зловонного мыла и таз воды. Отдельно в, так называемых, прудиловках прожаривалась наша одежда. Время от времени в бараках сжигали в специальных горшках серу для уничтожения паразитов. Но проводимые таким образом профилактические мероприятия не избавляли нас от паразитов. Голод, скученность, антисанитария, изнурительный труд, моральные и физические страдания разрушали здоровье. Заболевшие тифом, кишечными заболеваниями исчезали неизвестно куда. По рассказам их сжигали.

Весной 1944 г., где-то в мае месяце пошли слухи, что скоро с моря ударят «катюши» и придет освобождение. Кто-то предупредил, что на территорию лагеря завезены бочки с бензином и все бараки вместе с узниками финны собираются сжечь. Люди жили в страхе, никто не хотел умирать на заре освобождения. По ночам слышались мощные взрывы, были сирены. Готовясь к отступлению, финны взрывали мосты, вокзал, электростанцию и др.. 29 июня в Петрозаводск вошли Советские войска. Финны оставили город без боя.

Осенью 1944 г. мы вместе с другими семьями из Белоруссии, вернулись на родину. В Логойске все было разбито, сожжено. Мы, будучи в концлагере, жили в полной изоляции. Не знали даже, что в Белоруссии были немцы. Жить было негде. Отец вырыл землянку из сохранившегося погреба на берегу

реки Гайна по улице Профинтерновской. Позже при строительстве Логойской ГЭС землянку и весь приусадебный участок затопили водой.

Брата Федю мобилизовали в трудовую армию в город Серов, Свердловской области. Брат Вячеслав с началом войны был мобилизован в армию в пожарные войска, прошел войну, остался жив. Сестра Женя выжила после бомбежки баржи и отозвалась после войны из г. Перми, но затем погибла при невыясненных обстоятельствах. Я после окончания 7 классов, был призван в армию. После армии окончил вечернюю школу, и началась трудовая жизнь.

Марченков Михаил Михайлович

12.1931, п. Новая жизнь Куйбышевского р-на Калужской обл. (Россия)

До оккупации немцами нашего района в июле 1941 г. нашей семьей была задержана немецкая шпионка, которая разведывала места расположения воинских частей, их вооружение.

С 1941 по 1943 гг. население нашего поселка «Новая жизнь» Калужской обл. находилось в оккупации. В поселке оставались старики, женщины и дети. Мне приходилось выполнять всю трудную работу наравне со взрослыми.

Наш поселок находился в районе партизанского движения Смоленской, Калужской и Брянской областей. Население поселка помогало партизанам едой и одеждой, информировали о расположении немецких частей. 1 августа 1943 г. во время карательной операции все население угнали в концлагерь в г. Рославле Смоленской обл., а весь поселок – 12 домов, сожгли.

Мы были освобождены Красной Армией в сентябре 1943 г.

Волонтер Полина Ращенья.

Рогач (Кузнецовой) Татьяны Алексеевны

1930, Псковской обл. (Россия)

В 1942 г. немцы сожгли деревню, а нас привезли в Псков в бывшую тюрьму на сборный пункт. Потом погрузили в товарные вагоны. Везли нас долго, а это было в ноябре – декабре. Холодно, голодно, долго стояли на станциях, так как немецкие эшелоны шли на фронт, на Ленинград и пути были заняты. Иногда вагоны открывали и бросали внутрь хлеб.

Везли, наверное, больше месяца. Привезли в Латвию. Провели всех через баню, одежду в жарку, всех обстригли. После врачебной комиссии начался отбор в Германию. У нас была большая семья: мама, пять детей, я старшая (12 лет). Мы не подходили в Германию, и нас распределили по хозяевам в Латвии: кого коров пасти, кого куда.

Потом опять были лагеря, отбор подростков. Хозяйка привезла на сбор, и меня отобрали для отправки в Германию. Но у хозяйки сыновья служили у немцев (3 сына). Она немного умела говорить по-немецки, сказала, что ей нужен пастух, и меня оставили ей. Мне было у нее очень страшно по лесу пасти стадо, рядом шоссе «Рига – Псков», идет фронт, и я все плакала от страха. Мамы рядом не было, она была на другом хуторе, очень далеко. Потом опять лагерь, но уже пришли наши войска и нас освободили. Пережито много.

Волонтер Роман Куница.

Раковец (Гришунина) Екатерина Васильевна

13.09.1931, д. Меховая Калужской обл.

С началом войны нашу деревню оккупировали немцы. Всех мужчин, в том числе и моего отца, Гришунина Василия Ивановича, отправили на фронт, а женщин с детьми в 1942 г. вывезли в п. Урицкий – концлагерь № 142, который находился в трех километрах от г. Брянска. Лагерь был обнесен колючей проволокой. Там находились военнопленные и поэтому он охранялся немцами.

Взрослых гоняли на работу. Они делали все, что им говорили немцы. Я тоже помогала маме: мыла полы, подметала, белье стирала для немцев. Но в основном смотрела за двумя младшими сестрами, когда мама уходила на работу.

В лагере было холодно и голодно. Кормили похлебкой один раз в день. Многие не выдерживали и умирали.

Не греет сырая осина.

Чужая не топится печь,

И вышел запас керосина,

Чтоб старую лампу зажечь.

Закрыты все русские школы.

Мать каждым куском дорожит,

И лик поясного Николы

В лучиновом свете дрожит.

Шуршат иноземные флаги

Скрипят сапоги патрулей.

Деревня – как сумрачный лагерь,

И в окнах не видно огней.

И бьется о кромку припая
Вода тяжелее свинца.
Война громыхает слепая
И весточки нет от отца.

Волонтер Дарья Власенко.

Черников Николай Сергеевич

10.01.1932, д. Слабода Горецкого р-на

Зимой 1943 г. жителей деревни выгнали из домов на улицу и погнали на станцию Зубры, посадили в вагоны и привезли в Оршу. На товарной станции молодежь отделили от стариков, посадили в вагоны-телятники и везли восемь суток. В дороге кормили буханкой хлеба с опилками на восемь человек и кружкой чая.

Привезли в концлагерь, что в г. Алитус. Лагерь размещался в бывших Николаевских казармах. Карантин в течение трех месяцев проходили в конюшнях, где были 3-х ярусные нары-сетки. После этого перевели в каменные бараки. Кормили один раз в день супом из мерзлой картошки или бурака. Иногда меня посылали чистить картошку на кухню и за это давали порцию похлебки. Из-за ужасных жизненных условий очень много людей умирало, особенно детей.

Часто приезжали хозяева и отбирали работоспособных для работы на предприятиях и частных хозяйствах. Во время отбора нас выстраивали на плацу, где мы мерзли по три часа.

Весной нас снова посадили в вагоны и стали развозить по населенным пунктам. Были одни старики и дети. Нас привезли в местечко Бенякони, где мы прожили какое-то время в бараке. Затем опять был переезд и мы оказались в заброшенном доме с выбитыми окнами, где нас бросили на выживание. Там я устроился к местному хозяину пастухом.

В мае 1945 г. после освобождения мы, как могли, стали возвращаться домой. Все составы были забиты машинами и оборудованием. Дома наши были сожжены или разграблены, поля не засеяны. Ели все, что можно было есть: лебеду, липовые лепешки и пр. Вот так продолжалась новая жизнь.

Волонтер Полина Ращенья.

Туболец (Дегтярова) Лидия Яковлевна, Харлан Нина Яковлевна

д. Беларучи Логойского р-на Минской обл.

Наша семья состояла из 8 человек: Отец Дегтярев Яков Ефимович (1897 г.р.), мать Анастасия Лаврентьевна (1907 г.р.), брат Саша (1925 г.р.), я Лидия (1928 г.р.), сестры: Соня (1930 г.р.), Лена (1936 г.р.), Валя (1939 г.р.) и Нина 1942 (г.р.). Родители работали в колхозе. После Финской войны в начале мая 1941 г. отец завербовался во вновь образовавшуюся Карело-Финскую ССР. Прибыли в Карелию 19 мая 1941 г. Местом нашего нового жительства родители избрали деревню Тукса, Олонецкого района. Там нам дали дом. Все необходимое для обоснования на новом месте мы привезли с собой, в том числе домашних животных, запасы продуктов питания и все остальное. Родители начали работать в колхозе, а мы дети занимались домашними делами, обустраивались, знакомились с местностью, со сверстниками карелами. Но не долго нам пришлось радоваться новой жизни. Через месяц после нашего приезда началась война, и все наши планы рухнули. Отец ушел на фронт. А мы оказались в трудном положении. Мама была беременной и нас пятеро. Куда деваться, что делать? Вернуться назад в Белоруссию? Хотелось бы, но как? Все хозяйство привезли с собой! Надеялись, что скоро кончится война, а она уже стучится в дверь. Фронт уже у порога. Все побросали и вместе со всеми бросились убежать, спастись. Дошли до реки Свири. А там уже переправы нет. Паромы уничтожены вражеской авиацией. Вот тут мы и попали в плен. Беженцев в ближайшем лесу было много и разных. Тут были и повозки и тележки, а большинство с котомками. Кто были наши враги, финны или немцы мы тогда не знали. Помню только крики, гвалт, плач детей. Чужие солдаты отбирали у беженцев все, что им хотелось, одним словом грабили. У кого был скот, забирали. А потом всем было велено вернуться в свои дома и ждать особых распоряжений. Мы вернулись в Туксу. Нашей скотины уже не было. Дом был ограблен. А нас – переселенцев перегнали в какую-то деревню, в которой не было жителей, и на какое-то время оставили под охраной незнакомого мужчины-карела. Помню, там заболела моя младшая сестричка, а за нами уже прибыли грузовые крытые машины, куда-то нас увозить. Мама обратилась за помощью к старшему финскому начальнику. Он осмотрел больную и сказал, что жить она не будет и брать ее с собой не надо. Оставьте ее здесь. Карелы похоронят. Но мама и старший брат не согласились с таким решением, и забрали ее с собой. И она выжила.

Нас привезли в концлагерь. Вот там мы хлебнули горюшка сполна. В бараках тесно, постелей практически нет. В щелях деревянных бараков клопы. Ночью заедают. Завшивленность. Мыла нет. Кругом ограничения. Выход за ограду запрещен под страхом наказания, вплоть до расстрела. Собираться в группы нельзя, выходить из барака после 9 часов вечера нельзя. Проверки два

раза в сутки. Тюрма строгого режима! А мы все женщины, старики и дети заключенные, преступники. Что с нами происходит, что вокруг творится не понятно. Все перевернулось вверх тормашками. Нас ограбили, отобрали все имущество, скотину, лишили крова и нас же посадили, как диких зверей, как воров и убийц за колючую проволоку, а тех, кто все это сделал, поставили с оружием в руках сторожить нас. Но страшнее всего этого был голод. 125–150 граммов скверного неизвестно из чего испеченного серого сухого «хлеба» на душу в сутки. И люди стали пухнуть, умирать. Особенно много людей умирало в первую лагерную зиму и весной 1942 г. Было впечатление, что скоро мы все перемрем. По 9–12 трупов ежедневно вывозили из ворот лагеря, без гробов, один на другом, как дрова. Мы старались из всех сил поддерживать друг дружку, делиться последним, если кто-то из нас начинал дышать на ладан. Наверно мы бы не дотянули до весны. Но мой старший брат, а затем и мы с Соней стали проползать под проволоку в поисках еды. И эти рискованные походы помогли нам выжить до лета. Все, кого я знала, кто боялся или по другим причинам не могли этого делать – умерли в первую же зиму. Конечно же, почти ежедневно кто-нибудь да попадался. Поэтому палачу лагеря работы хватало. Пойманных секли плетками, прутьями. Из-за стен комендатуры часто можно было слышать вопли избиваемых. Попалась однажды и я. Пятеро нас девочек возвращалось из очередного похода. Пролезали под проволоку по очереди. Четверо пролезли, а я, последняя, была замечена патрулем и поймана. Финны с вышки видимо заметили, что я была не одна, и требовали, чтобы я назвала, кто еще был со мной. Мне тогда было 14 лет. У нас был уговор – не выдавать! И когда я сказала, что была одна, меня бросили на скамью и начали избивать по голому телу резиновой плеткой. 25 ударов. Вся спина и мягкое место были в кровавых рубцах. И вдобавок к этому в наказание меня оторвали от семьи и отправили в другой концлагерь «Видлица», где я работала на тяжелых работах на лесоповале, расчистке дорог, сплаве леса. Кормили там тоже плохо. На таких тяжелых работах, рассчитанных на взрослых мужчин, нам выдавали котелок жидкой баланды на день. Иногда вместо баланды давали кашу, которой кормили лошадей, картофельные отходы. Ложки не были положены. Баланду пили прямо из котелка, а кашу запихивали в рот руками. Медицинского обслуживания не было. При повреждениях кожи, обморожениях поврежденные участки смазывали смолой живицей, завязывали каким-нибудь тряпьем. В «Видлице» был введен варварский метод наказания за провинности. Наказуемого подвешивали связанными руками к дереву так,

чтобы ноги не касались земли, и в таком положении избивали плетками. Работали бесплатно. Лагерь охранялся финнами и шведами.

Хватало различных зверств и издевательств со стороны финнов. Всего не расскажешь. Но не могу забыть и не рассказать о таком диком зверстве финских палачей. В лагере была конюшня. У хозяина конюшни работали четверо советских военнопленных, молодых ребят из Ленинграда. Они голодали так же, как и мы. Однажды у хозяина пропала сторожевая собака. Он заподозрил, что голодные военнопленные убили ее и съели, и пожаловался коменданту лагеря. Ребят вывели за забор лагеря, заставили вырыть себе могилу, поставили возле нее всех четырех и расстреляли у всех на глазах. Чтобы другим не повадно было, есть хозяйских собак и кошек. А через день прибежала к хозяину пропавшая собака.

Но всему приходит когда-то конец. 26 июня 1944 г. наступил и на нашей улице праздник, пришло долгожданное освобождение. Это были не забываемые дни. Не верилось, что можно вот так запросто взять и пойти куда хочешь. Было такое чувство, что словно крылья выросли, стоит только взмахнуть ими, и можешь улететь к себе на Родину, в свою любимую Белоруссию!

Но война еще не закончилась. Хотелось уехать из этого проклятого места куда-нибудь подальше. И такая возможность вскоре появилась. Из Лодейного Поля приехали представители штаба военного округа для мобилизации молодых девушек на работу в военное подсобное хозяйство, и я с радостью согласилась. Старший брат был призван в армию. Мать с младшими дочерьми осталась в Ильинске.

Временно меня определили работать в прачечной. Приходилось стирать замасленные, порой пропитанные кровью ватники, военные гимнастерки, штаны и другие предметы солдатского обихода. Выполняли и особые распоряжения военного начальства. Вытаскивали, например, баграми из реки Свирь трупы погибших воинов и своих и вражеских. Специальная служба, затем, занималась их дальнейшей идентификацией и похоронами.

Потом меня перевели в качестве вольнонаемной на должность официантки в столовую при Военсовете центральной группы Советских войск. Это была столовая закрытого типа под литерой «0», для высшего комсостава. По мере продвижения фронта осуществлялась и передислокация Военсовета. Побывала я и в Польше, и в Чехословакии. Последним местом моей работы был Будапешти Секешфехешвар. Работая официанткой в столовой, где питались высокие армейские чины, мне приходилось встречаться с очень известными людьми. Поскольку я была худенькой и

небольшого расточка, то меня в шутку называли маленькой Багеткой. За многие месяцы работы ко мне уже привыкли и относились ко мне, как к родной. В Будапеште однажды во время большого банкета меня позвал к себе Клемент Ефремович Ворошилов. Порасспросил меня, кто я, как попала на такую работу, потом похлопал меня по плечу и, улыбаясь, попросил на белорусском языке: а пригото́вь-ка ты мне, Багетка, бульбачку у лушпинках и домашней перцовочки.

С «бульбачкай» проблем, конечно, не было. А вот с домашней перцовочкой пришлось озадачить шеф-повара. Тот поворчал, де, мол, надоели они мне со своими прихотями, вечно что-нибудь выдумывают. Но «перцовочку» на следующий день принес.

В Венгрии я случайно совершила, можно сказать, героический поступок, за что была награждена орденом Красного знамени. Вышла я прополоскать в местной речушке свой передник. Смотрю, а с противоположного берега к речке спускаются какие-то вооруженные люди, пулемет с собой тащат. Я бегом к начальству. Потом я узнала, что это была диверсионная группа немцев, пытавшаяся напасть на расположение нашего штаба. В Будапеште я встретила день Победы. По этому поводу был грандиозный праздник с салютом, с массовыми гуляньями, песнями, танцами, оркестрами. Радовались и мы, и венгры. Радовалось все живое на земле. Война закончилась. Мы остались живыми. Теперь уж точно не убьют.

В 1947 г. все наше хозяйство вернулось в Москву. И весь обслуживающий персонал был распущен по домам. Я вернулась к семье в Карелию. Работала в Петрозаводске. В 1953 г. вся семья вернулась в Беларусь.

Шевцова (Абополова) Светлана Андреевна

13.01.1937, г. Москва

Отец был репрессирован в 1939 г. Он был главным редактором газеты «Известия» и имел собственную машину. Мама посадила меня с сестрой в машину и хотела уехать из Москвы, но проехали мы только 100 км. Машину остановили военные и отобрали.

Через некоторое время у мамы начался тиф, и нас разлучили. Мама оказалась у партизан в Беларуси. А мы с сестрой попали в Саласпилс, самый страшный детский концлагерь, где у детей брали кровь для немецких солдат.

В 1945 г. нас освободили и отправили в детский дом в г. Плевин на Двине. Мама вышла замуж и все время нас разыскивала. Когда она нас нашла, то мы уже разучились говорить по-русски.

волонтер Вероника Лозовская

2.3. УЗНИКИ ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ И КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ В ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ, ПОЛЬШЕ

Вежновец Александр Савельевич

14.08.1932, д. Сопейко Гомельского р-на

Меня хотели отнять от мамы. Мама кричала, вцепилась в меня, а я в нее. Маму били, но вмешался какой-то человек в гражданской форме, поговорил с мамой и нас перевели в другую группу людей. Мама все время твердила, что нас спас ангел-хранитель. Потом был лагерь. Я 12-тилетним ребенком побывал в 1944 г. в концлагере Освенцим.

Я помню концлагерь, как мы умирали.

Тиф, голод, чесотка съедали нам тело.

Отцы на фронтах свою жизнь отдавали,

А нас большинство сиротело.

Вдали, за пригорком, дымил крематорий,

Где трупики наши сжигали.

Нас, из Союза, всех категорий

Наци за людей не считали.

Частенько, к нам в лагерь, купцы приезжали.

И тех, кто ходил, вели на помост

И тех, кто покрепче, они покупали,

Но тут же за номером клеили «OST»!

Но и там были люди, что нам помогали

Низкий поклон им – до самой земли.

Но вот я, пред вами – скорлупка отжата

Давно не хожу на свою сенажать,

Лишь просьба больного, седого солдата

Узников детства нельзя обижать

Узников детства грешно обижать!

Дай Бог, чтобы наши дети, внуки и правнуки никогда не знали концлагерей и войн, а жили в вечной дружбе и взаимопонимании со всеми народами нашей прекрасной планеты Земля.

Волонтер Дарья Жилач

Довнар (Власовец) Нина Ивановна

27.05.1927, г. Полоцк

Отец в 1933 г. был репрессирован. Мать в 1937 г. была арестована, затем ее отпустили. Сестра умерла в 1929 г., я попала в детдом № 5 г. Минска.

Во время войны детдом эвакуировали в д. Дукоры Минской области. Оттуда немцы направили меня в детдом в местечко Острошицкий Городок. За связь с партизанами была арестована гестапо. После пыток отправили в Минск, в тюрьму на улице Володарского, а оттуда – в Германию, город Ревендбург.

В железнодорожном лагере работала уборщицей. В лагере было много иностранцев: чехи, поляки, французы. Нас возили и на полевые работы. Однажды на обед привезли суп с червями, и восемь работников забастовали: не ели суп и на работу не пошли. Немцы пригрозили, что отправят в гестапо. Я уже знала, что это такое, и мы вынуждены были голодные пойти работать.

Однажды мальчишка, сын хозяина (11 лет), обозвал меня русской свиньей, и я его отлупила. Его мать начала меня ругать, но младший сын (6 лет), пожалел меня и сказал, что Герхард плохой.

Перед освобождением повар-поляк предупредил, что лагерь будет сожжен. Все тайно ночью ушли из лагеря в деревню, находящуюся в 10 км от того места. Там спрятались в трубу и два дня просидели голодные, пока не приехали американцы.

Волонтер Юлия Таргонская.

Корзун (Козлова) Нина Борисовна

25.09.1927, д. Завино Городокского р-на Витебской обл.

Жили мы на оккупированной немцами территории в местечке Новка Суражского района. Нас у мамы было четверо детей. Мой отец был призван в Красную Армию в 1941 г. На территории, где мы жили, стали появляться партизаны, и наша семья помогала им. Мама пекла хлеб, делала все, что могла по просьбе партизан. Я тоже ходила к партизанам и выполняла различные поручения.

В 1943 г. мы всей семьей ушли в лес. Немцы часто прочесывали леса с собаками и однажды нашли нас и увезли (как и партизан) в Витебск в тюрьму на сортировочный пункт и допросы. Потом в один день подъехал грузовой фургон, нас погрузили, перевезли в тупик. Погрузили в товарный вагон и закрыли там.

Так мы оказались в Польше в лагере Освенцим. Кругом были вышки, обнесенные колючей проволокой под током. Была слышна музыка. Возле входа у ворот нас клеймили: мать Мария Константиновна – № 61 507, сестра

Надежда – № 61 508, мой номер 61 509, брат Петр – № 149 783, брат Иван – № 149 784.

Потом нас погнали на обработку, всех постригли наголо, сняли одежду. Помню, стояли две бадьи с какой-то жидкостью. Сначала мы окунались в одну, потом в другую емкость. Затем нас загнали в помещения типа парилок. Там были все вместе: дети и родители. Нас просушили, выдали полосатые халаты, нашивки на грудь и на рукав, на ноги надели деревянные колодки. Начались принудительные процедуры: нам делали уколы, брали кровь. На территории лагеря был крематорий, оттуда шел черный дым.

Настал день сортировки. Детей стали отнимать от матерей. Я и сейчас вижу тот ужас. Мать осталась в Освенциме. Детей вывезли в филиал Освенцима – Лодзенской лагерь или Патулиц. Там снова нам делали уколы, брали кровь. Мы спали в бараках на матрацах, кормили ужасно плохо.

Мы выполняли все работы, подчинялись, потому что хотели ЖИТЬ.

Волонтер Анна Ковалевич.

Корхов Иван Кириллович

1935, д. Вулкан Лоевского р-на Гомельской обл.

В 1943 г., когда немецкие войска стали отступать на запад, тыловые части германской армии заняли нашу деревню. В этих частях были украинские добровольцы, которые служили немцам. Они нам сообщили, что в деревню придут отступающие немецкие войска и будут угонять всех людей в Германию, а деревню сожгут. Когда тыловая часть ушла, многие жители деревни начали грузить на телеги все необходимое, чтобы уйти жить в лес. Из нашей семьи в лес ушли отец, мои старшие брат и сестра. Мама, я и младший брат остались в деревне, так как думали, что нас маленьких в Германию не отправят. Но немцы брали всех подряд. Согнали оставшихся жителей, поставили под дула пулеметов и стали требовать, чтобы мы сказали, где в лесу находятся партизаны. Ничего не добившись, расстреливать не стали, но закрыли в большой колхозной конюшне и поставили охрану. Сюда же попали несколько женщин и девушек, в том числе и моя сестра, которые шли в деревню за продуктами, так как не знали, что в деревне уже немцы. Все думали, что конюшню сожгут вместе с нами. Но утром подъехали грузовики, нас погрузили на них и повезли на станцию Речица, где посадили в товарные вагоны и повезли в Германию. В Германии нас привезли в концлагерь Кюнзбек недалеко от города Билефельд. Кормили один раз в сутки в 8 часов вечера. Давали булку хлеба взрослому человеку и полбулки ребенку на неделю. Поэтому много людей умирало от голода и болезней. Лагерь стоял

вплотную к лесу и был огорожен не колючей проволокой, а металлической плетеной сеткой. Если часовой не видел, то взрослые приподнимали сетку и я с другим мальчиком пролезали под ней и шли просить любое пропитание у немецкого населения. В основном давали хлеб и картошку. Из нас пятерых выжили трое: бабушка и младший брат там умерли.

22 апреля 1945 г. нас освободили американские войска. Домой отправлять не торопились, предлагали ехать жить в Австралию, но мы отказывались. Такая волокита продолжалась полгода и домой мы вернулись только 20 октября 1945 г.

Волонтер Екатерина Зотова.

Мельникова Людмила Кирилловна

6.05.1932, г. Лепель Витебской обл.

Война застала мою семью в г. Лепеле Витебской области. Отец остался на оккупированной территории сражаться с врагом. Он был подпольщиком. Так, по поручению командира партизанского отряда Владимира Елисеевича Лобанка отец и еще несколько человек были внедрены в сельхозкомендатуру. Там они проводили подрывную работу: передавали нужную информацию, распространяли листовки, отравили группу немецких офицеров. Но среди них оказался предатель. Группу раскрыли и в апреле 1942 г. расстреляли.

Незадолго до этого отец успел перевезти меня, маму и брата с 4-летней сестренкой в деревню. Спасая от ареста, нас переправили в партизанскую зону – в Уманицкий район. Однако во время блокады, в мае 1943 г., немцы схватили нас в лесу. Мы думали, что нас расстреляют, но вместо этого оказались в лагере под Лепелем. Там мы находились до осени.

Затем нас перевели в Витебск, а оттуда 5 сентября отправили в Освенцим. Тогда мы еще не знали, куда едем. Подъезжая к концлагерю, увидели высокие трубы. Думали, что это завод, оказалось – печи-крематория. В лагере нас всех обрили, забрали всю одежду, накололи номера. Мой номер – 61 574 виден до сих пор. У мамы был 61 573, у сестренки – 61 575, у брата – 149 472.

Мне тогда шел 11-й год. Но я до сих пор помню все, что там происходило. Жили мы в нечеловеческих условиях: спали на нарах, питались отходами, которые даже собаки в рот не брали. Вскоре заболела моя сестренка, затем брат, мама. Вместе мы были недолго.

Как-то раз нас всех выгнали на улицу и стали делить: взрослых в одну шеренгу, детей – в другую. Женщины сразу поняли, что у них отнимают

детей, и пробовали их удержать. Но это было невозможно. Как невозможно словами описать то, что происходило.

Нас, детей, отправили в филиал концлагеря, разместили в двух огражденных бараках. У детей брали кровь, проводили на них какие-то эксперименты. Мою сестренку забрали в больницу и там замучили.

Вскоре брат попал на работу бауэру. На лето и меня увезли на полевые работы. Под жестким надзором мы работали с утра до поздней ночи. В феврале 1945 г. началось наступление советских войск и немцам было уже не до нас. Хозяин, у которого мы работали, сбежал.

Мы стали готовиться к встрече с советскими войсками. Нашли фашистский флаг, вырезали все немецкие символы и краской написали: «Да здравствует Красная Армия!» Когда мы это писали, в дом вошли два человека в гражданской одежде. Они спросили, здесь ли находятся русские девочки? Не зная, кто перед нами, мы все же решили открыться. И тут в дом вошли еще семь человек в маскхалатах, с автоматами. Это были советские разведчики. От радости все мы заплакали, плакали и солдаты. Уходя, они сказали: ждите, скоро вас освободят.

И правда, совсем скоро наши войска заняли эту территорию. И мы сразу же поспешили домой. Хотя те солдаты и говорили, чтобы мы не спешили, поскольку железная дорога разрушена, да и родная наша Белоруссия находилась в руинах. Но нам очень хотелось домой. В сильный мороз на открытых машинах, платформах мы добрались до Бреста. Показали номера на руках, и нам выдали бесплатные билеты, паек.

На поезде доехала до Витебска. А оттуда до Лепеля – пешком. По дороге едва не замерзла. Выбившись из последних сил, едва стояла на ногах. А вокруг снег и ни единой души. Уже отчаявшись найти спасенье, увидела повозку. Меня подобрали и довезли до Лепеля. Родных в городе не было. И прожив некоторое время то у одного постороннего человека, то у другого, я попала в детский дом.

Потом я вспомнила, что в Могилевской области живут родственники отца. Приехала к ним в деревню, но долго там не пробыла. В семье и без меня было много едоков, а вокруг разруха, голод. И я пошла в Могилев. Там мой отец закончил академию, его знали. В Могилеве меня распределили в специальный детский дом для детей погибших партизан. Но вскоре пришла тетя из деревни и сказала, что мама прислала письмо. Я не могла в это поверить. Неужели мама, переболев тифом, перенесла все мучения, смогла выжить? Но прочитав письмо, я убедилась, что мама уже находилась в Лепеле. И я сразу же отправилась туда. На этом окончилась моя сиротская

доля. А еще через некоторое время мы получили весточку от моего брата: вместе с советскими войсками он дошел до Берлина. Узнав, что мы живы, он вернулся к нам.

Волонтер Екатерина Телятникова.

Олин Игорь Анатольевич

1940,

К началу войны мне было чуть меньше года от роду. Моего отца призывали на фронт в первые дни войны. Вместе с мамой и бабушкой мы остались в оккупированном Витебске. Жили в маленьком деревянном домике, бедствовали, голодали, не было одежды, носили старые обноски. Иногда приходилось выкапывать на поле старую картошку. Бабушка лежала парализованная, в дом попала бомба, и ее не стало...

В марте 1944 г. накануне приближающегося наступления армии – освободительницы, нас с мамой принудительно увезли на работы в Германию. Некоторое время (около двух месяцев) мы находились в концентрационном лагере Дахау вблизи Мюнхена. Тридцать барачных вытянулись в ряд по обеим сторонам широкой аллеи, обсаженной тополями. За бараками сначала был пустырь, ходить туда строго воспрещалось. За пустырем – большой ров, а вдоль рва – бетонная ограда с колючей проволокой под током. С западной стороны за колючей проволокой был глубокий канал. Вокруг лагеря на равном расстоянии возвышались шесть мрачных сторожевых башен, где круглосуточно несли службы эсэсовцы с пулеметами. Кроме того, имелись бункер, помещение для охраны, кухня и баня. Два здания крематория были тоже построены из кирпича. В настоящее время в лагере кроме кирпичных зданий ничего не сохранилось. Места бывших барачных обозначены прямоугольными бетонными плитами.

В лагере больше всего погибло русских. Осенью 1941 г. на полигоне, где тренировались эсэсовцы, были расстреляны семь тысяч русских военнопленных. Узники лагеря испытывали голод, холод, заболевали тифом, приходили в истощение. Голод приходит в результате постоянного недоедания в течение бесконечных недель месяцев. Вши, грязь, страх, унижение, – вот что такое голод. Голод отзывался и физической болью. Но «Я должен выжить. Добро должно восторжествовать над злом. Чтобы выжить, надо бороться», – говорил себе каждый из узников и поддерживал друга.

К полякам и русским в лагере относились еще хуже, чем к европейцам. За малейшую провинность их строго наказывали и часто лишали хлеба. Им приходилось выкручиваться, и они старались обменять на хлеб какие-нибудь

вещи; зубную щетку, носки, очки... Многие из узников были сожжены в печах в последние годы войны. Такая участь могла ожидать и нас. Во время налетов американской авиации фашисты жестоко расправлялись с узниками.

Из лагеря нас выкупил к себе на ферму немецкий землевладелец, бауэр Оберорнау. В его хозяйстве работали и другие пленные польские и русские женщины. Моя мать ежедневно доила коров и выполняла другие работы в хозяйстве. На ферме было не так страшно, как в лагере. Хозяин относился значительно лучше к своим работникам.

Своим спасением я обязан матери, Нине Станиславовне, которая заботилась обо мне и берегла меня всю войну. Она не дала бросить меня в печь крематория во время налетов союзников. Она бодрствовала надо мной и день, и ночь. На ее хрупкие плечи легли все тяготы военного времени. После всех испытаний она осталась добрым, отзывчивым, терпеливым человеком.

Немецкий хозяин с женой, у которых не было своих детей, предлагали моей матери в конце войны миллион марок, чтобы она оставила меня в Германии, но она, конечно, ни за что не согласилась.

Детская память почти ничего не сохранила, но иногда мысленно мне видятся какие-то образы, мелькают силуэты чьих-то людей. Хорошо помню дом, где мы жили, деревянную лестницу на чердак, где нам с матерью была выделена неотапливаемая комнатуха и где по ночам мы спали, тесно прижавшись, друг к другу. Под нами находился хлев. Там содержался скот и был огромный, просто чудовищных размеров племенной бык, прикованный за ноздри цепями к металлическим столбам. Как горели у него глаза...

А рано утром нас ожидала тяжелая работа на ферме. Рабская монотонность тех окоянных дней не создала и поэтому не оставила после себя ярких образов и воспоминаний.

В 1945 г. после окончания войны нас освободили войска союзников. Я мальчишка впервые увидел темнокожих людей, шумных и веселых в своей военной форме цвета хаки, их сверкающие белозубые улыбки. Крепкие объятия.

Мы стали свободными, и мы добирались на родину. Ехали долго, на грузовиках. По дороге заболели тифом и едва не потеряли друг друга, так как попали в разные госпитали уже дома в Витебске. И снова нас спасло чудо. В это время в город вернулся с войны старший брат отца Иван Карлович Олин и стал разыскивать родных. Первым делом он обратился в госпитали и так нашел сначала меня, а уже потом и мать. Я подошел к окну инфекционного блока и увидел под окном очень худого мужчину в форме, с фанерным чемоданом руках. " Я думал, что это отец вернулся с фронта и побежал

навстречу. Таким я его запомнил. А позже я говорил: « Дядя Ваня, будь моим папой».

Вскоре нас разыскали родственники, и мы воссоединились с семьей. И как пел Высоцкий: «Здесь нет ни одной персональной судьбы – все судьбы в единую слиты». И сейчас, в наше время, бывшие узники концентрационных лагерей, свидетели фашистских преступлений, продолжают говорить о звериной философии человеконенавистничества. Напоминают для того, чтобы люди были бдительны, и чтобы подобное никогда больше не повторялось в истории человечества.

Волонтер Алексей Турцевич.

Петровская Таисия Эдуардовна
0.

Перед войной мне было 18 лет. Я училась, окончила среднюю школу и медицинское училище. Во время войны я и двое моих братьев принимали участие в Сопротивлении. Старший брат Василий был связным в отряде им. Сталина Минского партизанского соединения. Собирали оружие, информацию, переправляли молодежь в партизанские отряды. Работать было трудно и опасно.

2 октября 1942г. нас (меня и двух братьев – Василия и Леонида) арестовали в Червене. После ужасных пыток старшего брата 7 октября 1942 г. расстреляли, а меня с младшим братом Леонидом перевезли в минскую тюрьму.

Условия содержания в минской тюрьме были ужасные, в камерах находилось по 50–100 человек. Водили на допросы, избивали, издевались, требовали выдать партизан и подпольные организации. После допросов помещали в карцер, где невозможно было сидеть, только стоять, не хватало воздуха.

Я находилась в минской тюрьме с 04.12.1942 по 30.11.1943 г. Затем меня вывезли в концлагерь Освенцим. Там человека делали ничтожеством, судьба его была всецело в руках палачей. Заключение в лагере встречали следующими словами: «Вы прибыли не в санаторий, а в немецкий концентрационный лагерь, откуда можно выйти только через трубу. Если это кому-либо не нравится, то он может сразу отправляться на электрическую проволоку».

В концлагере Освенцим я была под номером 69 864. Только его я должна была помнить на проверке (аппеле) и забыть свою фамилию и имя. Заключение были обречены на смерть. Нас использовали на самых тяжелых

работах: трудились на осушке болота в любое время года, носили камни и землю для центральной улицы Биркенау. Команду заключенных (200–300 чел.) водили на работу за 10–15 километров. Мы шли под охраной вооруженных немцев и собак-овчарок. На работу и с работы нас провожали с музыкой. Слабые и больные заключенные не могли идти, их подгоняли выкриками и ударами и если это не помогало – пристреливали.

В лагере я переболела брюшным и сыпным тифом, мокрым плевритом, потеряла здоровье, осталась инвалидом. Очень болели ноги, опухоль доходила до живота, только Бог помогал держаться на ногах.

Каждое утро умерших грузили на машины, увозили и сжигали. Пять крематориев работали ежедневно. В них сжигали больных и слабых, проводя таким образом так называемую «селекцию». Концлагерь был настолько перегружен, что, бывало, целыми эшелонами отправляли в крематорий. Полностью был сожжен лагерь с заключенными-цыганами. Из человеческого жира после крематория изготавливали средство от чесотки. Также использовали газовые камеры, где применяли газ «Циклон Б».

Нечеловеческие условия, эпидемии, насилие, зверства, убийства, смерть в газовых камерах – ничто не могло истребить в нас чувства человеческого достоинства, не смогли превратить нас в безликий номер. Нас, истощенных, полутолых, голодных...

С приближением фронта к Освенциму фашисты начали перевозить заключенных вглубь Германии на принудительные работы. Так, 4 декабря 1944 г. я попала в Германию, где находилась до апреля 1945 г. Нас там было 150 русских, 100 цыган и 200 поляков. Мы работали в Волькербург фарбен индустри (филиал концлагеря Флоссенбюрг). Работали на фабрике по 12 часов на тяжелых работах (на фрезеровочных машинах) без перерыва. Терявших сознание приводили в чувство и возвращали к работе. Ночью – воздушные тревоги, потом переключка по номерам и опять на работу.

В конце мая 1945 г. вернулась в город Минск после проведенного заключения (2 года и 8 месяцев). Очень радовалась. По возвращении было много проблем с пропиской и работой. Была уволена с работы, поскольку я была за границей. Назвали врагом народа. Не смогла восстановить и документы об образовании. Но все это уже позади.

Волонтер Елена Расолько.

Сидорова (Гуз) Мария Харитоновна

27.01,1926, п. Остравы Руденского р-на Минской обл.

Во время войны была облава на молодежь. Нас поймали человек 300. Из Руденска вели под конвоем с собаками, погрузили в товарные вагоны и отправили в Минск. В Минске нас привели на улицу Мебельная, 3. Там до войны было какое-то училище. Прошли комиссию и кто годный, отправили в Германию. Привели нас под конвоем с собаками на станцию, погрузили в товарные вагоны, девчат и парней отдельно. Закрыли на завесы и отправили. Ехали около двух суток. Нас не выпускали на улицу. Приходилось нужду справлять в вагоне. А когда на какой-то станции открыли вагон, нас облаяли «русиш швайн!».

Привезли в Польшу, в какой-то город, если не ошибаюсь, Граев. Там нас всех выгрузили и привезли в лагерь за колючей проволокой. Накормили какой-то похлебкой. Прошли комиссию, погнали в баню, постригли всех наголо, сфотографировали, сделали отпечатки пальцев и отправили в Германию.

Привезли нас всех в город Штутгарт, в концлагерь. Опять колючая проволока, охрана, собаки. Так продолжалось три месяца. Кто мог подумать, что мы останемся живы?

Сколько бы мы еще были в концлагере – не знаю, если бы не бомбежка. Бомбили Штутгарт, страшно, что творилось, крик, паника, руки ноги отнимались. Это было ночью, света нет, на нарах по 3–4 человека. Нары двойные, паника в лагере, на улицу никого не выпускали, пока не кончилась тревога. Под утро нас всех построили голодных, холодных, оборванных и отправили в г. Стральзунд. Привели в какой-то большой двор огороженный, и там мы сидели на земле голодные, замученные. Опять нас построили в шеренгу и начали нас отбирать. Отбирали, кто посильнее: кто парней брал, а кто девчат. В общем, выбирали, как скот. Осталось нас восемь самых маленьких, пять – из Белоруссии и трое – русских. Подошел к нам какой-то дядя, сам маленький, в шляпе, с палочкой, в очках, посмотрел на нас и забрал.

Документы оформили на месте, всех переписал по фамилиям, и повел нас в столовую. Покормил каким-то супом, хлеба – по кусочку, чтобы мы не умерли с голоду. Ехали мы поездом. Приехали на вокзал. Там нас встречали на лошадях и повезли к богатому помещику, у которого было много земли. А там уже работали поляки, югославы, русские. Нас встретила пани, красивая женщина лет 45-ти, одетая во все черное. Пригласила нас в кухню, где был накрыт стол. Накормила гороховым супом, густым, вкусным. А потом выдали нам по булке хлеба и по пачке маргарина на одну неделю. Затем отвели нас в казарму, где мы стали жить. В комнате восемь коек, соломенные матрасы,

соломенные подушки и два байковых одеяла. А на завтра мы все заболели. На голодный желудок супа горохового наелись.

Над нами старшим был немец лет 55-ти. Звали его пан Шульц, а жена его была пани Шульцова. Была у них дочь Марта. Работали мы на полевых работах: сено убирали, пшеницу, рожь, свеклу сахарную. Очень много было свеклы сахарной. Пололи, убирали и отправляли на сахарный завод Стральзунд.

Кормили нас очень плохо, на общей кухне было человек 30: поляки, русские, белорусы. Югославы жили и питались отдельно, им помогал Красный Крест. А нам никто не помогал. Одежду нам выдали – робу, куртки, брюки, ночные сорочки, башмаки деревянные, в которых очень не удобно было ходить, особенно копать картошку, в них попадал песок, и тяжело было ходить. В общем, труд был очень тяжелый, работали от зари до зари, и в дождь и в холод.

Никогда в жизни не думала, что я вернусь домой. Мы знали, что войне скоро будет конец, потому что вся немецкая молодежь в 1944 г. была отправлена в окопы на передовую и много было уже беженцев, которые бежали от фронта. Вместо дочки помещика меня отправили в окопы в октябре месяце в г. Фридберг, где меня и освободили в конце января 1945 г.

Домой я добиралась самостоятельно, как и многие другие. 20 февраля 1945 г. я была уже в Союзе. Документов у меня никаких не сохранилось. Если они и сохранились, то остались у помещика в Гросс Мильцове. У помещика было две дочери и два сына. В то время один из них погиб на Украине. Одну дочку звали Лели, а другую – Герда, и было у него две прислуги. Одну звали Хени, а другую – Эми.

Вот простая история деревенской девушки, нигде никогда не бывавшей и одна на чужбине в 16 лет.

Волонтер Полина Ращенья.

Владимир Смиловский

Подростки злой Судьбы

Мы из страны Советской
Подростки злой судьбы,
Здесь на земле немецкой
Восточные рабы.

Идем мы без оглядки
В колонне по три в ряд,
Шагаем по брусчатке,

Колодки лишь стучат.
Синяя спецовка,
Потертая до дыр.
Ведет нас под винтовкой
Немецкий конвоир
А как же нас пометить?
Вопрос для немцев прост –
Нам на грудь повесить
На синей тряпке OST
Зверь фашист проклятый
Кровь нашу долго пил.
Но час пришел расплаты,
Народ наш победил.
Нас так осталось мало,
Но дальше надо жить,
Нас так осталось мало
Мы все должны дружить!

Страузова (Горгинская) Мария Николаевна

23.08.1927, место рождения не известно

В 1937 г. я и мои родители были репрессированы. Вначале отец был арестован, а месяца через два ночью приехала крытая машина и арестовали маму, а вместе с ней и нас, детей.

Вначале нас очень часто перемещали с места на место и почему-то все время селили в подвалы, где было очень сыро и холодно. Я вместе с мамой находилась в нескольких тюрьмах и подвалах в Хмельницкой обл. в 1938 г. Потом нас от родителей забрали. Вначале мы находились в детоприемнике на территории тюрьмы. А в 1938 г. нас направили в Весновский детдом Глуцкого района. Больше никто из нас не видел своих родителей.

В детдоме ходила в 4-й класс. С 5-го по 7-й классы ходили в д. Доколь за 4 км в один конец. По окончании 7 классов меня необходимо было трудоустроить где-то. Но мне было всего тринадцать лет. Поэтому администрация детдома через ЗАГС сделали документы на два года восемь месяцев старше, поэтому я оказалась 1925 г.р. Устроили меня на работу недалеко от Хойников. Это был завод лесопильных материалов. Завод назывался «Возрождение».

В 1941 г., когда началась война, я была еще на заводе. На следующий день я ушла пешком в Глуск. Приходилось и на попутном транспорте ехать. Приехав в детдом (дети уже были готовы к эвакуации), присоединилась к ним еще и потому, что моя сестра была там. Мы двигались вначале по 5–10 километров, потом доходило и до 35–40. Все кто постарше – шли пешком, а кто помладше – подъезжали немного на телегах, на которых везли вещи, одеяла, посуду. По пути копали на поле картофель, варили и ели, собирали капусту и все, что было съедобное.

Спустя два месяца мы почти дошли до Курска (мы должны были поездом доехать до Кызыл-Орды) и вдруг нас догнали немцы. По центральной дороге двигалось очень много эвакуированного скота, на машинах – целые заводы. Налетели самолеты, начали бомбить колонну. Со всех сторон падают бомбы, стрельба вокруг. Это был ад крошечный. И в это время взрывной волной нас бросило в воронку. Младшая сестра держалась за меня, и мы угодили в воронку, в которой находилась лошадь с телегой, но лошадь была полумертвая. Нам пришлось стоять на этой лошади, пока сверху все не стихло. К нам еще упали две женщины. И после того как все стихло, мы начали подниматься вверх. Вначале выбралась женщина, подала нам оглоблю от лошади и мы все вылезли вверх. Своих мы никого не нашли, ни живых, ни мертвых. Пришлось двигаться в сторону Курска.

На подходе к Курску нас всех задержали, вызвали машины, и отвезли в Курск. Там мы сумели убежать вместе с теми женщинами, которые были вместе с нами в воронке. Переночевали в стоге сена. На утро мы решили уходить из Курска на Украину. На Украине у нас жила тетя (сестра мамы). И вновь мы прошли от Курска до Хмельницка пешком. Нашли сестру мамы. Еще мозоли на ногах не зажили, как пришли два немецких офицера и два полица. Меня арестовали и отправили на ж/д станцию Антоники. Там уже был почти сформирован поезд в Германию.

Нас погрузили в вагоны, в которых возят скот, и отправили в Германию. Привезли нас, не знаю куда, выгнали всех из вагонов, и начался отбор. Когда эта сортировка окончилась, девочек погрузили опять в вагоны, и повезли дальше. Потом эшелон остановился, и ночью приехало много крытых машин, погрузили нас на них и отправили дальше.

Оказались мы в концлагере Равенсбрюк, где нам сделали санобработку, написали номера на руке. Через несколько дней приехали грузовые машины, крытые брезентовыми тентами. Нас построили на аппель по четыре человека и вывели на площадь. Офицеры СС провели отбор и нас погрузили в

машины. Ехали очень долго, уже не помню сколько, но помню, что очень хотелось кушать.

Привезли нас на место поздно ночью, в лагерь «Лаутерберг». Разместили по блокам, в каждый блок (14–15 м²) по 20 человек, на 3-х этажных нарах. Мы поняли, что здесь не просто лагерь, а что-то еще. Нам присвоили номера, которые находились на спине и на груди. Мой номер был № 701.

На следующий день нас накормили брюквенной бурдой и отправили на работу. Это был завод в горах. Горы назывались Хордовы. Там никто не жил, а был только большущий завод и такой же лагерь. Завод оказался военным, на нем делали вооружение. Я, лично, делала пули для патронов. Русские девушки делали пули и гильзы, поляки делали снаряды, французы и бельгийцы фаустпатроны.

Сначала нас кормили два раза в день, утром и вечером, и работали мы по 12 часов в день. Потом стали кормить один раз в день и работали мы по 14–16 часов в сутки. Ели мы только баланду из брюквы, в которой часто плавали черви. Я, по своей наивности, думала, что это рис. А мне девочки говорят: «Машенька, ты почему не выбрасываешь червей?». И показали мне миску с червями. Хлеб выдавали одну буханку (как наш формовой) на 10 человек. При распределении хлеба среди нас существовала очередь на горбушки.

От истощения многие падали за станком. И, не дай бог, увидит эсэсовец-надзиратель и запишет номер. Наутро на аппеле вызывают по названному номеру и отправляют в Остерод. Концлагерь Лаутерберг являлся филиалом Острода. А концлагерь Остерод являлся филиалом Бухенвальда.

На заводе был очень строгий режим. Нам не разрешали общаться между собой на работе. Все время ходили надзиратели СС и следили за нами. Мы все работали на станках. За малейшую провинность наказывали, били нагайками. На конце нагайки были металлические наконечники. Кроме офицеров СС к нам часто приезжал комендант из Остерода.

После двух лет работы, очень многие умирали в бараках от голода, холода и непосильной работы. Каждый день из Остерода приезжали крытые металлом машины. Вначале загружали мертвых, а потом живых, отобранных для уничтожения. И так два раза в неделю.

Всю ночь перед освобождением стреляли из орудий и пулеметов, летали самолеты. Мы не спали, слезли со своих нар и сидели на полу. В 5 часов утра нас эсэсовцы выгнали на аппель и мы поняли, что с нами хотят что-то сделать. Над скалой стоял большой барак и нам было видно, что из него не выгнали никого. А оказалось, что мы ждали своей очереди. Нас тоже должны были

загнать в этот барак и уничтожить. Но, к счастью, прилетели грузовые самолеты, покружились вокруг лагеря и выпустили парашютистов. Это оказались английские войска. Увидев негров, мы от страха прятались в бараках, и не заметили, куда делись эсэсовцы.

Потом нам предложили построиться и английские офицеры с переводчиком объяснили, что мы освобождены, и кто хочет, может остаться в Германии, а кто хочет, может ехать домой. Только нас надо откормить и переодеть. К концу дня прибыло много солдатских кухонь. Барак было более 30, и в каждом по 60–80 человек.

Две недели нас откармливали. Потом привезли много одежды. Я помню, что была очень худенькой и маленькой. На меня не могли подобрать платье и обувь. Дали мне медицинский халат и мальчишковые туфли, которые держались на ногах из-за шнурков, привязанных к ногам.

Через две недели нас отправили к своим, через Эльбу. И там уже нам делали фильтрацию. Как сейчас помню, офицер чекист спрашивает, где и кем мы работали. Мы рассказывали, что работали на военном заводе, делали пули, снаряды, фаустпатроны. Он и говорит: «Девочки, если я напишу в ваших карточках, где вы работали и что делали, то вы до дома не доедете. Вас из поезда в тюрьму отправят».

Вот так я оказалась из безымянного лагеря. После всех откормочных пунктов, я приехала к тете на Украину. В свои 17 лет я весила 25 кг.

Волонтер Вероника Лозовская.

Трезкова (Пдольская) Галина Васильевна

д. Чахец Пружанского р-на Брестской обл.

Я родилась в семье военнослужащего. Проживала с родителями в д. Тодороск Волковысского района в воинской части. Здесь и застала нас война. Отец ушел на фронт и мы с мамой остались одни на захваченной фашистами территории.

В деревне Пески был создан концлагерь. Немцы согнали в него евреев, которых вскоре всех расстреляли. 7 сентября 1942 г. фашисты согнали в этот лагерь всех жен военнослужащих с детьми. 16 марта 1944 г. матерей угнали в Германию в г. Равенсбрюк и дети остались одни. Фашисты превратили их в доноров, брали кровь для своих раненых, проводили страшнейшие эксперименты.

Рядом с концлагерем за колючей проволокой была огромная воронка от взорвавшейся бомбы. Сюда фашисты выбрасывали умирающих детей, которых уже нельзя было использовать для забора крови. Жители говорили,

что в яме дети шевелились как черви. Когда яма была заполнена, ее прикопали землей, а сверху поставили подбитый танк. В одном кинофильме я видела эпизод, когда немка с собакой в сопровождении начальства раздавала в концлагере детям конфеты и спрашивала, как им живется. А они протягивали ручки с закатанными рукавами и говорили, что живут хорошо и еще могут сдавать кровь. Это эпизод из нашего лагеря. Это наше детство.

В мае 1945 г. лагерь был освобожден Советскими войсками. Выжившие дети были отправлены в детские дома.

Я попала в г. Клецк. Разрушенная школа, крыша из досок, покрытая брезентом. Спали на полу на соломе. Утром все выходили на поля добывать пищу. Из гнилой мороженой картошки нам пекли блины, а из лебеды варили борщ. Одежда на нас была плохая, рваная, ходили в основном босиком.

Отец мой погиб на фронте. Мама вернулась из концлагеря и забрала меня.

Волонтер Роман Куница.

Трусов Леонид Романович

25.06.1926, д. Барань Холопеничского р-на Минской обл,

В период оккупации проживал в д. Зачистье Борисовского района. В феврале 1944 г. был отправлен в числе других жителей в лагерь г. Борисова, оттуда через семь дней бежал. 8 марта 1944 г. вторично задержан полицией и насильно вывезен в Германию, где использовался чернорабочим у бауэра Вайденфельд Карла Сфинкрартен, проживавшего в г. Кемпен. Он издевался надо мной. Я не мог доить коров, поэтому он посадил меня в колодец в ледяную воду для очистки песка, где я сильно простудился. Я не выдержал и убежал, но был задержан немецкими полицейскими и посажен в тюрьму г. Клеве в одиночную камеру. Оттуда был направлен в качестве чернорабочего на строительство оборонительных сооружений. В феврале 1945 г. за невыход на работу (был больной) был отправлен в штрафной батальон в г. Металит. Говорили на уничтожение, но был освобожден американскими войсками.

В июне был передан советскому командованию в фильтрационный лагерь № 232 Франкфурта-на-Одере. На родину возвратился 28 сентября 1945 г.

Волонтер Екатерина Зотова.

Шандалова (Овсянникова) Светлана Максимовна

10.1936, г. Жлобин Гомельской обл.

В нашей семье было 6 человек: трое мужчин (отец и два брата), которых война унесла, и три женщины (мать и две сестры). Отец и старший брат погибли, защищая Родину, младший брат сожжен в Майданеке. Мне одной из всей семьи посчастливилось уцелеть, пройдя все круги фашистского ада.

Первый день войны я хорошо запомнила. Вбегая во двор нашего дома, товарищ моего брата закричал: «Генка, включай динамик, Молотов говорить будет – война началась!...». В этот день у матери родился младший сын Александр, а отец прямо из военкомата отправили на фронт.

Вскоре по улицам города начали маршировать колонны немецких солдат с песнями и музыкой. Мою старшую сестру Лелю обязали работать в немецкой комендатуре уборщицей. Она с подругами воровала у немцев медикаменты, опустив пистолеты в ведро с водой для мытья полов, выплескивали их через забор, затем подбирали для партизан, предупреждали молодежь, попавшую в списки для отправки в Германию, чтобы скрылись. Когда сестра стала у немцев на подозрении, она, выкрыв документы, скрылась у партизан. Брата Гену заставляли работать кочегаром на электростанции.

Моя мать была связана с партизанами. С ребенком на руках она легко проходила в зону партизан, носила лекарства, соду, мыло, краску, спички, соль и пр. Брат Гена настаивал, чтобы мать отвела его в партизаны, говорил, что ему уже 17 лет, и что ему стыдно отсиживаться. Весной 1943 г. мать, по согласованию с партизанским руководством, отвела его в отряд в Рогачевский район за 40 км от дома. После этого ее стали вызывать в гестапо на допросы: «Где сын?» Приказали не выходить за черту города.

Однажды ночью летом 1943 г. меня и мать с двухлетним братом Аликом немцы и полицаи выгнали из дому, не дав одеться, с криками «шнель-шнель!» и погнали в тюрьму. В ту ночь в Жлобине арестовали еще 63 семьи и вскоре отправили вместе с нами за колючую проволоку в лагерь в Орше, а оттуда через пару недель в лагерь смерти Майданек. (Из этих 64 семей живыми нас вернулось в Жлобин только 7 человек).

Во время оккупации немцы забрали у нас корову и все, что могли. Мать пекла коржики из моркови с добавлением сушеного вишневого листа, но в тюрьме и в лагере в Орше начался для нас настоящий голод и скотское обращение. Однажды нас погрузили, как скот, в товарные вагоны. Целый эшелон. Вагоны были набиты битком, так что сесть всем на полу было тесно.

Куда нас везли, зачем – мы не знали. Эшелон подолгу простаивал в пути, люди кричали: «Воды! Вассер, вассер! Откройте!» Детей подсаживали к зарешеченным окошкам, мы протягивали прохаживавшимся часовым

кружки, заведя колонку с водой просили воды. Мучила духота, вонь, жажда, люди стучали кулаками в дверь и стены и кричали. Часовой, приоткрыв дверь, выстрелил поверх голов из автомата: «Щурюк», и закрыл дверь.

Привезли нас в Польшу. В городе Люблине выгрузили на товарной станции и повели колонной под конвоем солдат, щелкавших фотоаппаратами, то впереди колонны, то сбоку, призывая нас улыбаться.

Привели к большому лагерю за колючей проволокой, остановили у ворот, пересчитали. Мать прочитала надпись над воротами «Лагерь смерти» и заплакала. Это был Майданек. Он, по-моему, был поделен на несколько полей, нас поместили на первое поле у дороги. На «нашем» поле слева от длинной площади тянулся ряд бараков, расположенных торцом к площади, очень длинных и узких, одинаковых одноэтажных, обшитых, по-моему, зеленоватыми досками. Нас поместили в 5-й барак. Прямо от входа был просторный коридор, слева – комната блоковой, за дверным проемом слева от коридора начиналась «спальня» – два длинных ряда трехъярусных нар с проходом между рядами.

Обращались с заключенными как с быдлом, фамилий не стало, каждому на шею повесили на пеньковой бечевке жестяной круглый жетон с выбитым номером (у матери был № 16 111, мы же с братом Аликом были при матери, у нас номеров не было); Всем выдали полосатые брючные костюмы. Мы постоянно испытывали голод, холод и страх. Страх, что нас тоже отправят в печь, что на «аппеле» сегодня снова посчитают всех нас неправильно, и начнут пересчитывать все колонны второй и третий раз, а мы неподвижно должны стоять, дрожа от холода и ветра. Страх, что на нас с братом снова не выдадут пайку, и мать от себя, и так постоянно голодной, должна будет отделить по глотку «кавы» – безвкусной коричневой взвеси, и по ложке баланды, которой ей и так на дне миски выдавали.

Был очень строгий режим, наблюдали за ним немки в форме, осыпавшие ударом палок или плеток за все: не так стоишь, не там стоишь, не туда пошел, не так взглянул. Женщин угоняли на работы за ворота, нас оставляли в бараке под присмотром одной из матерей. Мы должны были тихо и неподвижно сидеть на полу, не подавая голоса, не просить есть и пить.

Сколько я пробыла в Майданеке не знаю, от пребывания в нем мне запомнилось только три радостных момента: 1) когда матери удалось обменять ложку с полублоданным черенком на ложку соли (она прятала ее под матрацем) и иногда сыпала нам на язык, как лакомство; 2) когда матери удалось с поля пронести (на воротах всегда обыскивали) под резинкой брюк кусок капустного листа; 3) когда «блоковая», высокая худая полька, получив из

дома посылку, завела меня в блоковую и угостила куском настоящего хлеба с маргарином.

Самое страшное воспоминание у меня от Майданека – банная, вернее предбанная процедура. Весь наш барак гнали в баню; говорили, что часто вошедших в нее выгружали из другой двери в виде трупов. Нас раздевали в чистом поле донага, сбрасывали одежду в кучу, а нас часами держали в очереди мыться голыми на пронизывающем ветру. Помню – на куче был уже иней.

Помню, что в бараках, следующих за нашими, были польские евреи. Мать говорила, что их вначале постригли, вырвали золотые зубы, серьги и отправили в печь.

Однажды женщин, имеющих детей, не выгнали на работу. Немки велели всех детей разделить: налево – до 7 лет, направо – с 7 лет и старше. Моя мать говорила по-польски. Спросив у блоковой – зачем это, услышала, что с 7 лет детей отберут и будут обучать в специальном детском лагере. Младших детей увезли сразу. Назавтра блоковая подсказала маме: «Иди по второму бараку, простись с сыном». Мы с нею подошли тайком как раз в тот момент, когда на тачку заключенные мужчины в полосатом (с другого поля) поверх других синих худых трупов клали посиневший худенький трупик нашего Алика. Ему тогда было 2,5 года.

Оставшихся детей через какое-то время собрали в коридоре и со слов матерей записали наши данные и особые приметы. Матерей держали в «спальной» части, где нары, перегородив дверной проем столом, придерживая его и награждая ударами заключенных, чтобы не напирали. Моя мать подлезла под стол, прорвалась ко мне и, под ударами немки палкой, говорила мне: «Запомни: ты – Овсянникова Светлана Максимовна, тебе 7 лет, адрес: г. Жлобин Гомельской области, улица Парижской Коммуны, 7». За это время «крестная матка» (так звали самую злую немку, от ударов которой не ушла ни одна заключенная) сломала на голове и плечах матери палку, «ахнула» табуретку о стол, выломала из нее ножку и продолжала ею бить маму. Но я уже все правильно повторила. Благодаря этому я не потерялась. Впоследствии, в детдоме, постигнув грамоту в 9 лет в первом классе, я, на всякий случай, писала письма по этому адресу, не зная, что дома арестованных и их имущество уничтожены.

Нас, детей, перевели на 7-е поле, где были, по-видимому, русские мужчины военнопленные, которые вели себя очень беспокойно. Их за что-то очень били, пускали на каждого из них сильную струю воды из шланга. На цементном полу уже стояла вода по щиколотку, в бараке из-за испарения уже

ничего не было видно. Бунт «полосатых чертей», как всех в Майданеке называли, успокоили только глубокой ночью. Такой мне запомнилась последняя ночь в Майданеке.

Наутро нас посадили в открытые грузовые машины, и несколько грузовиков навсегда увезли нас за пределы этого ада. Когда нас провозили мимо «нашего поля», матери увидели нас, стали кричать, голосить, кидаться на проволоку. Мы вскакивали и кричали «Мама!» Нас успокоили, объяснили, что нас ждет хорошая жизнь, что нас будут хорошо кормить, одевать, учить.

Словом, когда нас везли в трамваях (кажется желто-голубого цвета) через большой красивый город, улицы которого состояли, казалось, из сплошных красочных витрин, я сама, прикинув к окну, восклицала, глядя на эти витрины: «Это все для нас! Это все для нас!» Но привезли нас снова за колючую проволоку, в лагерь на окраине города. Какого – не знаю (мерещились слова – Варшава, Константиново). Этот лагерь представлял собой трехэтажную казарму из красного кирпича, позади был просторный двор, огороженный с двух сторон колючей проволокой, высоко, в два ряда, кажется. Справа от ворот были одноэтажные подсобные помещения. По другую сторону улицы были серые дома. Нас разбили на группы по возрасту, я была на втором этаже в младшей группе. Более старших гоняли куда-то на работу за ворота, в контакте мы с ними не были, нам запрещалось выходить на лестницу со своего этажа, подходить к окнам и к зоне ворот во дворе, запрещалось самим петь и играть. Мы это делали, когда надзирательница отлучалась (она была русская, кажется Татьяна Александровна, ненавидела нас). Нас обули в одинаковые башмаки из парусины на деревянных колодках, одели в одинаковые костюмы из серой ткани (ткань будто с деревянными занозами). Костюм состоял из сарафана и жакета с кушаком. Вначале нам стелили на полу на соломе, затем завезли двухэтажные нары. Мы проводили дни в проходе между нарами. Позже с нами начали проводить занятия: учили простым немецким фразам, считать до 20, показали две буквы – «а» и «б». Пришел на занятия комендант лагеря, немец Отто, лет 50-ти, светлый, лысый, стер с доски русское «б», написал немецкие «в» и «с». На этом наше обучение грамоте закончилось. Надзирательница разучила с нами несколько немецких песенок и две русских – «Раз в крещенский вечерок девушки гадали» (Жуковского) и «В селе за рекою потух огонек». Она же учила нас немецкой речи, делать реверанс при приближении взрослых, и строго наказывала за непослушание, неаккуратность, нечестность.

Кормили нас брюквой во всех видах. Каждый наш день начинался со слов «швайне, райне киндер, ахтунг!» – и мы должны были, выстроившись,

мигом, замереть, стоя шеренгами друг против друга по обе стороны прохода между нарами. Так лагерное начальство делало проверку, давало указание надзирательнице, выслушивало доклады о проступках, определяло меру наказания. Девочек ставили на колени, били розгами, мальчиков прогоняли по команде «ложись-вставай» или «ложись – вставай – бегом!», а нас во дворе выстраивали смотреть в назидание. У девочки Гали Гашкевич из Жлобина была привычка сосать большой палец правой руки. Ее подводили к параше в конце казармы, макали в ее содержимое палец и заставляли сосать его. Мальчик стащил помидор с комендантской грядки в конце нашего двора. Его заставили взять в руку кирпич, взобраться с ним по узкой пожарной лестнице на покату ю жестяную крышу нашей трехэтажной казармы, стоять на коленях лицом к нам на краю крыши и долго держать в вытянутой руке кирпич.

Намного позже нас стали прибывать в лагерь дети из других лагерей. Помню были из Освенцима, показывали выколотые на руке синие номера и с нерусской речью. Много было польских детей. Одна польская девочка Ядя, кажется, ей было лет 10–11, красивая, со светлыми кудрями и голубыми глазами, была еще «свежая» непокорная и дерзкая. Она попросила иголку у надзирательницы и, зашивая башмак, сломала ее нечаянно. Ее стали ругать, а она посмела пререкаться. Ей – затрещину, а она отчаянно отгрызалась. Это нас, «стареньких», уже послушных и покорных, поразило.

Помню, летом во дворе дети позвали меня заглянуть в окно морга. Там сверху лежал мальчик с 6-ю пальцами на руке. Он был, возможно, серб, смуглый, с темными кудрями.

Помню имена детей по Майданеку – Леля Вержбалович из Бобруйска, Галя Гашкевич и Ядя Рудаковская из Жлобина – они попали со мной потом и в этот детский лагерь. По детскому лагерю помню Лиду Прищепкину.

Мы ничего не знали о наших родных. Нам вдолбили в голову, что у нас уже никого нет в живых, что здесь наша родина. Я думала, что другой жизни уже и быть не может. Мы ничего не знали о войне. Когда началась канонада и совсем близко от нас начали рваться снаряды, лагерный персонал исчез. Развевались на ветру черные бумажные шторы на наших окнах, т.к. все стекла высыпались. Некому было нас муштровать, кормить, останавливать. Я с группой девочек в первый раз несмело вышла за ворота лагеря, мы побрели по улице влево. По ней ходили военные, но уже не в зеленой форме.

Услышав русскую речь, мы обрадовались. Я дернула одного военного за рукав и говорю: «Дядя, мы тоже русские». Нас стали расспрашивать, отвели в частный просторный польский дом, оставили нам хлеба, тушенки, галет,

крупы, сахару. И вскоре нас, русских детей, повезли в Россию, в вагонах уже для людей, и распределили по детдомам.

Я попала в Курский детприемник, затем в Уразовский детдом, где была найдена моей матерью, которой обо мне сообщила Ядвига Рудаковская.

Мать моя очень тяжело болела и не получала никакой пенсии. Только в 1962 г. мы добились ей 14 рублей пенсии, а в 1976, за три года до смерти, – 66 рублей. Я и мать были на иждивении моей сестры Лели, вернувшейся из партизан без обеих ног.

В 1985 г. я послала в музей Майданека свою фотографию, где мы вместе со взрослой узницей Майданека Скуратович Зинаидой Григорьевной. Мы познакомились у памятника Победы в г. Минске 9 мая 1985 г. и, оказывается, она была свидетельницей момента когда нас в Майданеке отбирали у матерей для отправки в детский концлагерь. Но из музея Майданек мне ничего не ответили.

Волонтер Екатерина Телятникова.

Шендик Нина Григорьевна

15.04.1928, г. Червень Минской обл.

В документах записано, что я родилась 15 апреля 1928 г. Однако, на самом деле, об этом никто не знает, так как воспитывалась я в детском доме, который находился в деревне Червень, где и встретила войну.

Немцы захватили детский дом. Первыми в Германию вывезли старших детей, а потом очередь дошла и до младших. Вначале я попала в сортировочный пункт. Это было в 1944 г. А затем всех посадили на поезд и увезли в местечко Орденобург-Сопгофе. Там я впервые увидела горы. Всех вновь прибывших разместили в лагере, распределили по баракам. Внутри находились 4-ярусные нары, на которых мы спали. Все прошли медицинский осмотр, получили одежду. Ребята стали работать на стройке, а я убирала квартиры, где жила гитлеровская молодежь. Было трудно. Я мою пол, а немцы, такого же возраста как и я, ведро с водой опрокидывают, ногами пихаются, плюют, обзываются.

В 1945 г. нас освободили русские и вывезли в Польшу, где я работала на сельскохозяйственных работах. Затем отправили в Минск. Привезли на вокзал и бросили. Беспризорничала. Продала все, что имела с собой. Затем поступила в фабрично-заводское училище, где выучилась на обувщика. Дали общежитие. Сами достраивали обувную фабрику, а потом на ней работали.

волонтер Мария Григорьева

РАЗДЕЛ 3. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ НА ФАБРИКАХ И ЗАВОДАХ

Агарок (Матвеева) Татьяна Васильевна

28.05.1934, д. Глуховино Чашницкого р-на Витебской обл..

Во время войны была вывезена в Германию. Там я работала в городе Мюнхене на фабрике. День и ночь думала о своих родных и о своей Родине. Очень хотелось поскорее вернуться домой. Кормили плохо, все время хотелось есть, мучил голод. Пребывание в Германии отрицательно сказалось на моем здоровье.

Регина Клещинская

Как тяжело здесь жить в неволе

Как тяжело здесь жить в неволе,
И сердцу не дает покоя.
Кругом, кругом пустое поле
О, Боже, хочется домой.

Хотя бы русский снег здесь выпал,
Сугробы были бы кругом,
Со всех деревьев иней сыпал,
Простор блистал бы серебром.

Пускай бы лагерную сетку
Он густо инеем занес.
Так знали мы, что эту клетку
Украсил русский наш мороз.

И сердцу сразу б стало легче,
Хотя б и было холодней.
Над ухом, кажется, все шепчет:
«Помни о Родине своей»

Волонтер Мария Григорьева.

Адамейт Валентин Карлович

1927, г. Минск

Я коренной минчанин. Когда началась война, мне было 14 лет. Я хорошо помню первые дни и месяцы войны – все происходило на моих глазах. Мне довелось познать все «прелести» жизни в оккупации. Но самое страшное было впереди. В 1943 г. немцы вывезли меня и сотни других минчан на принудительные работы в Германию. Так, не по своей воле, я оказался в небольшом городке на юге страны. Кто такое пережил – поймет меня. Как непросто было находиться вдали от Родины, где тебя использовали как бесплатную рабочую силу. Но и там в нас жила надежда на освобождение.

И наступило оно 28 мая 1945 г., когда в город вошли французские войска. К этому времени мы уже знали, что война победоносно завершена. Но для нас испытания еще не закончились. Все мы, конечно, стремились быстрее вернуться домой, увидеть родителей, родной город. Но ЗДЕСЬ нас никто не ждал. По сути, мы оказались людьми второго сорта, поскольку были ТАМ.

Волонтер Артем Мартьянов.

Азаренко (Манецкая) Тамара Алексеевна

20.07.1936.

Летом 1943 г. я была вывезена в Германию вместе со своей матерью и бабушкой. Жили мы там за колючей проволокой в бараках. Из щелей дуло. Спали на нарах. Всего одно окно с той стороны, где дверь. Там было очень много крыс.

Утром подъем в четыре часа. Аппель (перекличка). Мать и бабушка работали на заводе, делали что-то к самолетам. Они были на работе весь день, а дети под надзором убирали территорию лагеря и помещения. Кормили очень плохо: утром мизерная пайка хлеба с древесными опилками, вечером баланда из гнилой мерзлой брюквы, капустных кочерыжек.

Волонтер Артем Мартьянов.

Витковский Виктор Афанасьевич

22.08.1937, д. Дубровенского р-на Витебской обл.

Осенью 1943 г. жителей нашей деревни под конвоем жандармов выселили в г. Оршу, а там погрузили в вагоны и отправили в Германию.

Вместе с семьей я оказался в концентрационном лагере в районе города Дрездена. Взрослые ежедневно с утра до позднего вечера работали на фабрике, выполняя самые тяжелые работы. Малолетние дети, голодные и холодные, находились в лагере. Кормили пюре из бураков и турнепса, иногда давали подслащенный эрзац-кофе. Старшие дети поочередно чистили котлы и бросали нам очистки.

За малейшее нарушение условий существования были разработаны различные наказания. За особое неповиновение взрослых и их детей увозили в спецлагеря, где в основном уничтожали. От меня мать всегда требовала подчинения внутреннему распорядку, иначе – смерть.

Так и прожили в лагере до освобождения в мае 1945 г. Вернулись на Родину. Возрождение было трудным физически, психологически и морально. Из 140 домов нашей деревни не сожженными остались только три. В течение трех лет мы жили в землянке. Учеба в школе сочеталась с работой в колхозе. Потом два года на целине, три года в армии, учеба в институте и работа.

Волонтер Александра Потапова.

Волчков Роман Давидович

1927, г. Рогачев Гомельской обл. – 31.01.2010, г. Минск

Отец – директор начальной школы. Направили его в д. Поповцы в 17 километрах от Рогачева. Жили при школе. В начале войны ходил в школу в Поболово. Это в 4-х километрах от Поповцев.

Рано утром в апреле 1943 г., когда только рассвело, мачеха встала и готовила завтрак. Немцы обошли речку, окружили деревню и стали выгонять всех на площадь в центре деревни. Там охрана, не убежишь. Мне до сих пор обидно: и отец был подпольщиком, и брат мой ушел в партизаны, а меня, как я не ревел, все равно не взяли. Малый еще. А немцу, видишь ли, возраст подходящий. Ну и погнали они нас в Красный Берег. А я только отболел тифом, научился уже ходить, но шатался. Всю семью: батьку, меня, мачеху и ее дочку – отогнали на 9 км в Красный Берег. Там разделили. Одних отправили в одно место, а нас посадили в подошедший товарняк и повезли куда-то.

Приехали в Польшу на берегу реки Одер. Первое время жили в сарае, где коровы и свиньи стояли. На втором этаже были приделаны полки и мы на них спали. Командовала нами полька, муж ее был немецким офицером. Она очень гордилась этим и показывала всем нам его портрет.

Мы рыли противотанковые рвы. Я – пацан, легче других, поэтому меня гоняют по деревне сучья обрубать. В окопах ставили колышки и переплетали ветками. А ведь они загорались при попадании снаряда. Однажды я упал с дерева и три дня не мог подняться. Потом снова начал лазить.

Не помню, Зингер или Зангер докладывал, что Одер не преступен. Потом нас загнали в г. Гемман, там находился завод. К нам был приставлен немец. Черная повязка, ордена. С отцом я работал на этом заводе, делал то, что приказывали. В основном моя работа была чистить какие-то трубы и

красить. А отец в цеху работал. Мне туда ходить запрещали. Кормили плохо, полтора раза: утром что-нибудь и в конце смены. В основном брюква, хлеба нет, какая-то лепешка. Когда я шел по дороге, то просил хлеба у немцев. Подавали лепешки на песке, в середине песок. Я с радостью в рот, а потом выплевывал. А они смеются.

Работали каждый день, никуда не отпускали. Господин Видеман, это он командовал нами, взял одного полиция. Тот был старше меня, года с 20-го, и знал немецкий язык. Он командовал и наказания выносил. Я, как видите, черный, на жида похож. Он мне кричал «Юде!» А я кричу: «Наин». Их вайе русиш!» А он меня бил по голове, чтобы я говорил правду.

Под проволокой высохла лужа в ямке. Я пролезал под проволокой, садился на кучу и просил у немцев что-нибудь поесть.

Как-то нас собрали и погнали. Дело было летом. Привели в какой-то городок и погнали к лесу. Завели в лес, а там большой ров. Подвозили цемент и укладывали в ров. Что-то цементировали, видимо бункер какой-то большой. Вот тут нам очень тяжело было. Кормили совсем плохо. Кто болел, не мог лечиться – того первого убирали. Жили там же. Выше лагерь был очень хороший. Там евреи были и написано «Красный крест». Это под присмотром «Красного креста».

Перед освобождением мы слышали выстрелы пулеметные. Когда проходили с работы, то видели, что человек 500 были уничтожены. Так и лежали как в строю. Там русские были белорусы, евреи. В основном, евреи.

Как-то под утро я вышел. Смотрю – нет охраны. Ничего мы не знали. Я туда-сюда. Нет никого. Я прибежал в лагерь, сказал отцу, что нет охраны. Он сам пошел, убедился, что действительно нет. Значит, мы свободны. Но все боятся выходить. Нет и нашего полиция. Утром мы поняли, что они все сбежали, а мы свободны. Потихоньку спускаемся в городок и на каждом окне видим белую простынь. Вот так освобождение пришло. Домой пошли пешком.

Отец вернулся работать в ту же деревню директором школы. А меня взяли в армию, но вскоре комиссовали по здоровью и уволили. Помогал отцу, закончил школу. Потом переехал в Минск. Получил паспорт. Пошел на стройку. Строили часовой завод, завод им. Вавилова, учебные заведения.

Волонтер Анастасия Малявцева.

Вырвина (Дегтярева) Евгения Михеевна

2.01.1940, г. Витебск

Мать – домохозяйка, отец – рабочий на железной дороге. Но в январе 1944 г. нас угнали в Германию на принудительные работы. Попали в г. Заальфальд-Зале (Тюрингия) на фабрику стиральных машин, которая была переоборудована в военный завод. Кого можно было – гоняли на завод на работу. Точили снаряды и мины. Работали по 16–18 часов. Кормили баландой. Горбушка хлеба казалась недостижимым лакомством. Мать от тяжелого непосильного труда умерла в возрасте 48 лет. Вся семья заболела тифом. Я чудом осталась жива. Освободили американцы.

В июне 1945 г. вернулись назад в Витебск. Дом и хозяйство было уничтожено. Мы уехали жить в деревню в 50 км от Витебска. Отец умер в 1950 г. С 10 лет я сирота. Жила у сестры, которая старше меня на 16 лет. В 1954 г. поступила в Витебский станкоинструментальный техникум, после его окончания была направлена на работу в Минск, на завод им. Кирова. В 1969 г. окончила институт Народного хозяйства.

Волонтер Анна Баранова.

Гиль (Курлан) Майя Ивановна

4.10.1943, г. Драудени, Германия

Мама моя и отец были насильственно вывезены в Германию в 1942 г. Отец работал на заводе рабочим, мама, по специальности акушерка, работала в семье прачкой и выполняла прочие домашние обязанности.

Родилась я в лагере, не было ни пеленок, ни белья. Немка, у которой не было детей, просила маму отдать меня ей, но мама не согласилась. Когда уходила на работу, оставляла меня одну и привязывала к столбу, чтобы я никуда не уползла.

В 1945 г. отец и еще двое мужчин решили убежать из лагеря, в том числе мама и я. Наступала Советская армия, везде были бои, трупы немцев и русских.

Во время побега товарищи отца погибли. Шли ночью, часто доносилась стрельба. По пути папа примкнул к Красной Армии, а мама со мной в марте месяце шла домой 30 километров пешком. Было холодно и голод докучал. Мама присела отдохнуть, так как сил идти уже не было, и чуть не замерзла, уснула. Разбудил ее мужчина. Он ехал на телеге и нас довез до дома.

Все выше описанное знаю из рассказов мамы и отца.

Волонтер Александр Перов.

Гурская Ольга Кирилловна

6.11.1925.

До войны жила в Крыму, в городе Евпатория. Образование 9 классов, работала телеграфисткой-телефонистской. Там в 1942 г. меня и застала война. В сентябре 1942 г. к нам пришли немцы. Я никогда не забуду тот день... Нас вывезли в Германию в город Хам, где в течение полутора лет я работала на заводе. Наш цех изготавливал колючую проволоку для фашистов. И так продолжалось из-за дня в день. Мы не досыпали, не доедали и жили в ужасных условиях. Только после открытия Второго фронта моя жизнь изменилась.

В городе начались бомбежки и нас отправили на ферму в г. Верн работать у бауэра. 30 апреля 1945 г. наступил долгожданный день избавления, к нам пришли американские солдаты. Но только через пару дней нас забрали с этой фермы и перевезли в так называемые общаги. Там я прожила около двух месяцев. А после нас собрали и перевезли в Россию. Первым делом с нами говорили сотрудники НКВД. Они мне и еще нескольким девочкам поручили помогать собирать урожай в Восточной Пруссии, где мы и проработали до июля 1945 г. А в декабре 1945 г. я оказалась уже дома, в Евпатории. В 1947 г. вышла замуж.

в моей памяти всегда хранятся лица девчонок и мальчишек, с которыми я вернулась назад в Евпаторию.

Волонтер Андрей Бруй.

Григорьева Антонина Владимировна

13.02.1930.

В 1942 г. немцы сожгли наш дом и мы ушли в лес, но и там нас фашисты нашли, окружили с автоматами и собаками, построили в ряд, как преступников. Наставили на нас пулеметы и погнали, потом закрыли в сарае на замок и часовых поставили. На следующий день нас погнали дальше, а следующих людей в этот сарай загнали и сожгли. Нам это было известно из сообщений нашей сестренки, которая была на пепелище.

Нас погрузили в вагоны и привезли в лагерь: бараки, огороженные проволокой. Внутри бараков стояли нары – голые доски, и мы лежали на этих досках. Мне так хотелось домой. Нас было пятеро детей и все не вместе. Отца я совсем не помню, он умер, когда мне было 2 года.

Однажды случилось ужасное: нас стали отбирать, кого – в газовую печь, а кого в сторону. Нас в сторону отвели, построили, офицер показал на нас палкой. Отобранных посадили в машину и повезли. Помню, что везли через Вену, мне запомнилась красивая статуя с человеком на лошади, а потом нас

доставили в населенный пункт Шаново, где находился лагерь. Заставили работать на разных работах, а мне так хотелось домой.

Как только нас освободили, мы сразу поехали на родную землю.

Волонтер Маргарита Вострикова.

Довнар Людмила Яковлевна

26.08.1937, г. Петриков Гомельской обл.

Мою маму и нас, троих детей, схватили в г. Минске и поселили в барак, принадлежавший вагоноремонтному заводу, а 25 июня 1944 г. вывезли в Германию на принудительные работы. Везли в товарном вагоне, как перевозят скотину: битком, без воды и пищи.

По принуждению мать работала на складе вагоноремонтного завода рабочей. В д. Кирхистзер возле Бранденбурга, мы выполняли всякие подсобные работы по лагерю, несмотря на возраст и истощенный организм. Лагерь был обнесен колючей проволокой по забору, кругом часовые. Жилье представляло собой барак с двухъярусными деревянными нарами без постельного белья, голые доски. Кормили два раза в сутки, баланда и 100 грамм хлеба с опилками. Посередине барака стояла железная буржуйка. Топили только зимой, одно ведро угля в сутки. Топили дети и совсем старые люди, дежуря по очереди. Было темно и сыро. Взрослые работали по 16–18 часов.

Освободили части Советской Армии 22 апреля 1945 г.

волонтер Наталья Самуйлова

Дылейко Вера Ивановна

Мы жили в деревне, которая находилась в лесу. Когда пришли немцы, мне было 6 лет. Деревню сожгли, а нас вывезли в Германию. Наша семья попала в г. Белефельд. Родители работали на цементном заводе, а мы с братом находились в бараке. Все время хотелось есть, поэтому я ходила и просила у немцев еду.

Однажды меня забрал полицейский и привел в комендатуру. Там меня допрашивали при помощи русского переводчика. Немцы спросили меня, что для меня лучше – попасть в тюрьму или быть расстрелянной. Я ответила, что лучше в тюрьму. Немцы громко смеялись. Потом мне дали большую булку хлеба и сказали, чтобы больше не попрошайничала. В бараке меня ждали, думали, что я погибла. Хлеб разделили по кусочку на всех.

Был еще один страшный случай. Напротив барака был магазин. Когда началась бомбежка, продавец побежал в бомбоубежище, но не успел добежать, и ему взрывом оторвало голову. Кровь хлестала фонтаном, но он еще некоторое время бежал без головы.

В 1945 г. нас вывезли в г. Эмрик. Освободили американцы.

Волонтер Артем Мартьянов.

Дьяченко Иван Степанович

15.02.1944, Мюнхен (Германия)

Моя мама, Сахарова Ефросинья Тимофеевна, в октябре 1942 г. попала в облаву в городе Краснодоне Луганской обл. и была отправлена в Германию, где работала на заводе под городом Мюнхеном. Там же работал мой отец, Андре Денежекс, француз из г. Бордо.

Мама скрывала беременность и схватки начались прямо в цеху. Хозяин ругался, но отправил маму в больницу. Акушерка, которая принимала роды, сказала: «О, ofizir». Здесь меня записали как Сахаров Иван, 15 февраля 1944 года рождения.

В апреле 1945 г. нас освободили американцы и родители со мной уехали во Францию на родину отца, который был сыном французки и бывшего запорожца, эмигрировавшего во время революции из России.

В городе Бордо меня записали как Жана Денежекса, но в октябре 1945 г. мама вместе со мной убежала и после проверки в лагере Торгау вернулась в Краснодон, где мне выписали новое свидетельство о рождении на имя Дьяченко Ивана Степановича.

В Краснодоне было трудно выжить с маленьким ребенком, мама вернулась в деревню Селище Могилевской области к своим родителям и там уже ей помогли мои дедушка и бабушка.

волонтер Игорь Бабодей

Желабкович Ольга Петровна

10.1926, д. Знаменка Логойского р-на

До войны мы жили в д. Знаменка. В 1943 г., когда немцы уже отступали, то забирали с собой и местных жителей. Нас привезли в Минск, погрузили в вагоны для перевозки скота. Целый эшелон. Было очень тесно. Рядом находилась девочка Клава из Москвы, которая накануне войны приехала в гости к бабушке.

Нас привезли в г. Гогомельбах по-немецки, а чешское название – Верхлаба. Под конвоем привели в помещение, где ничего не было кроме

соломы на полу. Одна девочка заболела тифом. Тогда немцы заколотили окна и двери. Еду бросали через окно. После карантина отправили работать на фабрику, где мы собирали детали для лампочек. За любое непослушание били. Кормили плохо, а работали по 12 часов.

Освободили нас советские солдаты в 6 часов вечера 9 мая 1945 г.

Зеленина (Завгородняя) Идея Михайловна

8.04.1925, г. Славянск (Украина)

Я строила радужные планы на будущее. Однако в 1941 г. началась война и все мои мечты рухнули. С приходом немцев в г. Славянск началась трудная жизнь во всем: в питании, свободном передвижении по городу. Был введен комендантский час: с наступлением темноты за нарушение приказа вермахта расстрел на месте. Выходить на улицу запрещалось, а кто осмеливался выйти из дому, то патрули вылавливали и казнили на центральной площади через повешение. Население города выгоняли из домов на площадь, чтобы люди смотрели, что немцы поймали «партизан» (на грудь повешенных вешали табличку «партизан»), а затем переводчик переводил речь и всех разгоняли дубинками по домам.

Всех собак и кошек в городе солдаты перестреляли, они им тоже мешали. Так в страхе за неверный шаг проходили серые дни. В 1942 г. немцы объявили мобилизацию населения для отправки в Германию. Полицаи ходили по домам и выталкивали все трудоспособное население. Держали в лагере, пока подадут состав, который состоял из телячьих вагонов с соломой. Нас посадили в вагоны, а снаружи закрыли на засов, и повезли в Польшу. Там на перевалочном пункте собралось уже много угнанных в рабство. Через пару дней нас пересортировали и отправили в разные места Германии.

Я попала в Западную Германию, в г. Алтену. Нас было человек 50–60, и все были из разных городов и сел Украины. Нас разместили в цементном бараке. Мы спали на нарах с соломой в 2 яруса. Всех определили работать на фабрике. Мы работали по 12 часов в день: в 4.30 подъем, в 5.30 выход на работу. Нам выдали комбинезоны, куртки и деревянные ботинки. Под конвоем полицейского и переводчика в колонне по 4 человека мы шли на работу. Работа была тяжелая, у станков, нужно было прокатывать металлические ленты длиной по 2,5 метра и шириной 10–15 сантиметров и измерять точность толщины специальным приборчиком. За прогон брака (а нас проверяли мастера-немцы) нас жестоко наказывали дубинками.

Питание было скудным: утром чашка эрзац-кофе с ломтиком эрзац-хлеба, а обед состоял из баланды, в которой было немного брюквы, кольраби

и картошки, а вечером снова горький кофе с кусочком хлеба. От такой пищи многие болели, особенно ребята. Нам давали немного денег, но мы ничего не могли на них купить, так как у немцев была карточная система. Мы были рабами у немцев, и они так и относились к нам. Погода там была сырая, а одежда у нас была слишком легкая. Болели и умирали там многие.

В 10 мая 1945 г. нас освободили английские войска и передали советским представителям. Затем нас перебросили в сборный лагерь, где мы находились более месяца. И только потом нас забрали и разместили в воинской части под Берлином. Домой в г. Славянск я возвратилась только в конце сентября.

волонтер Павел Змушко

Козловский Иосиф Иванович

1926, д. Гребени Лельчицкого р-на

Немцы забрали детей и взрослых деревни и в вагонах повезли под охраной в город Кенигсберг. Жили мы в бараках, дети отдельно от взрослых. Утром забирали на работу, вечером – обратно. Затем в городе Берлине рыли окопы.

Красная Армия освободила нас из концлагеря и меня отправили домой.

Надежда Островская

Шел сорок первый год...

Вторая мировая
Война неслась как смерч, как ураган
Фронт отступал, а люди оставались
Добычей легкою врагам
Мы, беззащитные, за все
Своей судьбою рассчитались
И больше полусотни лет
Нас будто не было,
Но живы мы, еще не распрощались с жизнью
И просим слова для себя
С трибун своей родной отчизны.
Мы были дети, в чем вина?
У нас пред Родиной строною
Доколе будем в забвенье
С дороги жизни сбитые войною.
Мы жались к Родине своей,

Но нас повсюду презирали,
Вели допросы в КГБ
Предателей средь нас искали.
Униженными шли по жизни,
Обиду глубже в душу пряча,
И это все в родной отчизне,
Такая вот у нас удача.
В то лихолетие войны
Концлагерь, рабство мы познали
Лишь одного не знаем мы
За что нас дважды наказали.

Волонтер Илья Евхименко.

Козловский Арнольд Михайлович

Когда началась война, я остался в Минске. На территории города немцы открыли несколько школ, одну из которых я посещал. Особое внимание в школе придавалось немецкому языку. Моя мама была учительницей немецкого языка, окончила пединститут.

В 1944 г. нас отправили в Германию. Мы попали в г. Нойштрейлиц, земля Мекленбург. До войны там проживало 27 тыс. немцев, сейчас – 24 тыс. Мне пришлось работать на лесобработывающем заводе кочегаром. Там было много итальянцев, французов, которые неплохо ко мне относились. Они часто получали через Красный крест посылки из дома и делились со мной.

Навсегда в память врезался случай, когда однажды проходит поезд с военнопленными, и один из них попытался сбежать, прыгнув на пути из идущего вагона, но был замечен часовыми и расстрелян. Помню, как нам с мамой выдали карточки и когда мы пришли на склад, то там оказались русские военнопленные. Они дали нам столько картошки, что мы чуть донесли.

30 апреля 1945 г. нас освободили советские войска.

После войны я закончил политехнический институт. Работал в институте строительства и архитектуры. Кандидат технических наук.

волонтер Илья Евхименко

См.: Казлоўскі Арнольд Міхайлавіч // Война и украденные годы. Вып. 2. С. 79–81.

Конопацкая Валентина Терентьевна

5.05.1931, д. Вищин Рогачевского р-на Гомельской обл.

Линия фронта прошла через деревню и всех эвакуировали в д. Зеленая Рунь. Оттуда в 1944 г. меня угнали в Германию, в г. Кременчау, где работала на авиационном заводе на разных работах. Освободили американцы в мае 1945 г. В конце июля привезли в Белоруссию. Хата была сожжена. У родителей было восемь детей, строились в тяжелых условиях: голод, холод, разруха. В 1950 г. приехала в Минск.

Волонтер Роман Куница.

Коршук Евдокия Евсеевна

1926, д. Ивановка Могилевской обл.

С началом войны немцы быстро заняли нашу деревню. Почти все продукты они у нас забирали. Вскоре у нас в семье, где было пятеро детей, есть стало нечего. Мне было 15 лет. Немцы отслеживали, какого возраста были дети, устраивали вечера в деревне, танцы, куда собиралась молодежь. Родители мои знали и очень волновались, что меня могут угнать в Германию. Они меня прятали, как могли: то к бабушке меня отправляли, то ночевала дома ночью в картофлянике или в коноплях, тогда их много сеяли. Но за мной наблюдали немцы. От нашего дома узловая ж/д. станция Кричев в 2 километрах, где стояли эшелоны с войсками, то с нашими, то с немецкими. Все время стрельба и бомбежка продолжались, и пули и бомбы долетали до нашего дома.

Летом 1943 г. наши войска начали наступление на г. Могилев. Немцы, отступая, хватали всех детей. Схватили и меня. Посадили в товарные вагоны и увезли в Германию. Это же грозило двум моим братьям, но им удалось спастись. Ехали мы до Германии 3 месяца, условия ужасные. Привезли нас в концлагерь, высоко огороженный колючей проволокой. Кормили баландой, в которой мы не раз видели червей, хлеба давали по маленькому кусочку.

Работала я на кирпичной фабрике г. Дуйзбурга. Где лагерь был и как его называли не помню. Нас никуда из лагеря не выпускали, увозили и привозили с охранниками на машинах и из лагеря никуда не выпускали.

Работала я на фабрике до апреля 1945 г. В апреле нас освободили американцы и в скором времени нас с лагеря начали забирать кого куда, мы не знали. Меня и парня забрал бауэр, вот обрадовались, что у бауэра мы хоть покушаем, но не тут-то было, есть давали мало. У хозяина работы было много, а кушать давали скупо, не жалея нас голодных, бессильных.

В 1945 г. с днем Победы нас начинали увозить на Родину. Если поезд останавливался, копали картошку, где она была, этим и питались. Вот так мы и ехали.

Когда мы от освободителей американцев перешли к нашим войскам, то чего только не наслушались от наших солдат. Как будто мы уехали добровольно.

После окончания 8-го класса, я хотела поступить в техникум в г. Могилеве, но мне не дали справку с колхоза. Тогда я пошла работать в колхоз и, наконец, за мою хорошую работу я поступила в техникум. По окончании устроилась работать на завод, где проработала 35 лет и все время боялась, что меня могут посадить за то, что утаила свое прошлое.

Волонтер Павел Змушко.

Щедрова (Костюченко) София Степановна

30.04.1928

Меня вывезли в Германию в июне 1944 г. Находились мы в г. Вустермарк в лагере. Работала я на стройке. Разбирала кирпич на разрушенных после бомбежек домах. Работа была тяжелая, грязная. Кормили впроголодь, мерзли, болели руки и каждый кусочек тела.

Освободили меня 21 апреля 1945 г. части Красной Армии и я вернулась домой в г. Полоцк.

Кищук София Семеновна

1926, д. Бабинки Дрибинского р-на Могилевской обл.

Росла в крестьянской семье. Детей было пять человек. До 1941 г. учились, а родители работали в колхозе. Во время войны проживала на оккупационной территории. Старшего брата забрали на фронт, где в 1942 г. он и погиб. В июле 1943 г. была угнана фашистами в Германию. Там работала на зерноперерабатывающем заводе грузчиком, разгружала баржи с зерном, носила пудовые мешки.

В октябре 1945 г. вернулась на Родину.

Волонтер Ольга Есьман.

Лакоза (Кулибаба) Нина Степановна

10.09.1926, г. Шпола Черкасской обл. (Украина)

Нас было четверо детей. Отец ушел на фронт сразу, как только в июне 1941 г. началась война. А я к этому времени закончила 7 классов. К концу августа 1941 г. немцы заняли нашу область. А в апреле 1942 г. немцы с полицаями ранним утром устроили облаву в нашем городке. Выгнали из домов всех подростков, в том числе меня и мою старшую сестру. Под дулами

автоматов погнали нас на вокзал, погрузили в товарные вагоны и повезли в Германию.

Привезли в г. Форгайт, который находится в пятидесяти километрах от г. Нюрнберга. Поселили в бывшей тюрьме, где было очень много клопов. Работать водили на бумажный комбинат под конвоем автоматчиков и собак.

Работала я на прессах, где из дерева делали опилковую массу, а мы эту массу на вагонетках отправляли в другие цеха. Работала тяжелая, мокрая, ноги все время были в сырости. Поэтому мы часто болели, нас косил туберкулез. Моя сестра и две мои подружки заболели и умерли, остались лежать там. Пусть будет им вечная память.

В конце апреля 1945 г. нас освободили американцы, потом передали нашим войскам. В октябре 1945 г. я вернулась домой.

Волонтер Вероника Лозовская.

Линник Александр Петрович

15.07.1932, г. Минск – 6.06.2011, г. Минск

До войны жили в Минске. Забрали в апреле 1944 г. и угнали в Германию в г. Хебнец. Там работал на заводе запчастей для вооружения немцев. Нельзя было даже поднимать голову. Кормили впроголодь, только чтобы не падали. Ждали прихода наших войск.

Освободили в конце апреля 1945 г. американцы.

Волонтер Елена Росолько.

Лобкова Мария Игнатьевна

5.05.1930, д. Болоча Пуховичского р-на

В 1942 г. немцы сожгли нашу д. Толоча. Все старики и дети ушли в лес и жили в землянках до 1944 г.

Потом к нам пришли немцы, убили дедушку, мамину сестру с двумя детьми, а маму и меня с сестрой взяли в плен и отправили в Германию. Сестра попала в Дрезден, а я с мамой в лагерь в г. Киль. Я тяжело болела и меня оставляли в бараке. Работы проводились на другом конце города, и когда начиналась бомбежка, мама под бомбами бежала ко мне.

Помню немца повара. В первую мировую войну он воевал на территории Беларуси, подрывался на mine и его спасли простые крестьяне. Поэтому он старался помочь нам едой: то тарелку супа оставит, то кусок хлеба.

Волонтер Александра Потапова.

Маль Леонида Павловна

Меня забрали летом 1943 г. Вместе с матерью и двумя братьями угнали в Германию. Перегоняли из лагеря в лагерь. Все в полосатой одежде. Каждый раз думалось, что живем последний день. Семью затем купил бауэр. Мать работала, а дети на кухне. Я мыла посуду.

Волонтер Полина Ращенья.

Лужков Павел Германович

1927, д. Горань Лепельского р-на Витебской обл.

От районного центра Лепель мы жили в 14 км. Когда началась война, вначале у нас было тихо, а потом начали немцы в деревню наезжать. Утром просыпаемся, а деревня окружена, берут все, что попало. В нашей деревне партизаны оставили гарнизон, но позже они ушли дальше в партизанскую зону.

Решили переехать в д. Замость Ушачинского района. Из деревни почти все население выехало. Остались старики. Мы жили с бабушкой в Замостье, а отец и мать были в деревне. Они потом ушли, когда немцы начали наступать. Тех, кто не успел уйти, убивали. Деревню сожгли.

20 мая 1944 г. в деревню приехали немцы и брали всех, кто там был: подлётки, старики, старухи. Сказали взять лопаты и заравнивать бугры, закапывать ямы и канавы. Когда все закопали, стариков, женщин, детей отпустили, а молодежь, такую, как я, забрали и увезли в Ушачи, где заперли в какой-то подвал. Там уже находились такие же, как мы. На следующий день нас посадили на машину и отвезли в Лепель. Там месяц были в лагере, а потом нас погрузили в вагоны и повезли. Везли месяца четыре: то в один лагерь, то в другой. А последним был лагерь в г. Кассель.

В Кассель нас привезли 24 сентября, а перед этим город бомбили. Кого водили в город, кого еще куда, а нас на электростанцию. Убирали там развалины и мусор. На работу водили под конвоем старичка какого-то с винтовкой. Четыре месяца там были. А потом охрана лагеря погнала нас дальше на запад. Шли долго, ночевали, где придется, бывало, что и под открытым небом.

Как-то вечером нас завели в кирпичное здание. Утром просыпаемся, охраны нет. Сбежала. Все стали кричать «Ура!». Радовались. Что дальше делать? Впереди виден какой-то городишко. Разделились так: часть назад пошли в лагерь, а часть – вперед. Подходим и видим танки. Сначала

испугались. Чьи танки? Это были американские танки. Мы зашли во двор и нас заперли, пока разбирались. После этого мы опять попали в лагерь, но нас уже кормили и поили. Пробыли там месяц, никакой охраны не было. Потом нас посадили на машину и передали нашим частям.

Волонтер Екатерина Зотова.

Лынова Октябрина Сергеевна

1.06.1926, г.Шклов Могилевской обл.

Летом 1943 г. в Шклове полицейские согнали людей на станцию, погрузили в вагоны и повезли. Среди схваченных оказалась и я. Сначала был сортировочный лагерь в Белостоке. Там прошли дезинфекцию, нас сфотографировали и дальше повезли в Австрию в лагерь Энцесдорф. Работала в литейном цехе гальванического завода. Разговаривать нельзя, за каждую провинность били. Однажды очень сильно обожгла кислотой ногу. Лечения никакого не было. Нога сильно болела, рана стала гноиться. Все равно заставляли работать.

Освободили войска I-го Белорусского фронта. Из-за травмы попала в распределительный лагерь в Венгрии, где работала в столовой при госпитале. Оттуда вывезли в город Оршу.

Волонтер Александра Потапова.

Мазур Елена Николаевна

0.

Во время карательной операции собрали всю деревню. Затем фашисты отобрали молодежь, загнали в машины и отправили в Германию. Там пришлось выполнять тяжелую мужскую работу на стройке. Каждое утро строили и приводили к месту работы. Нужно было разбирать разрушенные дома, отбивать старый цемент с кирпича и складывать. Двое парней, работавших рядом, нашли кусок мыла. Вечером, при входе в лагерь, во время осмотра немцы нашли это мыло. Ребят отвели в сторону и на глазах у всех расстреляли.

волонтер Маргарита Вострикова

Майсинович (Концевая) Раиса Сергеевна

9.07.1943, г. Кассель (Германия)

Моя мама жила в д. Козероги Гомельской обл. В августе 1942 г. ее угнали в Германию. Она попала в г. Кассель. Работала на бумажной фабрике. Было

тяжело и голодно. Там родилась я от немецкого солдата. Затем она познакомилась с военнопленным Сергеем. Он стал мужем моей мамы, родились еще два брата.

Освободили нас американцы и переправили на советскую сторону. Там нам дали лошадь с телегой и на ней мы ехали до самой границы до города Каменец. Затем прошли фильтрацию и вернулись в родную деревню. Родная мать не приняла нас. Отец не приезжал и мама поехала разыскивать его в город Баку. Там она нашла отца, но жизнь не сложилась. Мама оставила сыновей отцу и вернулась на родину. Как сложилась судьба братьев я не знаю до сих пор.

Волонтер Полина Ращенья.

Мешкес Нинель Францевны

17.08.1928, г. Могилев

Воспитывалась в семье белорусской интеллигенции, где царила теплая атмосфера, любовь и взаимопонимание. Отец работал инженером-строителем, мама – библиотекарем. Когда мне исполнилось шесть лет, в семье родился брат. Вскоре вся семья переехала жить в Минск.

22 июня 1941 г. началась война и с этого времени закончилось мое счастливое и безмятежное детство. С первых дней войны отец ушел на фронт и до окончания войны я ничего о нем не знала. Мама продолжала ходить на работу. Однажды она не возвратилась. Как потом выяснилось, в связи со срочной эвакуацией библиотечного архива, мама была вынуждена сопровождать его в республику Узбекистан, даже не простившись с детьми.

Мы с братом остались дома одни. Магазины не работали. Денег, еды не было, а надо было кормить помимо себя еще и брата. Минск горел. Чтобы не умереть с голода, я копала еще маленькую, молодую картошку. Однажды посчастливилось достать немного муки. Благодаря этой муке, в первые дни войны смогли кое-как прокормиться. Спустя несколько дней я увидела фашистов. Они ходили по дворам и что-то искали. Было страшно. Люди прятались по домам, боясь выходить на улицу. Всюду царила неизвестность, никто ничего не понимал.

Мы не знали, что делать, стали разыскивать родственников. Просматривая старые письма, я нашла письмо от дедушки. Он проживал в Могилевской обл. Почта не работала. Я написала письмо и передала его соседке, которая ехала в те места, спасаясь от фашистов. Невероятно, но письмо до дедушки дошло. Бросив все, дедушка вместе со своей взрослой племянницей, которая проживала в соседней деревне, приехали на телеге за

нами. Быстро собрали необходимые вещи и незамедлительно отправились обратно. Дорога заняла двое суток. Для нас было трагедией, когда по приезду мы увидели, что дом бабушки спалили фашисты. Все нажитое добро сгорело.

Мы заселились в небольшой пустующий дом, в котором до войны проживала семья евреев. В первые дни оккупации фашисты вывезли всех евреев из деревни в концлагерь. Больше их уже никто не видел. Я, как могла, помогала бабушке с бабушкой по хозяйству.

Через год после начала оккупации людей начали насильственно вывозить в качестве рабочей силы на принудительную работу в Германию. Этот ужас не обошел стороной и меня. Мне исполнилось всего четырнадцать лет, когда и в деревню нагрянули каратели. Для работы отбирали только физически здоровых людей. В их число попали я и моя подруга.

Людей вывозили эшелонами в вагонах для перевозки скота. Крыши не было. Было холодно, от дождя ничего не спасало. Не хватало еды и воды. Вагоны были переполнены. Всюду слышался плач детей и их родителей. От холода спасались тем, что согревались, тесно прижавшись друг к другу.

На остановках на перрон не выпускали, двери были постоянно заперты. Только изредка кормили какими-то помоями и давали немного воды. По перрону ходили вооруженные солдаты со злобно лающими собаками.

Через некоторое время привезли в Германию в г. Дальгаузен-Вуппер, поселили в специально построенных бараках. Доехали не все. Из Белоруссии прибыло шестнадцать человек. Через некоторое время нас из барака перевели в каменный дом. Неподалеку находилась прядильная фабрика, на которой мы работали: изготавливали нитки из стекловаты. Было трудно дышать, пыль от стекловаты забивала легкие, от чего люди часто болели. Люди слабели от недостатка сна и еды. Работали с 6 часов утра до 18 часов вечера. Выходной был только один – воскресенье. Кормили в отдельной столовой, предназначенной для узников. Прием пищи длился всего 30 минут. Завтрак был в 5 часов 30 минут, который состоял из эрзац-кофе, трех небольших кусочков хлеба, слегка намазанных маргарином. На обед давали баланду без хлеба, на ужин – баланду с двумя кусочками хлеба. В день на человека выдавалось 300 граммов хлеба. Ощущение голода было постоянное.

Однажды дали прокисшую еду – баланду из крапивы. Во время обеда узники устроили забастовку и не вышли на работу. Никто не ел. Надзиратели начали избивать узников дубинками и заставили выйти на работу голодными.

На фабрике я проработала два с половиной года. В марте 1945 г. лагерь узников был освобожден американцами. Нас накормили, обогрели, спусти

некоторое время перевели в особый объединенный лагерь, где собирали всех узников из СССР. Оттуда направляли эшелонами на Родину.

Волонтер Александра Потапова.

Михайловский Михаил Михайлович

25.09.1937, г. Ореховск Оршанского р-на.

В 1928 г. мои родители приехали на строительство БелГРЭС вблизи от города Орши. Моя мать работала в бухгалтерии, а отец экспедитором в отделе снабжения.

Когда началась война, персонал электростанции приступил к демонтажу оборудования. Отца в последних числах июня 1941 г. призвали в Красную Армию.

За 10–15 дней часть основного энергооборудования электростанции было демонтировано, погружено на железнодорожные платформы и отправлено вместе с большинством персонала электростанции в г. Куйбышев. Последним железнодорожным составом с оборудованием, с рабочими БелГРЭС, с женщинами и детьми эвакуировалась и наша семья. Железнодорожный состав двигался медленно, делал много остановок, так как впереди нас следовали в сторону Москвы много железнодорожных составов. Периодически на железнодорожные составы, в том числе и на наш, немецкие самолеты совершали налеты сбрасывали бомбы и обстреливали из пулеметов. При каждом налете немецких самолетов поезд останавливался и женщины с детьми прятались в лесных зарослях, кюветах и под вагонами. Перед городом Смоленском немецкие парашютисты остановили наш поезд и женщины с детьми вынуждены были прятаться в рядом находящемся сильно заболоченном лесу, а затем ими было принято решение лесными тропами и дорогами возвращаться назад, в Ореховск. Жители окрестных деревень оказывали нам необходимую помощь: кормили, устраивали на ночлег и указывали нам кратчайшую дорогу. Так полями, лесами мы через 20–25 дней возвратились в Ореховск.

В Ореховске, в условиях оккупации мы жили до середины 1943 г. в подвале городской бани, а часть времени в землянке на окраине города. Многие дворовые территории были заняты военной техникой и конными повозками с амуницией. Дворец культуры был превращен немцами в конюшню, в зрительном зале были сооружены стойбища для лошадей, а на стенах нескольких служебных помещений были нарисованы анатомические скелеты лошадей.

Летом 1943 г. немцы нашу семью вместе со многими другими женщинами с детьми вывезли в Германию, где нас пропустили через несколько концлагерей. В 1944 г. мы были помещены в концлагерь, который располагался в лесу рядом с небольшим городком Вальддрена, который расположен примерно в 150 километрах южнее Берлина. В этом концлагере было несколько бараков, в которых содержались женщины с детьми и несколько бараков с военнопленными французами и поляками. Женщины работали в карьере – грузили в вагонетки песок и гравий. Грузенные вагонетки выталкивали из карьера и отсыпали полотно железной дороги. Военнопленные французы и поляки изготавливали на лесопильных рамах шпалы и укладывали их на железнодорожное полотно.

В концлагере немцы нас кормили плохо, в основном давали суп из брюквы и эрзац хлеб, который пекли из муки с большим количеством каких-то малосъедобных добавок (вроде древесных опилок). Детских игрушек, книжек-сказок у нас не было, однако наши мамы разучивали с нами детские песенки, водили с нами хороводы, учили считать на палочках и писать буквы русского алфавита на земле. В отдельные дни к ограде из колючей проволоки нашего концлагеря приходили немецкие дети примерно нашего возраста и мы с ними играли в войну – перебрасывались камнями, правда ранений и травм не получали. Интересным занятием была игра с немецкими сторожевыми овчарками, которые детей обычно не кусали.

В апреле 1945 г. к нашему концлагерю приближалась линия фронта, часто в небе можно было наблюдать за воздушными боями самолетов и слышать раскаты выстрелов из пушек. В мае 1945 г. мы были освобождены воинским подразделением Красной Армии. Через 2–3 дня после освобождения нас на грузовых автомобилях привезли в г. Форст на границе с Польшей, потом в город Брест и далее по железной дороге домой, в Ореховск.

Волонтер Екатерина Телятникова.

Надевская Елена Ивановна

1926, с. Пантусово Стародубского р-на Брянской обл.

В 1943 г. была угнана в Германию, работала чернорабочей, жила в лагере г. Лейпцига. После освобождения в 1945 г. вернулась на Родину.

волонтер Екатерина Телятникова

Николайчук Галина Павловна

12.12.1930,

В 1939 г. мы с мамой и папой жили в г. Ельне, Смоленской обл. В 1941 г. переехали в Брестскую обл. Мне было всего 11 лет, тогда я своими глазами увидела смерть.

В 1943 г. была выслана в Германию в г. Альштет, работала на заводе в трудовом лагере малолетних узников. Прошло уже много времени и многое забылось, но я никогда не забуду, как нас каждое утро строили и отвозили на работу. Там мы находились целый день, а вечером ужин: 300 граммов черного хлеба и бурак. За каждое непослушание или отлынивание от работы немцы били не щадя. Теплой одежды, как таковой, на нас не было, и мы, не зависимо от погоды, работали в чем были. Там я проработала до конца войны. Нас освободили американские войска и отправили в советскую зону, а потом уже домой.

Тех, с кем я прошла этот ад, не помню... Иногда ко мне домой приходят люди такие же как и я, у нас много общего и нам нравится общаться друг с другом, а главное у всех похожая судьба...

Волонтер Андрей Бруй.

Пашкевич Евгения Андреевна

1926

В 1941 г. окончила 8 классов средней школы. Проживала с матерью и младшим братом в деревне Витебской обл.

В апреле 1944 г. всю молодежь 1925 и 1926 годов рождения, в том числе и меня, вывезли в Германию. Два месяца сидели в лагере г. Бреслау. Один раз в день давали баланду. Потом отправили на работу Бунцлау. Затем работала на посудной фабрике рабочей. Глиняную глазированную посуду подавали у печи для обжигания, после горячую доставали с печи, выбивали с форм и складывали.

Жили в бараке. Работали с 6 утра 18 часов с небольшим перерывом на завтрак и обед. Воскресенье – выходной.

Получали по 100 граммов хлеба в день и по черпаку суп-похлебки. Писем из дома ни одного не получила.

В феврале 1945 г. освободила Красная Армия. После проверки в августе 1945 г. отправили домой.

Волонтер Варвара Шуленкова.

Петрова Мирослава Яковлевна

8.04.1933, г. Петриков Гомельской обл.

Война застала нас, маму, меня, сестру и брата в Минске. Отец, будучи офицером, с первых минут начала объявления войны попрощался с нами и ушел на фронт.

28 июня 1944 г. мы были схвачены фашистами и насильно вывезены в Германию на принудительные работы. Лагерь находился в д. Кирхмейзер (недалеко от Бранденбурга). Темный сырой барак с двухъярусными нарами без постельного белья (с собой мы успели схватить только легкое одеяльце). Одежда на нас тоже была только легкая. Посреди барака стояла печка-буржуйка, топить которую разрешали только при минусовой температуре (ведро угля на сутки). Поэтому начали болеть. Рацион еды включал 100 граммов хлеба эрзац и два раза баланда наполовину из тухлой капусты и опилок. Мама работала по 14–16 часов, а мы, подростки, делали разные подсобные работы.

22 апреля 1945 г. нас освободили части Красной Армии. Это была радость без границ. Наступил второй день рождения. Обессиленные, голодные, настрадавшиеся люди бросались навстречу солдатам-освободителям. Еще слышна была стрельба, но люди колонной пошли по указанной дороге. Вскоре был объявлен привал. Нас накормили вкусным обедом и дали еды на дорогу. Раздобыли детскую коляску, чтобы мама могла везти моего маленького больного брата. На ночь останавливались около какого-нибудь селения. Солдаты подарили нам трофейную одежду, в которой мы тогда очень нуждались. Так пешком мы дошли до г. Швибусь, где прошли регистрацию.

В Минск мы вернулись 15 сентября 1945 г. Безрадостная картина предстала перед нами: Минск в руинах, родственников нет. Поселились мы в подвале разбитого здания. Снова холодно, страшно от каждого шороха. Мама по ночам не спала, охраняла от крыс. Приближалась зима. Осенью хоть крапива и подорожник на борщ, а дальше? Мама собрала нас и мы пошли в военкомат, чтобы помогли обустроить хотя бы нас. Получила похоронку на отца, что погиб в 1942 г. под Сталинградом. Эта невосполнимая потеря окончательно подкосила.

Нас подселили к какой-то семье на окраине города в проходную комнату. Крыша в комнате протекала, было холодно, спали, сидя на полу. Уроки делали при лампе, подложив на колени дощечку. Но уже получили продовольственные карточки на 300 граммов хлеба, немного крупы и жира. Готовили на керосинке. Трудно было среди чужих. Мама с трудом устроилась на работу, а мы пошли в школу. Чернила делали из сажи, писали между строк в старых книгах и газетах.

Постепенно жизнь налаживалась, все выучились, обустроились, обзавелись семьями.

Волонтер Варвара Шуленкова.

Петрович (Курленкова) Ядвига Ивановна

До войны я училась в школе, окончила 4 класса. Началась война, немцы подошли к нашей деревне, но мы убежали в лес. Немцы проводили зачистку леса, и я с мамой попала в облаву. Фашисты нас погрузили на машины и повезли в Минск, в специальный лагерь. Немцы сформировали поезд и повезли в Германию. Мы попали в Дрезден, где тоже оказались в лагере. Оттуда нас ежедневно забирали на завод. Я делала пружины. Меня поставили к станку, а мама убирала. Там она погибла во время бомбежки.

Освободили американцы. Я была ранена в ногу и оказалась в советском госпитале. Когда выздоровела, отправилась с людьми в Минск.

Волонтер Варвара Шуленкова.

Подерячева (Носикова) Мария Петровна

д.Матвеевщина Спедеминского р-на Калужской обл. (Россия)

В 1943 г. в нашу деревню пришли немцы. Они согнали по пять семей в одну хату, а некоторым пришлось жить в землянках.

Но стояли они недолго. Наша армия окружила деревню с четырех концов. А нас немцы согнали в колонну и под дулами автоматов погнали на станцию. Кто не мог идти били или расстреливали. Потом подошли машины и старших ребят и девочек погрузили на них и увезли.

Потом был поезд, вагоны-телятники без окон. Привезли в концлагерь г. Рослова. Там была колючая проволока и барак трехэтажный. Спали мы на досках. Кроме нас там были наши военнопленные: они за одной колючей проволокой, а мы за другой. Нас группами вывозили на работу. Помню, что в самом конце войны барак подпалили и мы, старики и дети, доски выломали и убежали в лес. Здесь нас перехватила Красная армия. Дали нам солдаты поесть, потом мы вернулись на Родину.

Волонтер Варвара Шуленкова.

Поминова Любовь Макаровна

Нас вывезли в начале июня 1944 г. из г. Полоцка. Подогнали и в поезд. Поезд был товарняк. Везли, как ценный груз, до самой Польши. До сих пор не пойму, зачем везли старых. Ладно, мы молодые, а то везли и 70-летних стариков.

Привезли в Польшу. Пригнали в баню, где мы прошли санитарную обработку. Потом на сборный пункт, где было распределение. Отец мой железнодорожником был, так нас отправили на дорогу в г. Мюнхен. Поместили в лагере, где раньше была школа. Нас гоняли на работу на станцию, где мы убирали пассажирские вагоны. Кормили брюквой. У матери болели ноги. Повезло, что немецкий доктор знал эту болезнь. Иначе бы мать расстреляли, считая, что она не желает работать.

Освободили нас американцы. Когда уезжали на родину, мы не смогли уехать из-за болезни матери. Сидим у американцев. Нам предложили уехать и пойти на работу, но мы без родителей отказались ехать. Тогда нас повезли всех вместе. Привезли в Польшу и там мы работали, варили еду. Отъелись немного и стали собираться на родину. Нам говорили, что там разруха, нечего есть. Предлагали поехать в Америку, но мы отказались и вернулись домой.

Волонтер Анна Ковалевич.

Попковский Мечислав Анатольевич

11.02.1928, г. Минск

До войны наша семья – отец, мать и четверо детей – проживали в г. Минске в однокомнатной квартире частного дома по улице Тихой (сейчас улица Б. Хмельницкого). В мае 1941 г. я окончил 6 классов.

Война началась неожиданно. От ежедневных бомбежек мы прятались в земляном погребе. Запомнилась последняя ночь свободы. В городе шла стрельба, мы легли на пол и так пролежали до утра. Утром решили спрятать вещи в канализационный колодец на случай, если дом загорится. Когда мы это делали, к нам подошел немецкий солдат и дал понять, что война закончилась и бомбить больше не будут. Так мы узнали, что в городе уже немцы.

Через месяц мы переехали в другой дом. Раньше здесь жили евреи, но их забрали в гетто. Нашу школу заняли немцы. Отец устроил меня учеником сапожника. Жизнь была суровая. Ели в основном картошку. Однажды я увидел недалеко от дома павшую лошадь. Мы с соседскими ребятами взяли топоры и пошли рубить мясо.

Каждый день я ходил на работу в сапожную мастерскую и однажды на обочине увидел мертвого мужчину. Оказывается, человек шел после комендантского часа и его расстреляли. Через пару дней этого мертвого полностью раздели и он совершенно голый лежал у дороги всю зиму. Люди проходили мимо и им было не до покойника, их раздавило военное лихолетье.

Однажды около нашего дома, напротив через улицу (сейчас это пл. Бангалор), раздались выстрелы. Там жили наши соседи, их сын Павел Луцкий до войны учился со мной в одной школе. Я выглянул в окно и увидел, как старший брат Павла, Иван, выбежал и скрылся за соседним домом. Его рубашка на спине была в крови. Иван Луцкий был партизанским связным и его кто-то выдал. Полицейские пришли его арестовать, но он выскочил в окно. По нему стреляли и ранили. Пока полицейские гнались за Иваном, остальные члены семьи, отец, мать, брат и сестра, убежали. Фашисты долго искали Ивана, заходили и в наш дом, но ничего не нашли. После войны в книге Иван Новикова «Дороги скрестились в Минске» я нашел упоминание об Иване Луцком как партизане отряда Василия Воронянского, действовавшего в Логойском районе.

Мой отец входил в подпольную организацию, созданную на пивном заводе «Беларусь». Она состояла из 10 человек. Они добывали для партизан оружие, продукты, вели агитационную работу среди населения. В ноябре 1942 г. пивной завод окружили гестаповцы, вывели людей и погрузили в закрытую машину и увезли в концлагерь. Вскоре арестовали и меня и отправили в лагерь при ремонтных мастерских «Люфтваффе». В лагере был барак для славян, куда поместили нас, и барак для евреев, специалистов по радио и часовым механизмам. Сначала мастерские находились в Минске, потом их перевели в г. Познань в Польше, а затем в г. Пипе в Германии. Нас использовали в качестве грузчиков, на уборке территории и мойке аппаратов в цехе.

Освободили нас англичане и через день отправили к нашим. В сентябре 1945г. я уже был дома. Через месяц к нам постучался старик и попросил хлеба. Мама ему вынесла и тогда он сказал: «Я твой муж и отец твоих детей». Оказалось, что из минской тюрьмы его сначала отправили в концлагерь Освенцим, а потом в Бухенвальд.

Я окончил мединститут, работал врачом, защитил диссертацию.

Волонтер Никита Дятлов.

Романова (Симанович) Галина Григорьевна

8.12.1929, д. Осовник Кировского р-на Могилевской обл.

Моя мать, Галина Григорьевна, проживала в д. Осовник. В 1942 г. ранней весной ее отец был схвачен немцами за связь с партизанами и убит. Боясь такой же расправы со стороны немцев, ее мать с двумя младшими детьми бежала из деревни к родственникам в соседнюю деревню, где вскорости умерла. Дети остались без дома, на улице, бродяжничали и побирались у

родных людей, заболели тифом. Находились в общем тифозном бараке, а едва оправившись от болезни, были отправлены в Германию в разные места.

Дорога в Германию в товарных вагонах была мучительной: ужасная теснота, стояли впритык, невозможно было прилечь, одна миска баланды в день, одна бадья для оправки на весь вагон. Была очень ослаблена после болезни, все тело было покрыто струпьями и фурункулами. В Германию гнали пешком от поезда до лагеря. Охранники были очень жестокие, несмотря на ослабленное состояние девочек, их заставляли идти быстро, кто чуть задержался и отставал жестоко избивали.

Привезли их в южную Германию, в Баварию. Сначала всех согнали в большой сарай, где на земле была просто солома. Отсюда каждый день гоняли на работу к местным крестьянам.

Она была очень маленькая, худенькая и болезненного вида. Поэтому крестьяне неохотно брали ее к себе на работу. Им нужны были крепкие рослые девушки для тяжелого крестьянского труда. Может быть из-за этого ее отправили в лагерь вблизи какого-то города (вполне вероятно Мюнхена) для работы на военном заводе, где выпускали противогазы и парашюты. Работали 12 часов в день. Утром – жидкий чай (естественно без сахара) и небольшой кусок хлеба с какими-то примесями. На обед и ужин – миска баланды из овощей, чаще всего из брюквы. Только на Рождество или Пасху давали пустые макароны.

Держали их в бараках с нарами в 3 яруса, стригли наголо, боясь вшей. Лагерная серо-болотная полосатая форма с надписью «OST» на спине, на ногах деревянные башмаки на босу ногу в любую погоду, даже зимой. Охраняли их женщины с собаками, они же сопровождали их на завод и обратно. Немцы очень боялись инфекций и болезней, поэтому регулярно проводили санобработку (мазали все тело каким-то дезинфектором), врачи же не появлялись никогда. Заболевшие умирали, трупы горами лежали за оградой лагеря. Говорили, что местные крестьяне их сжигали и золой удобряли свои поля.

Освободили их весной 1945 г. американские войска и отправили в советскую зону, где после проверки на поезде повезли домой. Дома – опять проверка, на глаз определили возраст, моложе, чем на самом деле, так как мама была очень худенькой и маленькой. Дома их не было, родителей тоже. Попробовали с младшей сестрой (тоже была в лагере, но другом) пожить у старшей замужней сестры, но пришлось уйти, так как свекровь и свекор были очень недовольны лишними ртами.

Стали жить в землянке и работать в колхозе. Гоняли на самые тяжелые работы, так как родителей не было и не было кому их защитить. Приходилось даже валить лес наравне с мужчинами. Младшую сестру взяли в детский дом, ей повезло учиться в школе. Мама почему-то в детский дом не попала, учиться не было возможности, надо было работать, чтобы не умереть с голоду.

Две девочки – сестры, которые были с ней в Германии, чуть постарше, подсказали, что за деньги (а какие она, сирота, могла иметь деньги!) можно у председателя колхоза взять справку (у колхозников паспортов не было, настоящие крепостные), чтобы уехать в город. Пришлось всю траву, что косила на сено продавать, продать козочку и заплатить за справку. Не боялись Бога брать деньги у сироты!

В городе жизнь была тоже тяжелая, но по-другому, хотя бы не на грани выживания!

Волонтер Илья Евхименко.

Сезень Николай Григорьевич

В 1943 г. нашу д. Бордиловка окружили немецкие каратели, и стали сгонять всех в школу. Затем на машинах привезли на станцию Михановичи, погрузили в товарные вагоны и повезли в Германию. По прибытии меня направили в трудовой лагерь. Я работал на строительстве бомбоубежища.

В 1945 г. нас освободили советские и французские войска. Русским повесили красные ленточки, чтобы отличать от других. Я был в г. Белинген, Эхстердинген. Потом направили на допризывную подготовку, а оттуда на Кавказ на марганцевые рудники.

Мой брат воевал летчиком. Ему дали отпуск и я приехал на Родину встретиться с ним. Только тогда я вернулся в Беларусь и поступил в политехникум.

Волонтер Никита Дятлов.

Сидорма (Савкова) Жанна Юзефовна

29.05.1944, г. Грайфенхаген (Германия)

Мою мать в 1942 г. насильно вывезли немецкие оккупанты на принудительные работы. Там она работала ткачихой на фабрике. Проработала два года. Работа была тяжелая, поэтому, когда понадобились медицинские работники, она назвалась медсестрой. Ее перевезли в другой город. Потом вскрылся обман, но ее оставили работать санитаркой.

Кормили очень плохо. Там были узники разных национальностей. Будущий отец, югослав, когда мама проходила рядом, давал ей кусочек хлеба. Они полюбили друг друга и 29 мая 1944 г. родилась я.

Освободили нас советские войска в 1945 г. Мать со мной вернулась на родину. Потом к нам в деревню приехал и отец. Языка он не знал, но понять его было можно. Прожил с нами около года, а потом по семейным и политическим обстоятельствам решил уехать с нами на свою родину. Сделали запрос в Москву, но разрешили ехать только ему одному. Была целая трагедия по этому поводу.

С тех пор я о нем ничего не слышала. На наши запросы следовали ответы, что не числится ни в живых, ни в мертвых.

После отъезда отца, мать по вербовке переехала в другой город, а меня двухлетнюю, оставила на воспитание бабушке. По исполнению мне семи лет, когда пришла пора идти в школу, мама забрала меня к себе. У них с отчимом было много детей. Я закончила семь классов и поступила в строительное училище.

Волонтер Алина Еремина.

Табolina Александра Федоровна

Гродненская обл.

Когда пришли немцы, нашу деревню окружили и стали выгонять людей из домов. Пришли и к нам. Мама, папа и я убежали из дома, а старший брат не захотел. Мама стала плакать, убеждать, что немцы сожгут хату, только тогда он вышел.

Всех согнали в одно место. Папу отпустили домой, а нас с братом увезли и потом разлучили. Брат в неволе умер от голода, я работала на заводе. Жила в бараке, голодала. Иногда в лагерь пригоняли военнопленных. Я видела, как они на ходу умирали. Было очень страшно. Не могу без слез вспоминать этот ужас.

Волонтер Юлия Степанова.

Тарарако Ядвига Станиславовна

2.09.1939

Я была слишком малого возраста и поэтому мало что помню. Жили мы в каком-то длинном, темном помещении, спали на нарах. Там было много женщин и детей. Очень хотелось есть.

Помню, как умирал мой старший брат, лежал на нарах и просил, чтобы я никуда не уходила, так как мама была на работе. А потом он лежал в гробике и мама очень плакала.

Помню уже возвращались домой и мама меня вела за руку за какими-то документами в город «Брест-Литовск» Пробирались через разбитые здания и мне было очень больно босым ногам.

Вот и все. Спросить или вспомнить не у кого: мама умерла 35 лет назад, старший брат умер 12 лет назад. Я была самая младшая и еще пока жива.

Волонтер Роман Куница.

Юхнович (Швендик) Анна Михайловна

20.05.1928, д. Буда Крупского р-на Минской обл.

Весной 1942 г. полицаи забрали и увезли нас в г. Борисов. В часовне находились двое суток голодные. Посадили в товарные вагоны и повезли в Германию. Привезли в Берлин и направили в лагерь. Работала на заводе, который выпускал военную продукцию. Был страшный голод, холод. Почти не кормили, очень мало давали еды.

Освободила в 1945 г. Советская армия. Потом я попала в воинскую часть, там работала примерно 5 месяцев. Когда взорвалась домна с заминированным углем, отправили домой. Дали справки, что мы там работали, но на товарной станции все отняли. После этого приехала домой.

Волонтер Елена Расолько.

3.2. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Галуза Галина Карповна

15.08.1936

Название лагеря я не помню. В памяти остались холод, бараки и вышки с автоматчиками. После войны нам запрещали говорить на эту тему, так как многие считали выживших в концлагерях, в плену – врагами и предателями. Помню, что однажды к нам приехал пан и забрал к себе в усадьбу. Там мы работали в его хозяйстве. Помню, как гоняли трещотками диких коз, чтобы они не портили посевы.

Пришли советские войска и нас освободили. Пан предлагал нам перейти на сторону американцев, но мы прятались и ждали своих.

Волонтер Дарья Жилач.

Давыденко (Ринейская) Зоя Викентьевна

15.05.1937, д. Ринья Паричского р-на Полесской обл.

Семья наша состояла из 4 человек: папа, мама, сестра и я. Жили мы в д. Ринья. Деревня наша находилась в очень красивом месте, среди леса. Вокруг протекала небольшая речушка – отток Березины.

Во время войны наша деревня находилась на территории партизанской зоны. Днем приходили немцы, а ночью партизаны. Мой отец, не успев прийти в 1939 г. с финской войны, ушел обратно защищать Родину. Отца я почти не запомнила, помню только, как моя мама, провожая его последний раз, позвала нас с сестрой и сказала: «Попрощайтесь детки, кто знает, может быть уже и не увидимся...» До сих пор от этого воспоминания накатываются слезы на глаза... Отец с войны не вернулся.

Мы остались одни – моя мама, я и старшая сестра, которой было всего лишь 8 лет. Я мало что помню, т.к. мне было всего 5 лет. Но даже в моей, еще совсем детской памяти, навсегда врезались звуки бомбежки, непонятный детский страх и запомнился упавший рядом с нашей деревней подбитый фашистами русский самолет.

В 1942 г. мы переехали в местечко Щедрин, где жила папина сестра. Немцы женщин, которые покрепче здоровьем, гоняли рыть окопы. Мама там работала от темна до темна... Мы с сестрой оставались одни.

Однажды был такой случай. Свет нельзя было включать. Его включали только тогда, когда окна завешивали одеялами. Лампочку на день обычно выкручивали. Как-то мы с сестрой попытались включить свет. Она вкрутила лампочку, а я должна была включить выключатель. До этого я играла,

нанизывая бусинки на гвоздь, и когда для включения мне понадобились руки, я гвоздик с бусинами взяла в рот. Потянувшись к выключателю, я нечаянно дернулась и проглотила этот гвоздь. Я даже испугаться не успела. Сестра заставила меня лечь, наказала лежать и не двигаться. Мне стало очень страшно. Мама пришла с работ и сестра рассказала, что случилось. Побежав к старосте, она попыталась добиться разрешения отвезти меня к врачу, но так его и не получила.

Назавтра всех готовили к эвакуации... Мама переживала за меня, и староста ей предложил оставить меня здесь, с родными. Но родных у нас не было и меня пришлось взять с собой. Пригнали машины, нагрузили людьми и повезли в Красный Берег. Выгрузили нас около кладбища, где мы ночевали две ночи. Искали детей от 8 до 15 лет и уводили на проверку в лагерь.

Наконец, подошел товарняк, нас погрузили в вагоны, закрыв их снаружи на засов. Ехали мы долго, и никто не знал куда. Поезд загнали в тупик и долго там стоял. Потом снова ехали. Так доехали до Польши. Очень хотелось кушать, дети все время плакали от голода. Матери терпели и пытались их успокоить.

В Польше нам помогла одна женщина, полька. Мама немного умела разговаривать по-польски и, увидев ее, стала просить дать хоть что-нибудь покушать детям. Та дала ей немного гороха. Нас это спасло. Мы понемногу размачивали его и ели.

Когда доехали до Германии, нас поместили в лагерь, где каждого сфотографировали с номерком на груди. У меня был Suest 12 147. Потом повели на санитарную обработку. Нас раздели и прогнали по какому-то длинному тоннелю, вдоль которого стояли солдаты и поливали нас со шлангов какой-то ужасно зловонной и жгучей жидкостью. У меня земля уходила из-под ног. Я потеряла сознание. Мама, испугавшись, что меня заметят, подхватила меня на руки, и нас пронесло мимо еще одной беды. Затем всех погнали в лагерь. Там запомнился мне суп из брюквы, жуткого вида, да и вкуса тоже. Но нам тогда он казался слаще и вкуснее меда.

Через некоторое время стали приезжать немцы-хозяева и выбирать себе для работ в своем хозяйстве людей.

Нас взял к себе фермер из деревни Немсдорф. У него было очень много скота и работников тоже много: три девушки из Украины, французы, поляки и даже немцы. Там была большая площадка, где под открытым небом находился скот. Мы работали на уборке. Маму увозили в поле на работу, а мы с сестрой помогали убирать за голубями. Мы должны были кормить и

убирать за ними. Потом молодняк убирала, пока они еще не научились летать. После их сдавали на кухню и обрабатывали.

Когда наши уже подходили к Германии, хозяин разрешил маме брать нас в поле. Очень часто была бомбежка. Однажды мы убрали брюкву. Налетели самолеты и застрочили пулеметы. Завыла тревога и все бросились в убежище. В поле было много подвалов, где хранилась брюква и морковь. Но мы с мамой были далековато от убежища и добежать не успевали. Мы увидели большое дерево у дороги и упали под него. Мне казалось, что сердце выскочит из моей детской груди. Вокруг строчили пулеметы. И тут почти прямо на нас летит самолет и строчит, летит прямо под наше дерево! Мама накрыла нас собой, чтобы спасти, а мне вдруг страшнее всего стало от мысли, что вдруг сейчас с ней что-нибудь случится. Я стала вырываться и лезть маме на голову и кричать, что пусть лучше меня убьет, чем тебя! Что мы будем делать одни?! Он, казалось, пролетел над самыми нашими головами, так низко, что, конечно, нас увидел. Но, почему-то, одному лишь Богу известно, поднялся выше и улетел...

Вскоре пришли американцы и освободили нас. Радости не было предела. В сентябре 1945 г. мы приехали домой. Я пошла учиться в первый класс.

Казалось теперь все будет налаживаться, война кончилась! Но случилась со мной еще одно несчастье – я заболела малярией. Все равно пыталась ходить в школу. Школа у нас была в доме, где жила учительница. Меня начинала трясти лихорадка, температура поднималась до 40 градусов. Лечились лишь хиной, от которой глаза и тело становились желтыми. Было трудно. Жили мы в бункерах. Тетрадей и бумаги не было. В лесу, в немецких бункерах стены были обиты желтой бумагой, которую мы отдирали от стен и делали из нее тетради. А чернила готовили из ольховых шишек. Так учились первое время, но с годами становилось все лучше.

После семи классов я поступила в техникум легкой промышленности, а по окончании работала на швейной фабрике им. Крупской до 1967 г. Вышла замуж. Мужа после института отправили на работать в г. Добруш. Там прожили 5 лет. Родили детей. Потом опять вернулись в Минск.

Воспоминания очень тревожат. Порой забываешь, а порой трудно уснуть. Я ведь была совсем ребенком. Моя сестра помнит больше. А когда представляешь, как было тяжело матери, одной с нами, совсем еще маленькими детьми, слезы накатываются на глаза.

Все это уже наше прошлое, наша история. Но любая история должна нас учить. Учить ценить мирные дни, радость детства счастливые улыбки

родителей, беззаботную юность, ценить вкус свежего хлеба, ценить мир и ненавидеть войну. Наше поколение застало ужас войны. Застало в самом нежном возрасте, когда так необходимо видеть дом, семью, любовь и заботу. Но жизнь продолжается и мы должны донести наши, пускай небольшие, но правдивые детские воспоминания нынешнему поколению, чьи воспоминания детства так сильно отличаются от наших! Донести для того хотя бы, что б помнить, как в песне поется – «Если мы войну забудем– вновь придет война!» Что бы их жизнь и детство их детей никогда не омрачали беды и лишения войны!

Волонтер Наталия Зенченко.

Демянчик Бернарда Бернардовна

15.05.1943, д. Теребейное Столбцовского р-на Барановичской обл.

В августе 1943 г. из д. Теребейное всю нашу семью угнали в Германию. Мы оказались в лагере недалеко от г. Киля: отец, мать, два брата, сестра и я. Там нашу семью разлучили. Отца с братьями забрал бауэр, имеющий огромное хозяйство, только одних коров 200 голов. Маму и меня с сестрой поставили в очередь для сожжения в крематории. Отец на коленях стоял перед бауэром, чтобы спасти нас. Бауэр сумел договориться и забрал нас.

Маму и меня с сестрой направили в больницу г. Фленцбурга, а потом – в туберкулезный диспансер г. Ронфельда. Там у мамы брали кровь, проводили опыты, испытывали лекарства. Вместе с мамой там было много других женщин. Одной женщине с Украины сделали три укола, после чего она сильно кричала, а потом умерла.

Мама не надеялась выжить и пообещала отдать меня немецкой медсестре, которая была бездетная. А я была маленькая, белоголовая. Мы вместе с сестрой сидели в подвале, находились там почти до самого освобождения.

Когда американцы начали бомбить, отец забрал нас к себе и в октябре мы вернулись домой. Мама через несколько месяцев умерла. Видимо, опыты не прошли даром. Но мы были счастливы, что, несмотря на перенесенное горе, она умерла и похоронена на родной земле.

Волонтер Юлия Егорова.

Жизневская (Барковская) Леонида Владимировна

8.05.1936, д. Домаши Логойского р-на Минской обл.

Меня с дедушкой, бабушкой и мамой угнали в Германию. Освободили русские солдаты в 1945 г.

Вернулась на Родину, проживала с дедушкой, бабушкой и мамой. Отца у меня не было. Жили тяжело, не хватало питания, одежды, в школу ходила за 6 км, окончила пять классов. В 14 лет пошла работать в совхоз Гайна.

В немецких лесистых, песчаных горах

В немецких лесистых, песчаных горах

Большие бараки стояли.

Не сотни, а тысячи русских людей

От голода там умирали.

Лежали в бараках в соломе гнилой

Дышали известкой вонючей.

Вокруг тех бараков два ряда столбов

Обнесено дратвой вонючей.

Волонтер Наталья Шагулина.

Жупинская Нина Семеновна,

Норко Анна Семеновна

п. Веселовка Минской обл.

Отца, мать и меня со старшей сестрой угнали в Германию, а брат ушел в партизаны. В Германии работали у бауэра на сельскохозяйственных работах. Работали от зари до зари, а еще и хозяин издевался. В 1945 г. нас освободили советские войска.

Детства, как такового, у моего поколения не было, а были нескончаемые дни страха, голода, ужаса.

Людмила Бурдыко

Нас время лихое ломало,

Нас гнула и била война,

И то, что нас выжило мало,

Поверьте, не наша вина.

Мы помним фашизм оголтелый

И ужасы концлагерей.

Мы холод и голод терпели

И видели смерть матерей.

Мы помним страдания народа

И дым крематорских печей
С надеждой мы ждали свободы
Без страшных зловещих ночей.

Мы каждый сегодня свидетель
Тех дней, что в огне сожжены.
Мы дети, невинные дети
Далекой кровавой войны

волонтер Дарья Власенко

Каренская-Баркун Елена Иосифовна

В 1941 г. по окончании учебного года я уехала на каникулы к тете в д. Михалковичи Логойского района, где и застала меня война. Немцы часто делали облаву на молодежь. В одну из них забрали и меня, а тетю с маленьким ребенком на руках расстреляли.

В Германии я работала у бауэра в Плесвице. После освобождения Советской армией работала на ферме. Домой вернулась в 1946 г. осенью.

волонтер Елена Дорожинская

Кищук София Семеновна, Клышко Елена Дмитриевна

10.12.1927, д. Проселки Логойского р-на Минской обл.

Мне было 15 лет. Мама отправила меня в соседнюю деревню вместе с сестрой Ириной. Там нас вместе с другими ребятами вначале схватили и отправили в д. Козенова, а потом посадили на грузовик и отвезли в г. Минск, разместили в школе. Оттуда на вокзал.

Ехали в теплушках. Людей было так много, что стояли как столбы. Привезли в лагерь Освенцим, где 3 дня ночевали на земле. Мама дала с собой яиц, ими и питалась всю дорогу. Вместе с нами ехал парень Миша, которому мать (он из очень бедной семьи) дала в дорогу молоко. Так, с кислым молоком, он и приехал в Освенцим.

В лагере всех подвергли медицинскому осмотру. Сделали флюорографию, поставили на лоб три печати и отправили в Германию.

Работала на бауэра в местечке Лик. Фамилия бауэра Липпик. Хозяин был очень строгий. А вот его сын Герман и жена Марта были неплохие. Доила коров. Хозяин все до капли сдавал. Поэтому Марта меня просила, чтобы я хоть немного молока оставляла для ребенка Марты. Место, где находилась деревня, располагалось на границе между Польшей и Германией.

Освобождали нас войска Второго Белорусского фронта. Помню, немцы бегут, идет бомбежка, а мы, вместе с подружкой Ниной, катаемся на велосипеде. Бесшабашная молодость. Это произошло в январе 1945 г. Осталось очень много брошенного скота, кур, поэтому нас прикрепили к полку и до мая 1945 г. вместе с другими девочками мы работали в этом полку. Доили по 16 коров, ухаживали за скотом.

Когда закончилась война, нам выдали проездные талоны и отправили в Минск.

волонтер Никита Дятлов

Коваленко (Хованская) Нина Васильевна

17.04.1939, г. Витебск

Мои воспоминания переплетаются с мамиными!

Мы с мамой сначала попали в фильтрационный лагерь, который назывался «5-й полк», расположенный возле города Витебска. В этом лагере нас «сортировали» и определяли кто, где и у кого будет работать, то есть нашу дальнейшую судьбу. Нас погрузили в товарные вагоны, и мы покатились вдаль от Родины. Ехали очень долго, несколько месяцев. Кормили в дорожное откровенно, если можно так сказать. Иногда похлебка, неизвестно из чего сделанная, иногда хлеб, кипяток.

Периодически поезд останавливался, и мы по несколько дней жили под открытым небом, в поле, где все вместе, мужчины и женщины, дети и старики страдали от голода, холода и других невзгод.

Наконец, нас привезли в Австрию. Снова была сортировка, которую можно сравнить с базаром, где продают скот! Приехали бауэры, хозяева, немцы с собаками и винтовками. Ослабленных в дороге и больных забирали и увозили в крематорий или расстреливали. Мою маму и, конечно, меня вместе с ней (это было счастье, что нас не разлучили), взял бауэр, отвез в свое имение, неподалеку от г. Линц. Маму определили на полевые работы.

Вот несколько эпизодов из ее и моей жизни там, в Австрии. У мамы от тяжелого труда начали сильно болеть руки. Ни о каких лекарствах речи не было, да и жаловаться было опасно. И мама спасалась от невыносимых болей, особенно по ночам, обычной крапивой. Она поздно вечером рвала охапки крапивы и натирала ею руки, ей становилось легче. А меня очень удивляло, как же так ведь крапива жгучая! И я это запомнила.

Однажды, когда узники работали в поле, один молодой русский пленный, в знак протеста запел громко-громко песню «Катюша» и его сразу забрали и отвезли в крематорий. Крематорий был недалеко и мама говорит,

что невозможно было работать, так как был ужасный запах горелых человеческих тел.

Освобождали нас американцы, среди которых было много негров и меня поразило это, так как я вообще не знала, что бывают такие люди. Они нас, детей, угощали шоколадом, и это тоже мне запомнилось, как большое чудо! Запомнилось, как мы возвращались на Родину, через Альпы, где было очень много туннелей и, когда поезд проезжал через туннель, было очень-очень темно и мне было страшно.

волонтер Екатерина Зотова

Крылова (Кручонок) Елена Ивановна

1.04.1929, Острошицкий Городок Минской обл.

До войны я жила в д. Острошицкий городок. Пришли немцы, ворвались в дом, загнали в машину и повезли на станцию. Везли, как скот, в теплушках. Привезли в г. Альштет. Работала в хозяйстве у бауэра. Смотрела за скотом, выполняла всю тяжелую работу. Очень голодала.

Освободили американцы. Вернулась домой. На работу нигде не брали. Мама уговорила знакомого милиционера и тот помог устроиться в артель. Была портнихой. Я не училась никогда, у меня нет ни одного класса образования. Я плачу от своей жизни.

волонтер Алина Еремина

Левин Иван Михайлович

д. Борки

Моя родная деревня называется Борки. В конце 1942 г. нашу семью вывезли в Латвию. Мы попали к бауэру и до 1944 г. работали в его хозяйстве на сельскохозяйственных работах. Потом немцы отправили меня в лагерь в Любаве, а оттуда вывезли в Германию, где я работал на кирпичном заводе. Освободили нас американцы.

волонтер Александра Потапова

Лисицына Евгения Иосифовна

12.09. 1926, д. Вольберовичи Бегомельского р-на Минской обл.

9 июня 1943 г. была насильственно угнана в Германию. Работала на сельскохозяйственных работах у бауэра. Выполняла всякую тяжелую работу. Не знаю, как выдержала. 4 марта 1945 г. была освобождена американскими войсками.

волонтер Елена Расолько

Манкевич Галина Федоровна

17.01.1926, д. Ходосовичи Рогачевского р-на Гомельской обл.

С 1930 г. проживала в г. Бобруйске. В сентябре 1943 г. была насильственно утнана фашистами в Германию. Сначала в концлагерь «Пилау», потом на сельхозработы у бауэра в Восточной Германии, ближайший г. Кольберг. Доила нескончаемое стадо коров, убирала за скотом, работала не поднимая головы в поле. Терпела унижения. Жила впроголодь. В 1945 г. была освобождена нашими войсками, вернулась домой в город Бобруйск.

волонтер Полина Раценья

Неверович (Шабловская) Жанна Ксаверьевна

11.05.1937, д. Вишневка Минского р-на Минской обл.

В моей семье я была самая старшая. Мне было 7 лет. В июне 1944 г. нашу деревню сожгли, а нас погнали в Германию. Помню, как мы ехали, помню, как цвела картошка. Мы рвали эту картошку и жарили на костре, потому что есть было больше нечего. Коров доили просто на пол, потому что их надо было доить, а пить нам не разрешали. Голод был страшный.

Попали мы в концлагерь, а затем нас забрал бауэр на хозяйственные работы. Работали, конечно, родители. Я не работала, но была за главную (и еще бабушка была), а остальные маленькие дети. Жили в бараке с двухъярусными кроватями. Мы с папой спали на втором этаже (так я называла второй ярус кровати).

Помню еще, что там туалет был деревянный на улице. Я зайду в туалет, а мальчишки немецкие индюков во двор запустят и в дверь туалета камнями бросаются. Не выйдешь. Еще там речка была хорошая, красивая, прямо за туалетом. Два раза меня топили. Один раз хозяина сын спас, а второй просто кто-то, я не помню.

Названия точного я не помню, где мы были. Я написала Герда. Сестра написала Гедавян. В государственном архиве были документы, о том что мы вернулись 16 мая.

Помню, как мы назад возвращались. Нам ничего не дали. Мы ехали кто в чем. Мама надела на меня кирзовые сапоги. А была жара, может градусов тридцать. Мы долго шли до вокзала, целый день, и я натерла ноги до крови, а потом надо было еще долго переходить через пути. Пункт был расположен близко, но к нему нельзя было подойти из-за вагонов. А детям дала немка

какая-то (два брата было у меня: одному года не было, а другому было три) коляску. Мама везла их в коляске, а бабушку она усадила в повозку.

А потом вернулись домой. Приехали: ни крыши над головой, ничего. Спали в соломе. В одной квартире несколько семей. Одеть было нечего. Все по очереди носили. Люди будьте бдительны, и чтобы подобное никогда больше не повторялось в истории человечества.

волонтер Алексей Турцевич

Нефедова (Климкович) Раиса Александровна

23.05.1938, г. Витебск

В 1943 г. были угнаны в Германию, город Захсен Восточная Пруссия. Мать Климкович Анастасия Петровна работала на сельском хозяйстве, сестра работала на кухне, я оставалась в бараке, в холоде и голоде. Кормили плохо, а как хотелось кушать! Освободила нас Советская армия. Когда вернулись в Витебск, увидели, что дом наш фашисты разобрали на строительство переправы через реку Западная Двина. Приютил нас дедушка в землянке. Жили бедно. Совместными усилиями построили избу. В апреле 1945 г. мать получила похоронку на отца, который погиб, проявив героизм и мужество в бою. Похоронен в братской могиле г. Мамоново Калининградской обл.

Павловец Анна Кирилловна

18.06.1932, д. Велятичи Борисовского р-на Минской обл.

В 1941 г., когда началась война, отец, Павловец Кирилл, ушел в партизаны. После этого в нашей семье началась ужасная жизнь: нас преследовали полиция, мама два раза сидела в тюрьме.

В апреле 1944 г. нас арестовали: мать, меня и моих двух младших братьев. Вначале находились в тюрьме в Борисове, потом нас увезли в Германию в концлагерь, где нас купил бауэр. Мы работали на сельскохозяйственных работах. Младшему брату было 6 лет, второму 8 лет, мне 11 лет. Но это было лучше, чем концлагерь. Здесь было тяжело, мы работали, но все равно жизнь была лучше. Плохо было с одеждой, но были немцы, которые работали у нашего бауэра, приносили нам одежду, обувь и хозяин кое-что давал из одежды. Находились мы не помню в какой деревне, только помню, что город Кассель был недалеко от нашей деревни.

Три недели у нас прятались три военнопленных. Мы делились с ними своими пайками. После окончания войны они нашли город, потом и нас туда забрали, в лагерь, где собирались все узники.

Освободили нас в августе 1945 г.

волонтер Екатерина Телятникова

Парабкович (Купчинская) Тамара Дмитриевна,

1.07.1936, д. Вишневка Минского р-на Минской обл.

Зубковская (Купчинская) Валентина Дмитриевна

26.08.1943, д. Вишневка Минского р-на Минской обл.

В 1944 г. жителей нашей деревни вывезли в Германию, недалеко от г. Гердау. Кого-то в лагерь отправили, а мы попали к бауэру. Мама работала в огороде, бабушка кур обрабатывала, я с Валею свиней пасла. Кормили плохо. Освободили американцы. Вернулись на Родину. От нашей Вишневки осталось только четыре хаты, нашей не было.

Саченко Филипп Борисович

24.06.1939, д. Великий Бор Хойникского р-на Гомельской обл.

Жили мы в д. Великий Бор Хойницкого района. Когда началась война, отца забрали в армию и он погиб на войне. Мы, трое детей, остались одни, так как мама умерла еще перед войной. Старшему брату было 17 лет, сестре – 6, а мне – 3 года.

5 июня 1943 г. немцы окружили нашу деревню. Больше 100 человек загнали в колхозный сарай и сожгли живыми. Остальных жителей погнали на станцию, посадили в товарные вагоны и отправили в Германию. То, что мы с сестрой остались живы, мы обязаны нашему брату Николаю. Он, наверное, смог бы убежать, но нас не бросил.

В Германии мы оказались в лагере около города Галле. Нас и еще одну женщину, Ольгу Кушнер с дочкой Алей, взял к себе бауэр (под Магдебургом). Еда была положена только взрослым, поэтому две порции делили на пять человек.

Когда нас освободили, брата сразу забрали в армию, а нас Ольга Кушнер отвезла на Родину.

волонтер Андрей Бруй

Серко (Кишкурно) Елена Антоновна

16.08.1926, д. Рассохи Плещеницкого р-на Минской обл.

Наша семья: мама, папа и нас девять детей. Когда началась война, немцы у нас были уже на третий день. Многих мужчин, в том числе и отца, забрали еще в 1941 г. и никто не знал куда. Мать была беременная.

В 1942 г. в нашей деревни стали жить партизаны. Весной приехал карательный отряд. Люди начали убегать, но фашисты догнали и всех расстреляли. Там погибла моя бабушка, ей было 65 лет.

А ровно через полгода с самолета расстреляли и маму, ей было 42 года. После ее смерти остался малый ребенок, ему не было еще и двух лет. Отца тоже не было, я осталась самая старшая – мне было 16 лет.

Потом вернулся отец, замученный, мы его даже не узнали.

В апреле 1943г. каратели опять нас согнали в деревню в большой сарай, в дверях стоял немец с пулеметом. Потом нас выгнали на двор, построили и начали разделять. Одних повели в сарай, который потом спалили. Там был мой брат пяти лет, у него была сыпь. Меня и моего брата пятнадцати лет отвели в другой сарай, где уже были люди с других деревень.

Нас увели на второй день. Немцы ехали на лошадях, а мы босые шли пешком 20 километров. Там опять сарай и в нем мы жили несколько дней. Потом нас посадили в машины и повезли на поезд (кажется в Вилейку). Закрыли в вагон, дали по булочке хлеба и повезли в г. Зрорурт. Там жили в лагере месяц, а потом меня и брата увезли в город Эйзенах, где нас обоих забрал бауэр. Он увез нас к себе в деревню, где у него уже было 25 человек таких как мы. Там мы прожили до конца войны, работали на полях, выполняли самую тяжелую работу.

волонтер Алина Еремина

Хорошев Михаил Павлович

1929

Когда началась война, мы жили в д. Миронино Глинковского района Смоленской обл.

Немцы заняли деревню через три месяца. Рядом с нашей деревней протекает река Днепр. На одном берегу были наши, на другом – немцы. Такое положение линии фронта сохранялось в течение трех месяцев. За это время деревню нашу сожгли полностью и жили мы в землянках. Очень много жителей погибло.

Когда линию фронта прорвали и наши отступили мы ушли в д. Марьино. Нас у матери было четверо: две сестры и два брата, я – самый старший. Затем снова переехали в другое место, в партизанскую зону, где пробыли всю зиму. Однажды немцы устроили облаву, согнали очень много

народу, расставили вкруговую пулеметы. Мы уже попрощались, думали, что всех расстреляют. Но подъехал посыльный на мотоцикле, передал начальнику какое-то распоряжение и нас отпустили. Приехали мы в д. Уварово Починковского района. Это тоже была партизанская зона. Мой дядька был связным у партизан. Его семья снабжала партизан продуктами.

Однажды, когда везли продукты, опять попали в облаву. Нас долго допрашивали, избивали, спрашивали про партизан. Потом определили в своеобразную тюрьму: каменный мешок без окон, в камерах по 70–80 человек. Кормили очень плохо: утром вода, днем отбросы, вечером опять вода. Вечером вызывали на допросы, с которых возвращалась только половина людей. Некоторые умирали прямо в камере и могли лежать среди нас по несколько дней. Я все время говорил, что беженец, что ничего не знаю.

7 апреля нас вывезли в Германию, в г. Дассау. Там проводился физический отбор: смотрели зубы, щупали мускулы. Меня забрал пожилой полицейский и привез в г. Рослав. В мои обязанности входило уход за скотом и работа с лопатой в саду. Меня часто донимал сынок бюргера: обзывал, бросал камни. При случае я побил его. Он пожаловался матери и она стала бить меня палкой. Я убежал, но меня поймали и вернули обратно. Потом меня продали другому хозяину. Там жилось немного лучше.

8 мая 1945 г. нас освободили американцы и почти сразу же пришли наши.

волонтер Вероника Лозовская

**Цыганкова Прасковья Ивановна,
Цыганков Юрий Петрович**

В августе 1942 г. в Смоленской области немцы захватили всю нашу семью: мать, тетю и меня с сыном, вывезли в Германию. Там определили к бауэру. Взрослые с утра до вечера на полях, на ферме, а ребенка закрывали одного на чердаке. Ребенок просился на улицу и мать решила оставить его на дворе. Он мешал хозяину и тот поднял его и бросил на землю, как щенка. После удара о землю ребенок неделю был без чувств, выжил чудом.

Рядом с домом был лагерь военнопленных и мама стала оставлять ребенка там, а вечером забирала. Когда немцы стали отступать, детей погрузили на подводы, а взрослые шли пешком. Полицейский сказал, что детей будут использовать как доноров крови для немецких солдат. Матери удалось спрятать сына.

Освободили нас американские войска, переправили через реку Эльбу на советскую территорию. Когда вернулись, муж, узнав, что семья была в Германии, оставил нас.

Мне 94 года. Живем вместе Юрой. Такова судьба матери и сына.

волонтер Роман Куница

РАЗДЕЛ 4. УЗНИКИ КОНЦЛАГЕРЕЙ, ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Билецкая Зинаида Филипповна

Я москвичка. Перед войной училась в хореографическом училище при Большом театре. В столь суровое время не могла оставаться безучастной к происходящему вокруг. Как и многие мои ровесницы, пошла на 6-месячные курсы медсестер. Окончила их на отлично и попала на фронт. И сразу же – под Сталинград в 231-ю дивизию 66-й армии. Затем была Курская битва. Шли ожесточенные бои, было много убитых и раненых. Даже сегодня, спустя десятки лет, не могу без содрогания вспоминать те дни. А каково было тогда! Еще совсем юной мне пришлось на своих плечах выносить с поля боя под непрерывным огнем противника десятки раненых солдат.

9 мая встречала в Праге в составе 95-й гвардейской дивизии 5-й гвардейской армии. В тот день в городе еще продолжались в некоторых местах уличные бои, но все понимали, что войне конец. И мы – победили!

волонтер Елена Дорожинская

Бойкачев Василий Семенович

Те тернистые неровные дороги, которые мне были предназначены судьбой и Богом, начиная с пяти лет, я с большим трудом и муками преодолел и остался человеком.

Кто помог мне стать человеком? Отец и мать дали мне жизнь. Самые дорогие и близкие мне люди научили меня с детского возраста выполнять ежедневную посильную работу и в зимнюю стужу, и в летний зной, и в весеннюю распутицу, и в осеннюю уборочную кампанию, закалили меня физически. Растили меня не апельсиновым, не банановым, и не шоколадным мальчиком, эти вкусные вещи я видел только на картинках, да и то редко.

Не закутывали меня в шубки-дубленки и пуховые шарфики. Рос я мальчиком чернохлебным, бульбяным, сальным, молочным, аллейным, конопляным, капустным, бурачным, морковным, огуречным, кисельным, цыбульным, чесночным, клюквенным, черничным, грибным, рыбным... Редко

болел. Ранней весной, как только снег сошел с полей, мы босоногие мальчишки уже на улице. Да, все было...

Церковь посещал, и молитву выучил с раннего детства, и дважды в довоенное время переселение с деревни пережил, и по четыре часа в очереди за двумя буханками хлеба стоял, и поспешно заклеивал в школьных учебниках «врагов народа», красивые фотографии маршалов Советского Союза: Блюхера, Тухачевского, Егорова с большими звездами на петлицах, и верил, что напавшего на нас врага будем бить на его территории. И директора школы встречал с освободительной войны западных районов Беларуси, и оплакивал отцов моих сверстников, погибших в финской войне.

Пережил невозвратную утрату, смерть отца и бабушки в июле 1941 г. Видел, как дважды сгорел мой родной дом, перенес унижительный арест гестапо, пытки, концлагерь и каторжный непосильный труд в группе смертников в детском возрасте.

Предвоенная сложная обстановка, и та патриотическая работа, которая проводилась в это время с населением и школьниками оказала большое влияние на мое детское воспитание в школе и дома. Формировалась преданность и любовь к своему народу, родному краю, к земле и ненависть к врагу. Я готов был пожертвовать собой, мстить врагу за гибель своих родных и близких, за горе людей, их слезы, сиротство, несправедливость, а так же за то, что я и мои сверстники рано лишились детства, стали сиротами, инвалидами.

Пока будет светить солнце над головой, пока будет биться мое сердце в груди, я всегда по мере возможности делал и стремлюсь сделать много добра людям.

волонтер Анастасия Габрукович

Вагина (Савич) Жанна Леонтьевна

1927, г. Минск

В январе 1942 г. я встретила с ребятами, которых знала до войны. Мы жили в одном районе и занимались в кружках Дворца пионеров. Перед нашими глазами были все ужасы немецкой оккупации и мы очень хотели чем-то помочь Красной Армии в борьбе с захватчиками. Советские самолеты сбрасывали листовки с антифашистской агитацией, мы их переписывали и ночью расклеивали. Фашисты, под угрозой смерти, приказали избавиться от всех средств массовой информации. Кто не сдал приемники того расстреляли. Наш товарищ спрятал у себя в сарае радиоприемник, мы приходили и слушали Москву, что успевали, записывали и расклеивали.

В районе парка Челюскинцев находился лагерь военнопленных. Людей стогнали туда целыми пачками. Они шли, подгоняемые фашистскими дубинками, а кто падал, в того стреляли. Живые поднимали мертвых товарищей и несли их дальше на руках. Мы, как могли, помогали пленным: приносили лук, хлеб и другое, а также передавали листовки.

В городе начались облавы. Молодых людей хватали прямо на улицах и дома. Нужно было устраиваться на работу, чтобы получить «Аусвайс-документ». Ребята устроились на работу в Дом печати. Мне помогли устроиться на склад военного обмундирования, который находился в школе № 19. Моя знакомая, Влада Домбровская, позже я узнала, что она связная, пригласила меня якобы на вечеринку. Там был Николай Кедышко и другие ребята. Это были подпольщики.

В октябре 1942 г. мы стали членами подпольной молодежной организации «Андрюша», руководителем которой был Николай Кедышко. Ребята организовали группу под названием «Роберт» из пяти человек. Это были Марченко Георгий, Евстратов Анатолий, братья Зайцевы Вячеслав и Сигизмунд и я. Мне тогда еще и не исполнилось 16 лет, а мальчишки были на пару лет постарше. Возглавил группу Марченко. Наша организация была связана с горкомом комсомола, Заславский район, Жуковка, бригада «Штурмовая».

И вот я получила свое первое боевое задание. Работая на складе, у меня был доступ к немецкому обмундированию. Связная передавала мне бутылки с серной кислотой, которые я прятала на складе в ветоши, и когда охрана уходила на обед (мы приносили им самогон, чтоб они не спешили возвращаться), я часть одежды обливала кислотой, которую переправляли на фронт для фашистов, а часть передавала для советских военнопленных. Каждую минуту я рисковала жизнью, ведь любое неповиновение каралось смертью. Позже немцы стали что-то подозревать, и я поспешила уйти с работы.

В здании Академии наук стояла фашистская военная часть, оттуда немцев отправляли на фронт. По поручению подпольной организации я устроилась туда на работу уборщицей, а также помогала на кухне. Именно на кухне часто собирались немцы и вели разговоры, а я все передавала старшему группы: количество машин отправленных на фронт и другое.

Многие мои знакомые стремились помочь подпольщикам, кто работал в больнице приносили медикаменты, бинты и т.п., кто работал в типографии приносили чистые бланки, которые были очень нужны.

Летом 1943 г. в Пушкинский поселок (сейчас это район Лагойского тракта) часто приходили словаки Они играли на губной гармошке и устраивали танцы. Молодые люди вели себя свободно, искали сближения. Их насильно мобилизовали немцы. В общении со словаками разговор заходил о положении на фронте и о партизанах. Я предложила им постирать белье и они несколько раз ко мне приходили. Познакомившись получше, я спросила могут ли они достать оружие. Они сказали, что нужны деньги, чтобы подкупить немецкого солдата. Домбровская передала мне марки, а я рассчиталась ими со словаками за оружие. Они принесли пистолет, гранаты и патроны. Все было передано связной. Позже я познакомила их с Кедышко и девять словаков и пленных переправили в отряд.

Наша группа следила за поездами по линии Минск – Москва. Эти данные были особенно важны, так как они характеризовали передвижение противника по магистрали, по которой фашистские войска и технику перебрасывали на центральный участок фронта.

В октябре 1943 г. обстановка в Минске усложнилась. После убийства Кубэ хватали на улицах всех подряд. Мой отчим Ясинский Федор Степанович был связан с партизанами и по заданию работал тогда в Генеральном Комиссариате рабочим, его расстреляли.

Начались бесконечные аресты. В нашей организации оказался провокатор. Немцам стали известны фамилии и адреса подпольщиков. За несколько дней арестовали многих членов подпольной организации, которые находились в городе. Мы находились в полном неведении.

За Николаем Кедышко долго охотились. 6 ноября 1943 г. он отправился с небольшой группой на явочную квартиру, а там его уже ждали. Завязалась ожесточенная перестрелка, Подпольщики сражались до конца. Николай был ранен и последнюю пулю он послал себе в сердце. Кедышко посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

11 ноября 1943 г. я была арестована на работе Смоленским СД, где служили предатели полицаи и другие нелюди. Там же размещалось Управление безопасности. Невзрачное здание по улице Островского. Меня привезли и бросили в подвал, где лицами к стене стояли и сидели люди. Там я увидела всех своих ребят, они тоже были арестованы. Сначала меня допрашивал русский. Его интересовало, сколько я отправила словаков в отряд, кто организовал нашу группу «Роберт» и т.п. Ему итак было многое известно. Я все отрицала, тогда полицай начал меня бить по лицу и по голове. Затем допрос продолжил немец. Я уже не слышала его вопросов. Он избивал меня, пока я не потеряла сознание. Этот ад продолжался несколько дней, а

затем меня перевели в тюрьму и посадили в одиночную камеру, позже перевели в общую. В тюрьме я пробыла больше двух месяцев. Из тюрьмы меня перевезли в концлагерь по улице Широкая. Из лагеря были три дороги: в ров, в печь в Малом Тростенце или на каторгу. 15 февраля 1944 г. нас погрузили в вагоны из-под негашеной извести. Составы набили людьми как селетки в банках, почти не кормили. Пока ехали, в дороге умерло много людей. И вот поезд остановился. В щели вагонов я увидела страшные трубы крематория. Это был лагерь смерти Освенцим. Там, не выходя из вагонов, мы простояли несколько дней. Люди тихо ждали своей участи без еды и воды. Нескольких вагонов с людьми оставили в Освенциме, страшно даже думать, что их там ждало. Затем поезд поехал дальше, куда, мы не знали. Высадили нас уцелевших в г. Гацбургсе, здесь была нужна фашистам рабочая сила на меловых шахтах. Работали мы в ужасных условиях, дышать было нечем. Затем нас переправили в концлагерь Эштанах. За ним находились два барака с больными тифом и другими страшно-заразными заболеваниями. Немецкие врачи приходили, брали кровь у больных и делали им какие-то уколы. Меня и еще трех девушек привезли к этим баракам и оставили на ночь с охраной. Мы там убрали и делали всю тяжелую и грязную работу. Друзья французы рассказали, что фашисты планируют сжечь бараки вместе с больными и естественно с нами тоже. Нам удалось бежать и скрыться во французской деревушке в подвале, очень помогли местные жители.

Войска Союзников стояли близко от города и немцы поспешно стали уезжать. В октябре 1944 г. мы были освобождены войсками союзников. В г. Люксембурге мы прошли регистрацию, где переписывали всех советских граждан, вывезенных фашистами в концлагеря. Затем нас привезли в г. Тарту, где мы ожидали отправки на Родину.

30 сентября 1945 г. я вернулась в Минск. Я летела туда на крыльях, я всеми клеточками своего тела и души стремилась на Родину. Часто мои внуки спрашивают меня: «Бабушка, почему же ты не осталась во Франции, такой цветущей, благополучной стране, а захотела вернуться в разрушенный, голодный и обнищавший после войны Советский Союз?» А я им с улыбкой отвечаю: «Дорогие мои, там нет наших белоствольных березок, там все чужое, не мое. Я стремилась на Родину, хоть и не знала живы ли мои родные и так надеялась, что они выжили».

Мы часто встречались с друзьями на 3 июля и 9 мая. Возлагали цветы на аллею героев. Вспоминали, что нам пришлось пережить. К сожалению уже многих нет в живых.

Я хочу закончить свои воспоминания словами Гамзатова:

Все, что мы защищали и вам защищать.
Все, что мы завещали и вам завещать.
Потому что свобода не знает цены,
Вы о нас никогда забывать не должны!
Люди крепите мир!

Вагина (Савич) Жанна Леонтьевна награждена Орденом Великой Отечественной Войны, медалью за победу над фашистской Германией, знаком ветерана Великой Отечественной войны и еще 11 медалей.

Глядко Наталья Афанасьевна

В 1941 г. я закончила 6-й класс. За неделю до начала войны приехала к сестре в Москву. Там я и застала день 22 июня. Сестра моя закончила фельдшерско-акушерские курсы и работала в больнице. Позже на ее базе был создан полевой хирургический госпиталь, руководил которым полковник Репин. Меня вначале брать в госпиталь не хотели, поскольку мне тогда еще не было 15 лет. Но сестра моя уговорила начальника. Мол, девочка, наверное, стала сиротой (мать моя находилась на оккупированной территории и о судьбе ее ничего не было известно), и ей будет лучше рядом со мной. В общем, меня оставили. И я, таким образом, всю войну пробыла на фронте. Госпиталь наш относился ко 2-му Белорусскому фронту и всегда находился в нескольких километрах от передовой.

Самые тяжелые бои были уже после освобождения Белоруссии – в Польше и Германии. Помню, какое ожесточенное сражение проходило возле города Лигнец. Как-то раз немецкие самолеты по наводкам притаившихся в лесах бандитов целенаправленно бомбили наш госпиталь. Все бросились в убежище, а мы с сестрой не успели. И прямо на наших глазах одна бомба попала прямо в это укрытие. Погибло много раненых и более ста человек обслуживающего персонала. После этого случая никогда больше не прятались в убежище.

Наш госпиталь встретил Победу в Берлине, после чего нас снова отправили в Лигнец, где была организована Северная группа войск под руководством маршала Рокоссовского. Там скопилось много раненых, а также репатриантов, которых не пускали на родину. Долгое время не отпускали и нас. Лишь в 1949 г. я вернулась на родину, приехала к сестре в Минск, где и осталась жить.

волонтер Александр Перов

Глядко Наталья Афанасьевна,
Кучерявенкова Галина Павловна

20.09.1928, д. Бердяево Сафоновского р-на Смоленской обл

Родом я из Смоленщины, отец мой Павел Прохорович Кучерявенков, был человеком известным и уважаемым в тех местах, – работал директором школы. Мать Клавдия Дмитриевна – чуткая, добрая женщина, обладала исключительной скромностью, даже не без сентиментальностей, что находилось вне житейских интересов и забот хозяйки в большой семье. У родителей было трое детей, росли мы окруженные родительской лаской, в атмосфере заботы и взаимопонимания.

Навсегда запомнились годы моего детства проведенного в д. Кремяное, очень живописное, можно сказать даже уникальное в своем разнообразии и сочетании рукотворного и природного творчества место. Все здесь дышало красотой и привольем. Летом – купанье, катание на лодках, рыбалка, осенью – походы за грибами и ягодами, зимой после школы – лыжи и коньки. Просторная библиотека с книгами в толстых кожаных переплетах, была самым любимым местом в доме, где мы собирались всей семьей, и часто целые зимние вечера отводились чтению в слух какого либо произведения, – так незаметно летело там время. Пожалуй, то была самая счастливая пора жизни для нас.

Война! Для меня пришло сначала только как слово, полное таинственного и загадочного значения, но еще лишеного какого-то прямого практического смысла. Но день за днем с тяжелой неумолимостью она все больше входила в окружающую жизнь. Отца и старшего брата призвали в армию, нас осталось трое – мама, брат – (он не достиг призывного возраста) и я.

Шли войсковые части – туда, на запад, к фронту. Ехали на повозках и на машинах, солдаты все были молодые, в новеньких гимнастерках, пыльные и веселые. Грузовики тянули за собой пушки. Потом все чаще стали появляться беженцы. Иные ехали на телегах, иные шли пешком – измученные со скarbом и детьми.

Фронт приближался, проходили части недавно побывавшие в боях, их перебрасывали с одного участка фронта на другой. Эти солдаты уже не походили на тех, первых. Они были небриты, в грязных и мокрых от пота гимнастерках, такие же пыльные, но уже не веселые, а сумрачные, даже злые. Только накануне говорили, что фронт еще далеко и что думать об отъезде рано. Хотя мы житейски готовились ко всему, заботились о жизни не своей так своих близких, не сегодняшней – так завтрашней, возможной,

предположительной. Закапывали хлеб, пожитки. Это на случай оставления родных мест, и в надежде на возвращение в конце концов, и с заботой о том, чтобы хоть что-нибудь найти здесь для жизни с начала. На случай ухода в неизвестные места сушили сухари, готовили одежду, чтоб в глаза не бросалась и была прочнее в носке.

Все произошло внезапно. Раздался оглушительный рев низко идущих самолетов, вразнобой захлопали зенитки, загрохотали тяжелые взрывы бомб. Мы слышали не только вой падающих бомб, но и особый пронзительный свист снарядов, а с запада доносились орудийные выстрелы. Позднее нам сказали, что немцы прорвали фронт и вдобавок в тыл был сброшен большой парашютный десант. Наши части отошли совсем не далеко и заняли оборону. За спиной этих войск проходила железнодорожная линия. Железную дорогу надо было удерживать во что бы это не стало, иначе дивизии, сражавшиеся западнее и медленно отходившие оказались бы под угрозой окружения. Наверное наши части получили приказ стоять насмерть. И они стояли почти месяц, как не рвался вперед враг. А потом отошли, по приказу же, отошли организованно, с аррьергардными боями, в сторону Москвы.

Какое-то время мы тоже двигались вместе с отступающими войсками, попадая из одного кольца окружения в другое, пока дальнейшее продвижение стало уже невозможно. Никто точно не знал, сколько еще переходов оставалось до линии фронта. Пришлось возвращаться в родные места, где уже прокатилась война, неся с собой смерть и разрушения. Но есть такие места, которые с полным правом можно назвать многострадальными, ибо борьба здесь оказалась особенно долгой и жестокой, война принесла сюда особенно сокрушительные бедствия. В таком оказались и мы. Несколько раз переходили они из рук в руки, вся земля была перепахана снарядами и танковыми гусеницами, засеяна пулями и осколками, война собирала здесь свою обильную страшную жатву.

Вот несколько выдержек из писем, которые мы писали отцу:

19/VI – 42г.

«Нас взяли в армию, стоим от дома 9 км. В Кремьяном немец прошел только фронтом, но натворил делов, что ты его не узнаешь, а в декабре боялись партизан и к нам не ездили, а там уже действительно и окончательно освободились от этих зверей. Как тянулись эти долгие дни когда наши войска отступали. Над пленными он издевался даже нельзя себе представить. Массовые расстрелы, избиения, не кормили, заставляли работать. Мирное население гоняли на расчистку дорог, постройку мостов и всякие различные работы. Первое резиновые дубинки, березовые

палки, розги и все, чем можно издеваться над человеком. Всех зверств этих гадов описать на бумаге нельзя».

22/XI – 42г.

«В боях не бываем, но бывают моменты, что находимся в большой опасности. Ходим подрывать мосты, минировать дороги в тыл противника».

На то время у нас был такой почтовый адрес:

– «Действующая армия. Почтовая полевая станция 78, п/я 2, подразделение Амеличева».

Я думаю, оба эти документа говорят сами за себя и не нуждаются ни в каких комментариях.

Здесь в окружении я впервые осознала, увидела как война влияет на человека, а это будничные люди, спокойно занятые будничным делом, а дело это – война, в «настоящем» ее вырождении – в крови, в страданиях, в смерти.

Красноармейцы и партизаны контролировали район, победы воодушевляли людей, но радоваться было рано, все знали, что обстановка в самом деле становилась критической. Немцы не оставят у себя в тылу боеспособную единицу. Только теперь можно понять, представить, насколько серьезно было наше сопротивление противнику при общем отступлении.

Вдруг в тылу стоит регулярная часть, стоит не сходя с места, пока есть чем сражаться и с этим надо сладить, прежде, чем двинутся вперед, положить немало своих людей, потерять дорогое время, привлечь дополнительные силы и средства, возможно даже отозвав их с фронта.

И кольцо врага день ото дня суживалось, наступал финал этой трагедии, центром которой стали наши укрепленные рубежи. Здесь на выгодных позициях можно было долго продержаться, об этом немцы хорошо знали и бросили в бой крупные силы.

Шли танки и бронетранспортеры с автоматчиками, велся обстрел из пушек и минометов, которые подтянул сюда противник. Но несмотря на вой самолетов, летящих на бреющем полете и прицельно сбрасывающих бомбы, а выходя из пике, расстреливающих людей из хвостовых пулеметов, неравная борьба продолжалась несколько дней. И как только показывались зеленые цепи атакующих немцев, меткий огонь защитников вычесывал ряды гитлеровцев заставляя их снова залечь, который впрочем, слабел, сопротивление прекращалось. Только горсточка военных с винтовками и гранатами без колебаний выполняли свой долг, свою боевую задачу.

Бой шел на огородах уже сожженной деревни. Жители в ямах. Обстрел. Наши бойцы отбивают атаки, уже многие ранены, положение почти безнадежно.

Силы были не равными – бойцы с одними винтовками уже не могли долго держаться против бронированных машин. Их уцелело не много и они понимали, что долго не продержаться. Выход оставался один – попробовать пробиться из осады с боем, и отдельные группы, человек по 10–15 пытались контратаковать, прорваться через цепи противника, уйти в спасительный лес.

В одной из таких групп был мой брат, но позже мы узнали, что в лесу солдаты попали в засаду и в перестрелке Сережа погиб, а он ведь был совсем ненамного старше меня и навсегда остался таким, же шестнадцатилетним.

Все, кто не смог вырваться и остался жив, в том числе и я с мамой попали в плен. Переводили нас из одного лагеря в другой. Жили мы и за колючей проволокой, и в комнате из грязных досок под крышей-потолком стандартного немецкого дома-барака, и в других местах, куда нас определяли. Гоняли на работы, бывало почти к самому фронту. Валили и вывозили лес, делали просеки, копали окопы, противотанковые рвы, капониры. Пока норму выработаешь так и в глазах потемнеет, не знаешь как до лежанки дойти. Немцы нас не бросают, ведут дальше с собой, и не знаем куда.

В конце февраля 1944 г. пригнали в концентрационный лагерь, который располагался примерно в километрах двух от местечка Озаричи, там в неволе содержали тысячи граждан из белорусских, а как же Смоленской и Брянской областей, многие болели тифом. В отличие от других виденных мною лагерей – это был лагерь смерти, где совершенно беззащитные люди, длительное время без еды и теплой одежды находились за колючей проволокой под открытым небом. Трудно представить себе страшную картину этих дней. Воздух здесь был пропитан запахом нечистот и запахом, который всегда отличишь – трупный, смрад гниющих тел, лежали раздувшиеся мертвецы, молчаливо бродили люди, исхудавшие, шатающиеся от голода и болезней. Уже не было никакой надежды но то, что нас выручат, и только бешенная ненависть к врагу да гордое, упорное желание не подчиняться его злой воле даже ценой своей жизни – только эти чувства еще заставляли нас жить и бороться.

В один из дней середины марта 1944 г. мы увидели, что лагерь не охраняется, немцы сняли посты и ушли, но весь периметр и прилегающая территория были заминированы и многие из тех, кто пытался выйти, подорвался на минах. А утром следующего дня подошли наши войска – (65^я армия), саперы сделали проходы в минных полях и оставшиеся в живых люди покинули это ужасное место.

Но война продолжалась – Советская армия дальше теснила врага и после госпиталя мы с мамой были в 28-й действующей армии 3-го Белорусского фронта, Воинская часть 13581 – 429-й полевой прачечный отряд.

Позднее, когда мы двигались с нашими войсками на запад я много раз видела, как по сторонам фронтовых дорог большими, вольными толпами идут люди из немецкого плена, они еще не привыкли к тому, что идут без конвоя, что могут громко разговаривать, отдыхать по пути, где вздумается, многие еще не знают, что ждет их в родных местах. А я знала, что мы вернемся на родину и не сможем найти место, где был наш дом и сад, где росли деревья. Не найти вообще ни одной приметы того клочка земли с которым связано все лучшее, что есть во мне.

Начался новый этап в моей жизни и тяготы армейского быта тоже не забываемы. В боях я не участвовала – работала зато много в санпропускнике, в госпитале, в банно-прачечном отряде – куда ежедневно поступали из госпиталей тюки белья, перевязочных материалов. Все стирали вручную. Шли мы всегда вторым эшелоном за армией в след и так до самой Германии.

Как то в конце 1980-х годов на встрече посвященной чествованию ветеранов войны меня попросили – «Вспомнить, что-нибудь веселое». – не было тогда веселого, – только и смогла я сказать сквозь слезы:

А были дороги войны, на которых я могла остаться без вести пропавшей, видела смерть не раз, была под бомбежкой и артобстрелом, шла через минные поля, мерзла в окопах и спала в снегу, болела, голодала, работала до изнеможения. Хватило мне военного лихолетья сполна, но все равно я чувствую себя в неоплатном долгу перед не вернувшимися с войны.

волонтер Павел Чугаев

Лукьянов Георгий Иванович

В мае 1941г. по окончании Военной академии им. Фрунзе в Москве я был направлен на Корейский перешеек в звании капитана помощником начальника оперативного отделения штаба 142-й стрелковой дивизии.

Мое прибытие на место службы совпало с началом учений.

21 июня командующий округом генерал-полковник Петров вызвал нас к себе на разбор программы учений. Во время собрания в комнату зашел адъютант командующего и что-то ему сообщил. После этого генерал-полковник обратился к нам: «Товарищи офицеры, все по домам. Я вызван к Сталину». Стало ясно, что война вот-вот начнется.

Мы поехали в Ленинград. Утром 22 июня на одной из остановок ребяташки нам сказали, что началась война. 23 числа пришел в штаб

дивизии, а дивизия уже ушла на фронт. Хорошо, что еще до того, как уехать на учения, я выяснил, где будет находиться штаб, если начнется война. Узнать это было непросто, поскольку информация держалась в строгом секрете. У начальника штаба так и не удалось выяснить это. Пошел к начальнику оперативного отделения. И он мне показал на карте то место. Благодаря этому мне удалось найти штаб своей дивизии. Ночью 24 июня я уже докладывал начальнику штаба о своем прибытии. Когда он узнал, каким образом я нашел место расположения дивизии, то похвалил меня за упорство. Наша дивизия защищала Ленинград на Корейском перешейке.

Летом 1944 г. мы успешно наступали, овладели Выборгом. Затем освобождали Эстонию. 7 сентября дивизия находилась недалеко от Пярну. Командир дивизии уехал с передовым отрядом, а я находился в штабе дивизии. В это время представитель штаба корпуса вручает мне приказ, в котором сообщалось, что наша 90-я дивизия должна остаться в резерве, не доходя примерно 20 километров до города. Связаться с командиром дивизии было невозможно. Прежде чем выполнить приказ, я позвонил в соседние дивизии. Оказалось, что все они находились сзади от нас на 25 километров. Получалось так, что передовая дивизия должна была остаться в резерве. И тогда я принял решение идти вперед, освободить Пярну. Два стрелковых полка посадил на имевшиеся в наличии машины, третий полк пошел пешком. Уже позже, когда мы взяли город, командующий корпусом спросил у меня, почему я не выполнил приказ. Обрисовав ему сложившуюся ситуацию, я сказал: «Я кончал военную академию не для того, чтобы выполнять бессмысленные приказы». В общем, за невыполнение приказа мне вручили орден Красного Знамени. Ведь город мы все-таки освободили...

волонтер Анна Ковалевич

Шамота Николай Федосеевич

1941 г. я окончил Буйнакское военно-пехотное училище и по предписанию был направлен для прохождения дальнейшей службы в Западный военный округ. По дороге к месту службы, в Москве, меня и застала война. Вместе с двумя товарищами мы сразу же поехали на Белорусский вокзал, оттуда спецпоездом отправились в Минск.

Уже на следующий день после приезда в Минск мне довелось допрашивать сбитого немецкого летчика. На все вопросы он отвечал: «Хайль Гитлер! Сталин капут». Уже тогда я понял, что война будет непростой, жестокой, и нам придется приложить все силы, чтобы защитить свою Родину. Из Минска я отправился в Полоцк, в 42-й укрепрайон. Но оборонялись мы

недолго. Вражеская армада прорвала нашу оборону, и мы попали в окружение. Неся большие потери в ожесточенных боях, мы отступали. К тому времени я был направлен в 259-й стрелковый полк 174-й дивизии.

Отступая, мы понимали: нужно время, чтобы собрать силы в кулак и дать врагу отпор. И на рубеже Калининской области дивизия дала врагу настоящий бой. Именно с Калининского фронта и началось наше победоносное наступление. Вначале было взятие г. Чаусы, превращенного немцами в мощнейший укрепрайон. Затем было освобождение Могилева. Дальше была дорога на Минск. И 3 июля 1944 г. столица нашей республики была освобождена. После этого я остался в Минске для восстановления города и обеспечения безопасности находящихся там войск.

День Победы я встретил в Несвиже, где мы вели борьбу с местным бандитским антисоветским подпольем. Это был незабываемый день. Это был праздник, которого мы ждали столько лет.

волонтер Елена Дорожинская

РАЗДЕЛ 5. МОСТЫ И ДИАЛОГИ ПАМЯТИ: ВОЛОНТЕРСКАЯ РАБОТА

У целого поколения детей, рожденных в Советском Союзе с 1928 по 1945 годы, было украдено детство. «Дети Великой Отечественной войны» – так называют сегодняшних 80-летних людей. И дело здесь не только в дате рождения. Их воспитала война. Война отучила этих детей плакать.

Их заставляли выносить человеческий пепел из крематория и зашивать его в мешки, чтобы потом этим прахом удобрять землю. Из них делали кровяных доноров для немецких солдат. Их цинично сортировали на пригодных и не пригодных к работе: вышел ростом, достаешь до нарисованной на стене барака линии – будешь служить «великой Германии». Ниже указанной отметины – отправляйся в печь. И отчаянно тянулись вверх ребята, становились на носочки, казалось, обманут, останутся в живых. Но беспощадной машине рейха малыши не нужны и она пустит их в топку, чтобы наращивать и наращивать обороты.

В постсоветское время возник общественный интерес к памяти и судьбам оstarбайтеров, но они сами оказались не готовы поделиться своими воспоминаниями.

По приезду в Германию юные оstarбайтеры столкнулись не столько с принуждением к труду, сколько, практически, с разрушением собственной идентичности. Вчерашние школьники в Германии столкнулись с тем, что были вынуждены идти работать на завод, в услужение, которое совершенно противоречило тому опыту социализации, который они получили до момента вывоза на принудительные работы. Семейная атмосфера заменялась духом бараков.

И, тем не менее, во многих интервью звучит пронзительная тоска по Родине, которую не могли перекрыть все лишения, выпавшие на долю оstarбайтеров.

В том далеком 1945 г. мы освободили не только свою страну, но избавили все человечество от фашизма. На защиту своего Отечества тогда встал весь народ от мала до велика и победу ковали все вместе. Дети наравне со взрослыми. Так не должно быть. Но ведь было же.

Дети – самая незащищенная часть общества, требующая повышенной заботы и внимания. Дети, о которых пойдет речь в книге, слишком рано стали взрослыми. Они на себе извели все ужасы войны. Не просто войны, а ужасы, страдания, унижения плена. Но сердца их не очерствели. Они, дети военных лет, сохранили свои особые, очень личные воспоминания о своем

детстве. Личные – значит выстраданные, очень тяжелые. Но такие, о которых и сегодня молчать нельзя.

В нашей школе № 137, носящей имя П.М. Машерова, есть музей бывших малолетних узников фашизма. Именно поэтому в 2004 г. немецкое общество «Контакты» при поддержке немецкого фонда «Память, ответственность и будущее» предложили нашему учебному заведению участвовать в проекте «Учащиеся помогают бывшим принудительным рабочим и другим жертвам нацизма в Беларуси, России и Украине».

На базе 10–11-х классов был создан отряд волонтеров в количестве 22 учеников. Волонтеры оказывали социально-психологическую помощь бывшим остербайтерам, в настоящее время проживающим в Первомайском районе города Минска: уборка и косметический ремонт квартир, доставка продуктов и лекарств, совместное чтение и обсуждение материалов СМИ, экскурсии в музеи и на выставки, посещение театров, выезды на природу, праздничные поздравления, совместное участие в школьных вечерах и другие мероприятия.

В феврале 2005 г. в рамках проекта «Песни для дела мира» был создан хор «Судьбы», в котором участвуют волонтеры и бывшие малолетние узники нацизма.

По инициативе волонтеров, при поддержке и помощи фонда «Взаимопонимание и примирение» бывшие малолетние узники нацизма ежегодно проходят курс лечения и оздоровления в госпитале для участников Великой Отечественной войны.

Бывшей узнице О.П. Желабкович в январе 2005 г. сделана глазная операция в клинике «Новый взгляд». Малолетние узники Хацкевич Е.И., Неверович Ж.К., Желабкович О.П. прошли курс лечения в реабилитационном центре «Элеос» при Доме милосердия. Организационные и бытовые вопросы в ходе данных акций были выполнены волонтерами.

Волонтеры были приглашены и приняли участие в тематическом семинаре, который проходил в Москве. В ходе этого мероприятия с ребятами работали профессиональные врачи, социологи, журналисты, которые учили детей, как себя вести при общении с пожилыми людьми, как брать интервью. На этом семинаре волонтеры СОШ № 137 представили фотовыставку «Дети войны», которая в течение полугода выставлялась в Совете ветеранов на Поклонной горе в Москве и имела большой успех.

Волонтеры принимали немецких учеников из Свободной Вальдорфской школы Берлин-Зюдост. Этот приезд был связан с работой хора, в репертуаре которого десять песен о войне. Предварительно наши и немецкие школьники

подготовили рефераты на тему «Песни для дела мира», провели конкурс плакатов на эту же тему. Проведя несколько совместных репетиций, объединенный хор выступил на ряде предприятий города Минска. Была проведена акция по посадке деревьев Мира на территории Дома милосердия, в заключении которой школьники запустили в небо голубей.

Волонтеры СОШ № 137 посетили с ответным визитом город Берлин, где хор провел выступления в церкви «Ауэнкирхе», в Театре документального спектакля «Остарбайтеры», на празднике, посвященном миру на земле. Был выпущен компакт-диск «Песни для дела мира».

Наши волонтеры приняли участие в международной встрече волонтеров Беларуси, России, Украины и Германии, которая проходила в городе Киеве. Ребята рассказали друг другу о проделанной работе, поделились планами на будущее, соревновались в интеллектуальных, творческих, трудовых и спортивных мероприятиях. Проект «Песни для дела мира» был высоко оценен и стал лауреатом конкурса международных проектов.

Проекты заканчиваются, аплодисменты угасают. Благодаря инициативе и поддержке директора СОШ № 137 Шиловой Н.А. продолжает свою деятельность хор «Судьбы», создан клуб «Дом без одиночества».

В 2008 г. начал свою работу проект «Белорусско-немецкая помощь и морально-психологическая поддержка бывших узников, проживающих в Первомайском районе г. Минска». Руководитель проекта – Змушко Г.И., председатель общественной организации Первомайского района Минского городского объединения бывших малолетних узников фашизма. Волонтеры продолжают свою работу в рамках этого проекта.

Работа волонтеров закреплена официальными документами: Положением о волонтерском движении и Уставом, которые определяют цели и задачи движения, права и обязанности волонтеров.

Ученики приняли участие в работе первого и второго международных форумов волонтеров.

Много теплых слов хочется сказать о работе хора «Судьбы». Руководитель фонда «Взаимопонимание и примирение» Герасимов В.Я. помог приобрести костюмы для участников хора. Благодаря энтузиазму и трудолюбию участников о хоре теперь знают не только в Первомайском районе. Хор стали приглашать для выступлений на различные предприятия и мероприятия в городе Минске: в школы, на заводы в воинские части и пр.

Два народных деятеля Беларуси, поэт Гилевич Н. и композитор Зарицкий Э., написали песню для волонтеров СОШ № 137 «Делать добро,

дарить свет». Есть надежда, что после выхода в свет этой книги, песня станет гимном всех волонтеров в Беларуси.

Есть еще одна особенность книги. Она иллюстрирована детскими рисунками. Возраст детей, которые языком красок рассказали о тех трагических днях, от 7 до 14 лет. Огромная благодарность учителям Удодовой Г.А. и Синькевич Е.Е., которые вместе с учениками, читая воспоминания, пережили трагедию этих людей и помогли им рассказать об этом в своих картинах.

Начиная с 2004 г., сменилось четыре состава волонтеров. Самым главным является то, что все эти годы они собирали воспоминания людей о тех страшных временах. Эти воспоминания не нуждаются в комментариях. Простые воспоминания, истории ужаса и страданий, перенесенных маленькими девочками и мальчиками.

В настоящее время по всей планете более 300 000 детей принимают участие в вооруженных конфликтах. Эти мальчики и девочки, некоторым из которых по 7 лет отроду, служат вместе со взрослыми в правительственных войсках, повстанческих группах, партизанских формированиях. Значит надо говорить, писать, встречаться с очевидцами. Очень много зависит от людей. Мы уверены, что те, кто прочтет эту книгу, равнодушными не останутся. Такого быть не должно, иначе ради чего мы живем.

Л.И. Щеникова – учительница истории СОШ № 137

РАБІЦЬ ДАБРО, ДАРЫЦЬ СВЯТЛО

ПЕСНЯ ВАЛАНЦЁРАУ СОШ № 137

Музыка Эдуарда Зарыцкага

Словы Ніла Гілевіча

Ба-дзёра

Ва-лан-цёр. Ма-ё прыз-ван-не ра-біць даб-ро, да-

рбіць свят-ло, цяп-лом ду-шам дзя-ліць-ца з ва-мі, ту-ліць даб-рых

Дог крн-но. у ча-ла-ве-тай гра-мо-зе я

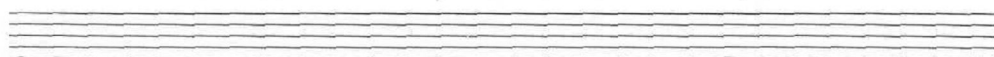
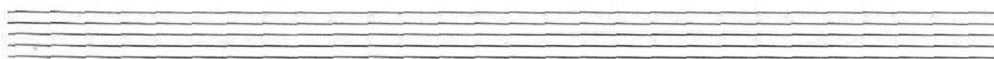
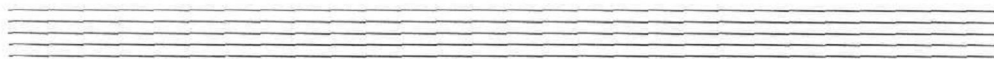
не цам-рэх-ма-не вэ-зе, мне све-ццц

зор-ка ва-лан-цэ - ра. Б-з.

-гуш-на я не а-бы-гу та-ра, хо-тра-пц

Handwritten musical score for a song. The lyrics are in Russian: "У бя-гу, ка-ро у жьны-цы спае-цир-ла ро-ра. я // ро-ра."

The score is written on five systems of staves. The first system includes the lyrics "У бя-гу, ка-ро" and "у жьны-цы спае-цир-ла". The second system includes the lyrics "ро-ра." and "я // ро-ра.". The third system includes the lyrics "ро-ра." and "я // ро-ра.". The fourth system includes the lyrics "ро-ра." and "я // ро-ра.". The fifth system includes the lyrics "ро-ра." and "я // ро-ра.". The score features various musical notations, including notes, rests, and dynamic markings.

ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНИКОВ
СШ № 137 ПЕРВОМАЙСКОГО РАЙОНА Г. МИНСКА

I. Общие положения

1. Настоящее Положение устанавливает основы регулирования волонтерской деятельности учеников СШ №137, определяет направления деятельности волонтеров, возможные формы поддержки движения.
2. Волонтерская деятельность – добровольное и бескорыстное движение учащихся школы в возрасте до 14 лет и старше.
3. Деятельность волонтеров направлена:
 - 3.1. на гражданское и патриотическое воспитание молодежи;
 - 3.2. на оказание помощи пожилым людям, бывшим малолетним узникам нацизма, проживающим в Первомайском районе г. Минска;
 - 3.3. на формирование навыков общения со сверстниками, людьми старшего возраста, основанных на уважении, сопереживании, ответственности.
4. Общее руководство и контроль волонтерской деятельностью осуществляет администрация школы.

II. Цель и задачи волонтерской деятельности

5. Основным содержательным аспектом волонтерской деятельности является воспитание и обучение школьников для работы в области национальной самоосознанности молодежи.
6. Целью волонтерской деятельности является консолидация учеников и педагогов в деле формирования сознания защитника общественных интересов, умения сопереживать, воспитания чувства уверенности и ответственности.
7. Задачи:
 - 7.1. формировать приверженность государственной идеологии, воспитывать патриотизм и гражданственность;
 - 7.2. прививать сознательное отношение к проводимой работе по оказанию помощи людям, конкретному человеку;
 - 7.3. формировать знания, необходимые волонтерам для проведения просветительской деятельности;
 - 7.4. развивать умения и навыки общения с людьми, особенно пожилого возраста;
 - 7.5. пропагандировать и популяризировать свою деятельность, доносить до людей ее необходимость и полезность, вовлекать в волонтерское движение новых участников.

III. Направления волонтерской деятельности

8. Просветительская деятельность:

- 8.1. пропаганда знаний, направленных на освещение целей, задач и необходимости волонтерского движения;
- 8.2. обучение правилам общения с людьми, особенно с одинокими пожилыми, разъяснение необходимости оказания им помощи;
- 8.3. участие в организации и проведении тематических мероприятий.

9. Социальная деятельность:

- 9.1. оказание различной помощи бывшим малолетним узникам нацизма;
- 9.2. организация и проведение в жизнь проектов по социально-психологической помощи одиноким пожилым людям.

10. Информационно-рекламная деятельность:

- 10.1. создание и распространение обучающих, рекламных печатных материалов и фото-кино-видеосюжетов;
- 10.2. организация и проведение тематических бесед;
- 10.3. организация и проведение презентаций и других рекламных акций волонтерской деятельности.

11. Сотрудничество и международная деятельность:

- 11.1 участие в мероприятиях по обмену опытом, дружеских встречах с участниками волонтерского движения в Республике Беларусь, странах ближнего и дальнего зарубежья.

IV. Права и обязанности

12. Руководитель волонтерской группы имеет право:

- 12.1. в целях привлечения к волонтерской деятельности школьников и педагогов вести разъяснительную работу, основываясь на разделы данного Положения;
- 12.2. обращаться за помощью в управление образования администрации Первомайского района, в различные фонды и организации по вопросам волонтерского движения;
- 12.3. с учетом реально существующих материально-технических условий создавать профильные группы по направлениям волонтерской деятельности;
- 12.4. предлагать волонтеру вид деятельности;
- 12.5. отказываться от услуг волонтера в случае невыполнения им своих обязанностей.

13. Руководитель волонтерской группы обязан:

13.1. организовать обучение волонтера в соответствии с выбранным направлением деятельности;

13.2. организовать практическую деятельность волонтера;

13.3. создать условия для выполнения волонтером принятых обязательств;

13.4. разъяснить волонтеру его права и обязанности;

13.5. не препятствовать отказу волонтера от участия в конкретном мероприятии в случае неуверенности последнего в своих возможностях;

13.6. осуществлять контроль и нести ответственность за деятельность волонтера;

13.6. вести документацию, отражающую учет волонтеров и их деятельность.

14. Волонтер имеет право:

14.1. исходя из своих стремлений, способностей, потребностей и возможностей, выбрать направление волонтерской деятельности;

14.2. пройти обучение и осуществлять свою деятельность по выбранному направлению;

14.3. вносить предложения, разрабатывать проекты развития направлений волонтерского движения;

14.4. отказаться от участия в конкретном мероприятии в случае неуверенности в своих возможностях;

14.5. прекратить свою деятельность, уведомив об этом руководителя волонтерской группы письменным заявлением.

15. Волонтер обязан:

15.1. добросовестно овладевать знаниями, умениями и навыками ведения волонтерской деятельности по выбранному направлению;

15.2. следовать целям и задачам волонтерского движения;

15.3. быть дисциплинированным, строго выполнять указания руководителя волонтерской группы;

15.4. посещать все организационные мероприятия волонтерской группы.

ЛУЧШИЕ РАБОТЫ УЧЕНИКОВ СОШ № 137, ПОБЕДИТЕЛЕЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ

Подвиг новогрудских сестер

совершившие подвиг во время войны принадлежали к Ордену назаретянок.

Сестра Стэлла – Аделя Мордасевич, дочь Юлиана и Ядвиги Колендо, родившаяся 14 декабря 1888 г. в деревне Тястувка неподалеку от Несвижа, по образованию учительница. Самая старшая и дольше всех пребывающая в монашестве. Поступила в Назарет в 1910 г. в Вильно. Уроженка Виленской епархии, она сначала была ученицей средней школы, затем учительской семинарии, которой руководили сестры Пресвятой Семьи, и не представляла себе жизни вне Ордена. У нее было больное сердце и вообще слабое здоровье, что было серьезным препятствием для принятия в Орден. Но сестра с неизменной полной восхищения улыбкой, вспоминала ту минуту, когда мать-Настоятельница Лауретта Любовидская, оторвав от нее долгий взгляд, наконец, решила: «Ордену нужны не только здоровые сестры».

Сестра Имельда – Ядвига Жак, дочь Иосифа и Софьи Зюр, родившаяся 27 декабря 1892 г. в Освенциме, получившая среднее образование. Она поступила в Назарет в 1911 г. в Кракове. Однажды во время внезапного обстрела Новогрудка, когда автоматные пули дырявили стены и крышу дома, она спокойно спала в своей келье сном праведника. «На все воля Божья, – говорила она. – Зачем беспокоиться? Бог, Отец наш Небесный, и так знает, что нас ждет». Также она лучше всех пела, у нее был самый тонкий слух, ведь когда-то она руководила хором. В Назарете она прошла длинный путь. Вела фребловскую школу во Львове, была смотрительницей ризницы в Вене, воспитательницей в интернате и учительницей географии в Варшаве, в Стрые и Гродно вела уроки в школе и в гимназии, в Лукове работала воспитательницей мальчиков в сиротском доме и, наконец, с 1936 г. здесь, в Новогрудке, преподавала в школе. Пока та существовала. Ее способность отключаться от всего, что делалось вокруг, доставляла ей порой немалые хлопоты. Везде, где бы она ни была, с ней приключались какие-то забавные истории. Свои мысли и свои молитвы она порой выражала поэтически:

Помоги, Господи, чтобы моя молитва

Была как тяжкий камень, достигающий Божьей глубины,

А на поверхности воды

Вызывала все более широкие круги...

Сестра Раймунда – Анна Куколович, дочь Матвея и Иоанны Гуща, родившаяся 24 августа 1892 г. в деревне Барванишки Виленской Епархии. Часто говорила, что ее «назаретянская жизнь» родилась вместе с независимой Польшей, в ноябре 1918 г.. Поэтому все всегда помнили дату вступления сестры Раймунды в Назарет.

Сестра Даниэла – Елеонора Юзвяк, дочь Станислава и Марианны Зелинской, родившаяся 25 января 1895 г. в Поедове на подлясье.

Сестра Канута – Юзефа Хробот, дочь Бартоломея и Юльяны Фига, родившаяся 22 мая 1896 г. в деревне Рачин Велюнского уезда. Где-то в далеком прошлом у нее остался тот удивительный сон, который так радикально изменил ее жизнь, приведя в апреле 1922 г. в назаретянский новициат в Гродно. Она была еще очень молода и готовилась к свадьбе, когда однажды во сне услышала голос: «Не выходи замуж за Станислава. Твой Избранник ждет тебя в Гродно и готовит тебе красное платье». Она тогда ничего не поняла. Она никогда не была в Гродно, не знала, где он находится, и вообще впервые слышала это слово. Ее исповедник успокаивал ее, советуя забыть странный сон. Но сон повторился. На этот раз приказ звучал весьма выразительно: «Твой Избранник ждет тебя в Гродно и дарит тебе красное платье». Она не могла перестать думать об этом. Исповедник посоветовал поехать в Ченстохову: «Езжай, дитя мое, к Божьей Матери. Она тебе посоветует, как никто другой». И она поехала... Стоя в часовне на коленях перед Чудотворной Иконой, она молилась и просила: «Мать Божья, лучшая из Матерей, посоветуй, объясни, как мне поступить. Ведь я ничего не понимаю». Рядом стояли на коленях две монахини. Она пригляделась к ним, а когда они встали, вышла следом. Остановив их, она произнесла: «Как я хотела бы надеть такой наряд!» Они ответили, что если она действительно так решила, то их назаретянский новициат находится в Гродно. Избранник ждал ее в Гродно. Но что это за красное платье? Ведь она получила черное. Сестры иногда подшучивали: «Где же твое красное платье?»

Сестра Сергия – Юлия Рапей, дочь Антона и Франциски Штука, родившаяся 18 августа 1900 г. в деревне Рогожино Августовского уезда. Часто вспоминала десятилетней давности день, когда на другом конце света, в Америке, ее предупреждали: «Польше грозят война и преследования. Возвращайся побыстрее». Тогда она ответила: «Я этого не боюсь», добавив ни с того ни с сего: «Мученичества, кстати, тоже не боюсь».

Сестра Гвидона – Елена Терпка, дочь Станислава и Барбары Баламут, родившаяся 11 апреля 1900 г. в городе Грановец в центральной Польше. Всегда брала на себя самые трудные задания, никогда не жаловалась, всегда

была готова на все просто потому, что: «Так надо. Ведь надо отдать Господу все, что можно».

Сестра Фелицита – Павлина Боровик, дочь Леона и Анны Дамчук, родившаяся 30 августа 1905 г. в деревне Рудно на Подлясье. Мелкая, хрупкая, похожая на «чахлый цветок».

Сестра Гелиодора – Леокадия Матушевская, дочь Яна и Леокадии Домаховской, родившаяся 8 февраля 1906 г. в Старой Гуте на Поморье. Была горячо любима детьми, всегда в окружении ребят, цепляющихся за ее рясу, как за материнскую юбку.

Сестра Канизия – Евгения Мацкевич, дочь Виктора и Богумилы Навроцкой, родившаяся 27 сентября 1904 г. в Сувалках. Как и сестра Сергия возвращалась в мыслях к тому дню десятилетней давности, который тоже изменил ее жизнь. Ее решение, принятое после неожиданной смерти брата-священника, было скорым и окончательным, но вполне зрелым. Она решила служить Богу, как бы продолжая его внезапно прерванный жизненный путь. Она давала частные уроки, стараясь сохранять максимальную осторожность, чтобы никто не смог донести оккупационным властям. Она была всегда очень требовательной, даже суровой, но дети ее очень любили.

Сестра Боромея – Вероника Нармонтвич, дочь Болеслава и Марии Иодковской, родившаяся 18 декабря 1916 г. в деревне Вертелишки возле Гродно. Самая младшая из всех, которой было двадцать сем лет. После усиленных просьб ее родителей ей разрешили в этом году поехать домой в отпуск. Но пробыла она в нем недолго, написав в письме к сестре-наставнице: «Что-то побуждает меня возвратиться скорее к сестрам».

Начавшаяся 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война нарушила существовавший до сих пор уклад жизни.

Во время немецкой оккупации назаретянки служили в монастыре. В это тяжелое время костел стал символом надежды, а потому всегда был полон верующих.

К весне 1942 г., в результате действий польских и советских партизан, немцы потеряли контроль не только над окрестными лесами, но и над соседними деревнями. Это вызвало усиление террора в отношении гражданского населения в городе и во всем новогрудском воеводстве. В ночь с 28 на 29 июня 1942 г. было арестовано большое количество людей, преимущественно из числа интеллигенции. 31 июля 1942 г. в лесу возле Новогрудка состоялась массовая казнь шестидесяти человек, среди которых было два католических священника: новогрудский декан свящ. Михаил Далецкий и свящ. Юзеф Кучинский из Вселюби.

После захвата польскими и советскими партизанами местечка Ивенец, началась карательная экспедиция немецких войск, в результате которой были совершены жестокие массовые убийства, сожжены деревни и разграблено имущество мирного населения. Во время этой акции погибли еще несколько католических священников: К. Рыбалтовский, священники И.Байко и И. Борадин (оба живьем сожжены в Налибоках), а также свящ. П.Должик, настоятель прихода в Деревное. Волна арестов докатилась до Новогрудка в ночь с 17 на 18 июля 1943 г., когда было арестовано около 120 человек населения с целью их последующей ликвидации. В городе почти не осталось семей, где не оплакивали бы отцов, сыновей, родственников и друзей. Люди приходили к сестрам, чтобы поделиться своим горем, а те отвечали сочувствием и молитвой. Глубоко переживая трагедию своих близких, мать-настоятельница с. М. Стэлла сказала в тот день при встрече свящ. А.Зенкевичу: «Мой Боже, если нужно принести в жертву жизнь, то пусть лучше расстреляют нас чем людей семейных. Мы молимся даже об этом». Приговоренным заменили смертную казнь ссылкой на принудительные работы в Германию. Господь Бог использовал для спасения их жизни немца по фамилии Трауб, военного комиссара Новогрудка. Уязвленный тем, что аресты совершили гестапо из Баранович во время его отсутствия, Трауб вылетел в Минск и добился изменения приговора. Несколько человек были освобождены, а остальные 24 июля 1943 г. депортированы на Запад. Всем им удалось выжить.

Видя, что единственному священнику во всей округе, о. Александру Зенкевичу, грозит опасность – он был в списке лиц, которых разыскивало гестапо, с. М. Стэлла подтвердила в его присутствии готовность сестер принести себя в жертву: «Боже мой, Боже, отец капеллан намного нужнее нас на этом свете, а потому, если уж нужно принести кого-то в жертву, давайте помолимся, чтобы Бог взял лучше нас, чем этого священника».

В то июльское воскресенье они, как всегда погруженные в молитву, со взглядом, прикованным к алтарю и дароносице с Христом, не могли не думать о сотнях людей, знакомых и незнакомых, о чьих-то отцах, братьях и сыновьях, приговоренных к смерти. А потому они горячо молились, вновь и вновь повторяя слова: «Лучше нас прими, о Господи, лучше уж нас...».

Сестры молились. Терпеливо и усердно. Ведь появилась маленькая искорка надежды на то, что люди смогут уцелеть. Минула неделя, а казнь, которая должна была наступить незамедлительно, почему-то откладывалась. По городу поползли слухи, один из которых сейчас, по происшествии времени, кажется весьма правдоподобным. А именно: аресты были

произведены гестаповцами, которые прибыли из Баранович в отсутствие комиссара Новогрудка. Он вернулся в город на следующий день. Необычайно, самолюбивый и дерзкий гебитскомиссар Трауб, еще молодой человек, создавший в городе и в воеводстве атмосферу жестокого террора, был сильно оскорблен и уязвлен самоуправством посторонних. Он чувствовал себя здесь господином и не терпел никакого вмешательства в свои дела. Поэтому он и задержал «ликвидацию» арестованных. Ударяя кулаком по столу, он кричал, что аресты специалистов дезорганизовали работу учреждений и организаций. Конфликт нарастал, но Трауб был непреклонен. Он специально полетел самолетом в Минск, чтобы добиться разрешения начальства на изменение приговора.

Обо всем этом тогда еще в Новогрудке не знали. Известно, было только, что накануне, в субботу, арестованных погрузили в поезд и куда-то увезли. На Запад ли? На работы в Германию? Расстреляли? Этого не знал никто.

Настала суббота, последний, 31 день июля 1943 г.. Был вечер. Двери отворились, и вошла сестра Стэлла. Выражение ее лица говорило о том, что случилось нечто неожиданное и важное.

В дом к сестрам пришел немец передал устный приказ комиссара явиться в 7.30 вечера всем, вместе с игуменьей, в комиссариат.

— Скоро уже надо идти, – сказала сестра Стэлла и спросила: – Что все это значит? Как нам быть?

— А что вы, Матушка, об этом думаете?

— Полагаю, нас могут вывести на работу в Германию. Ведь наши сестры здоровы.

— Если они захотят задержать некоторых из сестер в комиссариате, я буду просить, чтобы им разрешили вернуться на ночлег домой и дома подготовиться к отъезду. Иного выхода нет.

Ее серые глаза улыбнулись немного грустно. Она направились в храм.

Священник Зенкевич немного сократил молебен. Ведь сестры должны были успеть. В этой ситуации им лучше не опаздывать – не следует без нужды дразнить немцев. Чего же они хотят? Наверное, в самом деле речь идет о высылке в Германию. Но всех не должны выслать, ведь не все годятся для тяжелой работы. Некоторые имеют слабое здоровье.

Они вглядывались в алтарь, спокойные и погруженные в молитву. Через минуту готовые идти. Вот священник, вознося над ними дароносицу, прежде всего над ними, благословляет их.

А через несколько минут, когда вышел из храма, увидел, как они шли.

Парами, в черных рясах с вуалями и белыми кризами. Шли сестры: Стэлла, Имельда, Раймунда, Даниэла, Канута, Сергия, Гвидона, Фелицита, Гелиодора, Канизия, Боромея.

Их было одиннадцать.

Остались лишь сестры Малгожата. Они так решили. Нельзя было сделать так, чтобы никого не осталось в храме и дома. Она сказала: «Матушка, если что-то нужно будет подписать, разрешите подписать кому-либо из сестер, а если я буду нужна, пусть за мной пришлют, и я приду».

На том и расстались.

Шли.

Шли, легко поднимались в гору по улице 3 Мая. Заходящее солнце словно вело их за собой, а они едва поспевали за ним.

Немногочисленные жители Новогрудка, как всегда, останавливались, чтобы посмотреть им вслед. На этот раз они наблюдали за ними с беспокойством. Кое-кто подходил и спрашивал, куда это они идут вот так, все вместе, в обычном для них направлении. Одна из женщин, Елена Сикожина, через много лет скажет об этом так: «Вели они себя очень естественно, и я не заметила и тени какой-либо тревоги. Шутили, улыбались... Говорили о возможном отъезде».

Шли.

Шли вслед за ведущим их солнцем. Провожаемые зеленью деревьев и цветами с улицы, на которой прожили много лет, остатками дворцов сенаторов Речи Посполитой обоих народов, знакомыми домами, огородами и калитками.

Проходя мимо храма св. Михаила – покровителя города, который своим красным плащом укрывал город от несчастий, они склонили головы и перекрестились.

Прошли мимо уже не существующих зданий доминиканской монастырской школы, где когда-то Адам Мицкевич учился основам грамоты.

Шли, и каждому, кто следил за ними, казалось, что они плывут, порхая без всяких усилий, легкие, как птицы.

Вот они прошли мимо рынка

Вдруг кто-то закричал им вслед: «Ради Бога, не ходите туда!» Но они не обратил на это внимание.

Так они дошли до улицы Слонимской. Здесь было тесно от мундиров – зеленых и черных. Повсюду мелькали свастики.

А они все шли.

Остановились только перед зданием Воеводской Управы, ныне Гебитскомиссариата, и по очереди исчезли в его дверях: Стэлла, Имельда, Раймунда, Даниэла, Канута, Сергия, Гвидона, Фелицита, Гелиодора, Канизия, Боромея.

Ровно в семь тридцать вечера в субботу 31 августа они вошли в здание местного Гебитскомиссариата. Минуту спустя в коридоре слышались доносящийся из кабинета раздраженный голос немца и спокойные ответы сестер. Две из них, сестры Гвидона и Гелиодора знали немецкий язык.

Через час к зданию комиссариата подъехал крытый грузовой автомобиль. Сестер под охраной вывели из комиссариата и посадили в машину. Им мешали садиться их длинные рясы. Сестры помогали друг другу. Стоящие на ступенях главного входа немцы хохотали.

Вот наконец сестры уселись. Двери глухо захлопнулись, и автомобиль тронулся. Он двинулся в направлении Новоельни в сторону казарм.

На третьем километре от города машина остановилась.

Немцы вышли и направились влево, к небольшой возвышенности за деревьями. Был вечер. Темно.

Но неподалеку виднелись какие-то хозяйственные постройки, и было слышно движение. Гнали скот, возвращались с поля, грохотали какие-то телеги, заходились лаем собаки... Время было неподходящее.

И машина вернулась. Опять остановилась перед зданием комиссариата. Сестрам приказали выйти и отвели их вниз, в давно не использовавшийся подвал. Там они провели ночь.

Один из местных жителей, новогрудский татарин, который работал в комиссариате истопником в котельной, рассказывал, что утром видел на запыленном цементном полу следы фигур, которые лежали «крестом», и пятна влаги – следы дыхания или слез. Более подробные сведения сообщил один из солдат, эстонец, который, будучи вынужденным участвовать в казни, наблюдал за сестрами сквозь отверстие в дверях. По его словам, подвал был невелик, и сестры ложились «крестом» по очереди, в то время как остальные молились стоя.

Их вывели вновь на рассвете. Было три тридцать утра. Перед зданием уже стояли две машины, легковая и грузовая. На этот раз автомобили поехали по новоельненскому тракту немного дальше. Остановились они на пятом километре от города, за домиком лесника под названием «Баторовка».

Яма была выкопана в двухстах шагах по левую сторону от шоссе, в небольшом березово-сосновом лесу.

Они пошли в том направлении. Сестра Стэлла, Имельда, Раймунда, Даниэла, Канута, Сергия, Гвидона, Фелицита, Гелиодора, Канизия, Боромея. Они шли.

Рассвет растягивал между деревьями серебряную блестящую паутину. Стояла тишина. Она была такой пронзительной, что даже жандармы старались ступать осторожно, боясь нарушить ее.

Один из них на следующий день, напившись до одурения, постоянно и настойчиво повторял, не будучи в силах забыть: «Как они шли... Это надо было видеть, как же они шли, эти сестры».

Шли.

Шли, сложив руки, спокойные, полные достоинства, легкие, словно птицы.

Шли навстречу солнцу, которое оранжево-красным светом возвещало свой восход.

Просили только, чтобы им разрешили остаться в рясах и в полном монашеском одеянии. Преклонив колени, попрощались друг с другом. А сестра Стэлла, их Матушка, их настоятельница, вознесла руку, благословляя каждую из них.

И тогда раздались выстрелы.

Первой упала сестра Стэлла. За ней по очереди: Имельда, Раймунда, Даниэла, Канута, Сергия, Гвидона, Фелицита, Гелиодора, Канизия и Боромея.

Жертва, принесенная за братьев, была принята.

Уже потом, в наскоро замаскированной могиле, было обнаружено тело мальчика из соседней деревни, который накануне утром вышел из дому и пропал. Скорее всего, ему приказали выкопать яму и, как свидетель казни, он должен был погибнуть.

Последняя из сестер – сестра Малгожата не знала всего, что случилось. Она упорно ждала возвращения сестер. Прервав на некоторое время работу в больнице, перешла жить в ризницу. Немец, начальник больницы, до которого дошла весть о расстреле сестер, испугался за «свою сестру», без которой не представлял себе работы, и начал ее искать. Через несколько дней он увидел стоящий перед домом сестер грузовик. Какие-то люди под охраной жандарма выносили из дома вещи сестер. Сверху лежали папки с их личными документами. Ему удалось отвлечь внимание жандарма и забрать личное дело сестры Малгожаты. Он надеялся, что таким образом гестапо не узнает о существовании еще одной, двенадцатой монахини. В больнице же приказал вложить личную карточку сестры в картотеку умерших.

Сестра Малгожата ничего об этом не знала и когда на следующий день, идя от храма в направлении вокзала, увидела перед собой начальника больницы, замерла от страха. Он же после дружелюбного приветствия сказал ей успокаивающе: «Завтра же вы можете приступить к работе. Вам, сестра, ничего не грозит».

Тем не менее, гестапо долго еще искало двенадцатую монахиню.

А она уже знала обо всем, что случилось. Священник Зенкевич через несколько дней открыл ей эту тайну в храме, на ступенях алтаря. Теперь она знала: они не вернутся.

Среда 11 августа. В Фаре близилась к концу служба. Священник Зенкевич стоял на коленях перед алтарем и произносил последние слова молитвы, как вдруг услышал стук дверцы в балюстраде. Кто-то опустился на колени рядом с ним и прошептал: «Отец, за вами приехали. Спасайтесь».

Священник, успев еще благословить верующих, быстро вышел в ризницу. В храме воцарился переполох. Большинство собравшихся бросилось наутек. Но перед храмом уже были гестаповцы. При виде спешно выходящих людей они на мгновение замешкались. И этого оказалось достаточно. Когда они вошли в ризницу, там была только сестра Малгожата в светском платье, убирающая в шкаф церковную утварь. На вопрос о священнике она ответила, что после богослужения он скорее всего ушел домой.

Они уже побывали там, но вернулись, чтобы еще раз убедиться, что его там нет. И действительно, дома его не было, как не было его нигде.

Через много лет он напишет об этом: «Благодаря друзьям я неожиданно оказался в подвале ближайшего дома, после чего, переодевшись в светское, в обществе двух женщин не спеша, направился через парк, к ближайшему хутору Бренцанцы, где и укрывался первое время. Гестаповцы еще два раза приезжали ко мне домой, но я уцелел. Внешне казалось, что спастись удалось благодаря помощи людей, однако я чувствовал, что за ними стояла некая высшая сила и высшая стратегия. Тогда с особой силой прозвучали у меня в ушах слова матушки Стэллы: «Если нужна будет жертва, Господи, заberi лучше нас, а не капеллана...».

О подвиге одиннадцати сестер из Новогрудка я узнала во время экскурсии.

В 2000 г. Святым престолом они причислены к лику блаженных.

Их останки перенесены в гробницу, находящуюся в боковой часовне. Сегодня в храм приходят много людей, среди них потомки тех, которых спасли сестры-назаретянки во время ВОВ. Сейчас в монастыре живут десять

монахинь, они очень гордятся сестрами-мученицами и говорят, что тоже готовы пожертвовать собой, если понадобится.

Сестры выразили готовность принести себя в жертву во имя спасения других.

Основательница Ордена назареток Франциска Седлиска трактовала семью, как в узком так и в широком смысле – как основную ячейку общества и как все человечество. 120 жителям Новогрудка смертная казнь была заменена отправкой на работу в Германию. Все они остались живы и после войны вернулись домой. Своими жизнями пожертвовали сестры-назаретянки. До конца выполняя долг служения идее своего Ордена, они отдали свои жизни во имя 120 семей из Новогрудка.

В настоящее время сестры-назаретянки (в количестве около 1700 человек) действуют, охватывая своим апостольским служением 14 стран: Австралию, Беларусь, Филиппины, Францию, Испанию, Италию, Израиль, Литву, Польшу, Пуэрто-Рико, Россию, США, Украину и Великобританию.

Чернявская Елена, 2011

21 ноября

Этот старый солдат каждый День Победы вот уже более полувека надевал свой серый пиджак, который множество наград и форменных значков делало нестерпимо тяжелым, как средневековую кольчугу; брился, зачесывал назад свои белоснежные редкие волосы и шел к старенькому скверу, где они встречались, по привычке, со своими боевыми друзьями. Потом вечером он приходил домой, полный светлой радости встречи и одновременно горькой грусти, и, облепленный надоедливymi внуками, рассказывал о войне, о своих наградах, о солдатской жизни...

Но теперь внуки повзрослели, “дедушкины сказки” стали для них чем-то обыденным, до мелочей изученным и неинтересным. Старик стал для них просто вечнобубнящей частью интерьера, которую давно следовало сдать на слом.

Сам он редко выходил из дому, лицо стало еще больше изъедено многочисленными глубокими морщинами, почти каждый вечер невыносимо ныла нога, которой не было еще с Великой Отечественной. Вместо нее находилась твердая безжизненная деревяшка, которая надоела ему так же, как и он сам. Пиджак слегка облез и провис. Ленточки на медалях выцвели, блеск орденов потуск – и награды, уже сходившие скорее за детские побрекушки, стали похожи на глаза старого солдата.

В этот День Победы он так же, как и многие годы, стал собираться на встречу, хотя знал, что уже никто не придет. Одеваясь, он думал, как он одинок на этой земле, за которую проливал кровь, как быстро он превратился из героя в никому не нужную вещь. Ему было грустно. Он достал из-под своей кушетки старый кожаный чемодан и извлек оттуда деревянный футляр. Бережно провел по его блестящей поверхности сухой дрожащей рукой, как будто держал свое собственное старое, уставшее сердце. Приоткрыл крышку... На бархатном дне футляра покоилась медаль. Создавалось впечатление, что ее ни разу не доставали из этого деревянного, почерневшего гроба. Ярко голубой шелк ленточки отсвечивал уже высоко стоящее солнце. На сверкающем диске было выгравировано красными буквами: “За отвагу”. Ветеран трепетно поднес медаль к губам и поцеловал ее...

- Эй, дед! Что-то я не припомню такой у тебя! – послышался вдруг сзади голос старшего внука. Старый боец вздрогнул от неожиданности, но сразу же, будто продолжая свои мысли вслух, заговорил:

- Да, да, эту я ни вам, никому-либо еще не показывал. Помнишь ли ты, Леша, свою бабушку? Ах, ее не стало еще до тебя... Как-то в войну, когда был я молоденький рядовым, отступала наша дивизия на восток. На стоянке одной познакомился я тогда с девчушкой, медсестрой, что была. Ох, ну и красавица же! Конечно, встречались по вечерам, разговаривали, по парку ходили... Красивая пора осень... Да враг не спал. Через неделю сообщили, что близко немцы, что опять отступить надобно. Да куда уж дальше – до Москвы рукой подать-то. А раненых – полный госпиталь. Так вот эвакуировать всех и не успели, как показались танки разведки фашистской, пять штук. Ползут, как жуки огромные, по полю. Тут бы пушку, да неприкрытых их и спалить всех. Так пушек же нету! Связка гранат только. Большинство наших по лесам поразбегалось, мне бы и самому сделать ноги, да тут же медсестричка, душа моя. Больно полюбилась она мне. Ну и решился я на безумную вылазку. Зажал три гранаты в руке и пополз. Где в ямке отдохну, где в канавке отлежусь – короче, подобрался я к самым танкам. Первым броском попал в бензобак, да рвануло так, что мне уши аж заложило. Тут они, твари, замешкались: кто? откуда? Ну я со второй бронекоробкой то же самое сделал, и только убежать – танк мне на пятки наступает. Я кинулся в бок, да ногу как-то неудачно закинул. Что ж, оглянулся я в кровавом поту и вижу: поехала эта стальная громадина на госпиталь. Ну, думаю, не дам я им Катерину мою! И последнюю гранату – под гусеницу... Потом нашли меня без сознания, и, как очнулся, оказалось: немцы, видно, подумали, что силы не равны, да и убрались оставшиеся восвояси, к основным колоннам куда-то. А мне вот медаль дали эту. Самая дорогая она у меня, ибо заработал ее я, Катьку мою охраняя. Порешили мы обвенчаться с ней. Хотели потом демобилизовать меня, да не смогли. Я рвался в бой! Прошел от Москвы и Сталинграда до Берлина и Будапешта артиллеристом-наводчиком. Сколько битв, сколько товарищей убитых оставил я на этом пути! Но я шел и воевал дальше, но, поверишь ли, не столько за Родину, сколько за невесту мою. Знал я, что это единственная кровинка моя, которая ждет меня на выжженной земле моей. И я в сорок пятом вернулся. Смог уберечь ценой себя от фашистского зверя, да не смог уберечь от пьяного шофера «полуторки»... О, жизнь моя бедная! Почему, творя добро на земле, я так одинок и так несчастен?

Старый герой вдруг заплакал. Ему стало до боли жалко себя. Плакали его выцветшие одинокие глаза, плакала его измученная одинокая душа, плакало его уставшее, одинокое, никому не нужное сердце... Он вдруг понял, что жизнь прожита напрасно, потому что только сейчас он заметил, что внука давно уже не было в комнате...

Да, действительно, современное общество всеми силами пытается помочь нашим ветеранам и детям войны сегодня найти себя в суровых условиях времени, в суетных буднях XXI века. Но как это ни печально, далеко не всегда такое понимание они находят в семейном кругу. Ведь гораздо легче подчас помочь незнакомому старому герою с десятками медалей и орденов на груди, некогда пронзенной смертоносным жалом осколков, чем хотя бы поинтересоваться здоровьем своего собственного дедушки – старика с его многочисленными и давно изученными недостатками, с его ненужными наставлениями и раздражающей нас привычкой лезть в наши личные дела... Так уж выходит, что время разрывает пространство между поколениями; между стариками и внуками – зияющая пропасть непонимания, через которую очень сложно перекинуть хрупкий мостик дружбы и доверия. Трудно, но возможно. Этот грустный рассказ, которым я начал сегодняшнюю запись, написан одним восьмиклассником. Я знаю, что он любит своего дедушку, ездит к нему летом в деревню отдыхать. Очевидно, за письменный стол посадила его потребность к осмыслению действительности, обобщению того, свидетелем чего он являлся годами. Этим восьмиклассником был я. И вот дальнейшее мое осмысление жизни вновь посадило меня сегодня за бумагу и чернила. Сейчас я уже понял: каждый ветеран чувствует себя одиноким в современном мире уже потому, что этот мир не такой, каким он был, каким его привыкли видеть старики в юности и на протяжении почти всей своей долгой и нелегкой жизни. Нет смысла давать имя несчастному, разочарованному в жизни и людях, одинокому старому солдату, ведь таких, как он, вокруг нас сотни, тысячи, немощных и никому не нужных, днями не выходящих из своих тесных квартир, стены которых стали для них давно уже этакой оболочкой вокруг их бесцельной жизни, защитой от реалий настоящего, от не столько непонятной, сколько непризнаваемой действительности. Да, таких вокруг нас очень много, но мы их просто не замечаем. Иногда потому, что этого не хотят они. А чаще всего – потому что мы их не хотим замечать; вспоминая о них лишь по праздникам, делаем вид, что нету вокруг ветеранов, детей войны, стариков, которых полвека назад угнали на работы в Германию, что нету вокруг людей без настоящего и будущего – без того, что они подарили нам, не прося взамен ничего, кроме понимания. Казалось бы, так мало. Но, вместе с тем, так много... Таких людей без завтрашнего дня только в нашем районе более 570. Помочь всем наша школа не в силах. Нашими учениками обслуживаются лишь 25 самых близкоживущих, а 11 из них входят в совместный хор бывших узников немецких лагерей и участников волонтерского движения нашей сш №137.

... Вот он – один из тех немногих мостиков между поколениями, это еще один шанс сблизиться, понять друг друга, стать единым целым. Я обязательно постараюсь туда записаться. Послезавтра иду на первое занятие.

27 ноября

Читал сегодня в Советском Энциклопедическом Словаре: «Хор (греческое. Choros) – певчий коллектив от 12 человек». То есть, в хоре люди собираются, чтобы спеть, чтобы получить удовольствие от пения и поделиться этим удовольствием со слушателями. Однако то, что я увидел на нашем школьном хоре узников и волонтеров, это нечто иное. Главная цель этого мероприятия – дать понять пожилым и одиноким, обездоленным войной людям, что они кому-то нужны; как-то разнообразить их скучные будни минутами встречи и духовного единения. Ведь в самом деле: что может быть более подходящим инструментом для создания нитей взаимопонимания между абсолютно разными незнакомыми людьми, что может быть более подходящим, чем музыка, чем пение, когда слияние голосов плавно и незаметно переходит в слияние душ, мыслей? Музыка – это явление единственное во Вселенной, которое нереально передать словами; для этого нужны только чувства. Это похоже на фантастику, но я собственными глазами видел, как волшебство звуков преображало людские лица, как оно целебным эликсиром действовало на их искалеченные души и сеяло в их выцветших глазах искорку счастья... Я даже не могу передать это на бумаге. К бывшим узникам будто возвращалась молодость. Молодость, которой у них не было, которую безжалостная судьба в истории жизни нечаянно перечеркнула кровавыми чернилами войны. Молодость, которую тяжелое время вырезало из киноленты жизни тупыми ножницами работ на фабриках и рудниках проклятой человечеством Германии. Эти люди знают цену шагам по родной земле, цену глоткам воздуха Родины, ведь они долгие годы были лишены всего **этого**; но, вместе с тем, кроме **этого** по возвращении они больше ничего не нашли: выжженные развалины, смешанная с пеплом земля, пронизанный гарью воздух, и не одной родной души на бескрайних бесплодных просторах. Это страшно. Из одной только Беларуси за время оккупации было вывезено более 24 000 детей, и далеко не каждый, выдержав нечеловеческие условия рабского труда, постоянный голод и холод, с жестокостью штыка убивавший слабые детские существа, – немногие выдержав все это, вернулись на землю отцов. Но тут им было выжить еще сложнее в ужасе послевоенных лет... Я не вправе описывать их долгий и очень трудный путь по искалеченной жизни, ступеньки которой давались им,

словно безногим. И когда, седые, сторбленные, они, преодолевая терзающую их обессиленное тело боль, приходят к нам ради встречи и общения, и когда ты видишь на их пожелтевших, изрытых безжалостными морщинами лицах **счастье**, надо быть камнем, чтобы сдержать слезы...

11 декабря

Сегодня мы впервые попробовали спеть вместе, и получилось у нас, честно говоря, довольно плохо. Голоса разбегались, не успевали за музыкой, и нашему дирижеру пришлось долго потрудиться, чтобы хоть как то преобразить звучание, выстраивая прочный фундамент мелодии под хрупкой конструкцией наших голосов. Столь кропотливая работа, хоть и не сразу, но все же дала свои результаты. Особенность песни в том и заключается, что музыка призвана дополнять слова, но не наоборот. Нашей первой песней был знаменитый «Бухенвальдский набат» на слова В. Мураделли и музыку Соболева. Он стал для нас своеобразной прелюдией ко всему тому, что нам предстояло сделать. Чтобы спеть хорошо, надо каждый звук, каждое слово пропустить через себя, проглатывая фразы глазами, переваривая их в голове, чтобы понять; смешивая их с душой, чтобы почувствовать; посылая их в сердце, чтобы запомнить и вместе с судорожным выдохом отпустить на волю вместе с частичкой себя то, что достойно называться прекрасным. Но было это очень сложно, во всяком случае, для меня, петь такую песню **хорошо**, пропуская через себя свинец тяжелых строк «Бухенвальда» и его царапающий душу колокольный звон над концлагерными руинами, порождающий непринужденное оцепенение тела и чувств. Но я говорю за себя, ведь у узников песня вызвала несколько иные ощущения. Это гимн их молодости, они могли бы на полном праве стать его авторами и его героями. Они поют его без дрожи в голосе, с «невидящими» глазами, будто вспоминают что-то, будто пытаются рассказать стенам тайную историю своей жизни, будто это они ожили из пепла и восстали вновь перед нами, чтобы звучали в веках слова их завета будущим поколениям: «Люди мира, будьте зорче втрое, берегите мир! Берегите мир!» И никто из них, пока жив, никому не даст права перешагнуть через эти строки. Пока жив... А потом... Потом мир будет существовать лишь на тоненькой ниточке, формулу которой вывел еще Кеннеди: «Или человечество покончит с войной, или война покончит с человечеством».

25 декабря

Следующей разученной нами стала «Песенка о бумажном солдатики» на музыку и слова Булата Окуджавы. Она рассказала нам грустную историю солдатики, который переделать мир хотел, чтоб был счастливым каждый; который не жаждал тихой жизни и все просил: «Огня!» «Огня!»; который был бы рад погибнуть дважды за тех, кто потешался над ним, не доверял секретов важных и лишь потому, что он игрушкой детской был, ведь был солдат бумажный. А он, забыв об этом, шагнул в огонь – и сгорел ни за грош... Как это напоминает судьбу молоденьких парней, во время войны прибавлявших себе в военкомате по два, по три года и с жалкой трехлинейкой шедших навстречу стальным машинам, несущим смерть... Окуджава писал о своем поколении – о старших братьях наших узников, и это опять-таки сближало нас с песней, которая насквозь была пропитана теплыми лучами дружеского доверия и душевного разговора автора с нами. Многие волонтеры, впрочем, пели ее именно как рассказ о бумажном солдатики, как грустную сказку, и в этом не их вина, а заслуга автора: далеко не каждый смог бы заключить в рамку невинной песенки шевелящий волосы трагизм, тысячи неизвестных судеб, растертых о холодную землю стальными гусеницами войны. Нет, я бы лучше предпочел ее не понять, я бы лучше просто пел песню о храброй и безрассудной смерти одного маленького бумажного солдатики...

Одного...

5 января

Следующая песня, с моей точки зрения, должна исполняться лишь старшим поколением, мы же что можем, так это создавать наполненность, колорит в звучании, дополняя пение узников, но ни в коем случае не стараясь быть услышанными. Мы так и делали... «Память юности» А. Фаттах на слова С. Барузина – это исповедь старых бойцов. У них ничто и никто не в силах искоренить из души предчувствие скорого возвращения товарищей, пусть им уже полвека твердят вокруг, что для тех, кого целует смерть, не существует тропинки с небес на землю. Странная штука: так легко туда попасть и так сложно вернуться... О всех павших помнят, всех погибших чтят, ведь именно на кровавых полях сражений, в жаркие дни битв рождалась истинная дружба людей, основанная не на деньгах и лести, а на крови, пролитой вместе, на взаимовыручке, на спасенных жизнях, на борьбе плечом к плечу против опаснейшего врага человечества. Такая дружба вытерпит все. Безжалостное время источит стены крепостей, но не тронет дружбы. Дыхание здорового смысла сметет все предрассудки, но дружбу с павшим оставит нетронутой. Это священная дружба, порой ее позавидовали бы родные братья. Но она

смертна и умрет вместе с сердцем старого ветерана, с сердцем, которое никогда не устанет ждать товарищей, никогда не предаст памяти о них.

Кажется, вот-вот случится:

Среди лета иль зимы

Кто-то в двери постучится

И воскликнет: это мы!

На груди у них медали,

Лица в гари и пыли.

Что ж, друзья, мы долго ждали,

Хорошо, что вы пришли!...

8 января

Некое отдельное место в нашем репертуаре занимают белорусскоязычные песни. Известная каждому белорусу с первого класса «Мой родны кут» на слова Я. Колоса и И. Лученка любима нами давно. Вряд ли можно столь живописно, столь проникновенно описать природу родного края, если его не любишь. Земле, небу, Неману поэт признается в любви – своему родному уголку, где родился и вырос. У Колоса нет сил забыть все это, но у него есть силы, чтобы это описать со всей душой, показывая нетронутую красоту очаровывающей природы. Молодежь, зная эту песню досконально, – как это часто бывает – проговаривает зазубренные с детства слова, не вникая в содержание. И поверьте, если бы мы прочитали этот же текст с кое-где переставленными словами, но с полностью сохраненным смыслом, нам бы открылось нечто новое – те истоки патриотизма, на которых вскармливало старшее поколение и которых столь безрассудно и нелепо были лишены мы смутным временем первой половины 90-ых, когда любви к Родине не существовало, как не существовало и самой Родины. Вот и еще одно различие между нами, еще одна горстка земли, выброшенная со дна пропасти. Поэтому эту песню мы снова пели по-разному: они – трепетно-нежно, искренне; мы – неразборчиво и монотонно. Это произведение как нельзя лучше приближает поющего к чему-то народному, самобытному, тревожит на самом дне души его исторические корни. Так к чему же тут война, страдание, неволя? А ведь за что же тогда отдали свои жизни 27 млн советских людей? Что так хотели сделать своей собственностью фашисты? Куда возвращались из ада угнанные на запад малолетние невольники? Куда, если не в эти родные леса, поля, до боли, до слез знакомые просторы, наполняющие грудь щемящим чувством всепоглощающей любви? Эти песни напоминают о том, где была война и за что сражался советский народ против

нашествия фашистских орд. Эти песни о мире, который мы призваны защищать до самой смерти, в этом отношении вызывают у всех участников хора одинаковые чувства – чувства патриотизма и гордости за родные края... Надо же, хоть в чем-то мы уже совпадаем...

15 января

Самым необычным за все это время нам было учить и петь на немецком языке. Вообще специфика такого заключается в том, что ассоциации с песней создаются не по содержанию, а по ее звучанию. То есть, мнение о произведении складывается на основании мелодии (темпа, настроения), а также внешней звуковой окраски слов. По таким признакам расценивания песни наши суждения вновь разделились. Начну с того, что сам немецкий язык вызывает к себе неоднозначное отношение: некоторым он кажется сильным и твердым, некоторым – забавно-«угловатым», некоторым – грубым и неприятным. У некоторых он ассоциируется со страной, с народом, с рок-группами; у некоторых – с войной и фашизмом. Когда мы пели веселенькую «Es sind die alten Weisen», у каждого перед глазами вставали абсолютно разные образы. У нас – что-то радостное, возрождающееся: быть может – восход солнца, быть может – приход весны, или же это минуты излечения немецкой земли от смертельной и, как выяснилось, заразной болезни духа нации. У узников же любое звучание этого языка вызывало презрение и отвращение. Его носители в свое время безрассудно насмелялись над будущим малолетних рабов. Веселые насвистывания подобных песенок звучали тогда вперемешку с жалостными стонами заключенных и громовыми раскатами расстрелов невинных жертв античеловеческой идеологии. И это грубое звучание всплывает из памяти именно из тех лет, вытаскивая за собой из бездонного омута забвения целую вереницу черных воспоминаний. Поэтому наши узники стараются как можно быстрее пропеть непонятные, но кусающиеся строки этих песен, будь то даже знаменитая и признанная в мире еще век назад тема из 4-ой части 9-ой симфонии Бетховена на оду Фридриха Шиллера «К радости».

...Мне жалко голодающие народы Африки, жалко среднеазиатов, осужденных судьбой на пожизненную нищету; жалко вьетнамцев, югославов, корейцев – мне жалко эти обездоленные, разорванные на куски одинокие народы. Но больше всего мне жалко народ Германии. Возможно, и живут они в достатке, и страна их самая крупная и имеющая самый высокий уровень развития в Европе, страна с широкими возможностями и светлым будущим, но это страна с самым грязным и кошмарным прошлым в мире. Именно на

этой земле обрело свою чудовищную плоть родившееся в Италии учение фашизма – этой злокачественной опухоли, смертельной язвы на груди человечества. Но она уже ушла с карты Европы туда, откуда пришла – назад, в мысли. А темная память осталась. Все мы прекрасно понимаем, что в случившемся никто не имеет право винить народ, но все же тени лезут в голову сами собой при упоминании «страны кайзеров». Никто еще не нес в истории такого груза вины на своих плечах за содеянное отцами и дедами, какой несут сейчас немцы. В глазах наших ветеранов они до сих пор «фрицы». Это так укоренилось в нашем сознании, что Германия – это империя, зло, свастика, смерть, Гитлер, нацизм...

А ведь на самом деле – это «фольксвагены» и «порше», футбол, пиво, сосиски, Шредер, демократия... Кто же, как не наше поколение, должно поддерживать своих несчастных ровесников из этой несчастной страны? Это не их вина, что они имеют такое страшное наследство. На их месте мог бы оказаться любой из нас. **«Сын за отца не отвечает»**, – говорил Сталин. Прислушаемся же к нему хотя бы теперь, хотя бы один раз. ...Цель человечества – создать равноправное и обеспеченное мировое общество, поэтому народы должны помогать отстающим, а не затаптывать их еще глубже в грязь позора и отчуждения. Это мы, люди, должны помнить всегда. На то мы и люди.

22 января

Представить себе даже не могу: я так привык к этой своеобразной атмосфере хора, к общению со сверстниками и пожилыми участниками нашего мероприятия, что сегодня утром, как это ни странно, первой мыслью моей было, как бы поскорей позавтракать и отправиться на очередное занятие. Меня, скорее привлекает не пение, а удовольствие наблюдать за происходящим. Как песни – счастливые и грустные, о смерти и о любви – воздействуют на людей, преображая до неузнаваемости человеческую внешность! Возможно, тогда даже не скажешь, что перед тобой обездоленные, забытые судьбой узники жизни и безразличная ко всему современная молодежь. Передо мной являются частички чего-то целого, неделимого. Это помолодевшие, воспрянувшие духом пожилые люди и повзрослевшие, окрепшие душой юноши и девушки. И их голоса – старческие и молодые – чудесным образом сливаются в некое единое звучание, в цепляющий за душу голос поколений, голос нации, который зачаровывает сознание, который с легкостью касания проникает в каждую равнодушную грудь, раскалывая в ней глыбы льда безнравственности и запечатлевая на гранитном сердце огненным

зубилом пылающих слов строки священных песен. Да, конечно, у руководителя хора Ольги Евгеньевны много работы: надо отшлифовать технику, добиться полной гармонии пения и музыки; это все так, но поверьте: ни один человек никогда не сможет настроить чью-то душу. А она, можно сказать, у каждого из нас одна – одна большая Душа хора. Я это вижу, когда одна песня чувствуется и воспринимается нами по-одинаковому. И это радует! Я размышлял: у узников это можно объяснить только одной общей судьбой, судьбой детей родом из войны. Не так давно я попытался описать эту общую судьбу в небольшом рассказе. Я опять-таки не даю никому имен, ведь на месте героев мог оказаться каждый из жертв кровавого плана “Ост”...

...Всходило солнце. По востоку расплывался огненно-красный полукруг, окаймленный пурпуром густых облаков, сквозь которые продирались золотые лучи света. Но, словно пытаясь бежать от зари и нового дня, вдогонку ночи мчался поезд, все дальше оставляя за собой леденящую кровь канонаду фронта. Поезд мчался в Германию, увозя с собой бесценный груз, увозя осколок нашего будущего, кусочек сердца нашей большой Родины: он вез в своем стальном брюхе обреченных на рабство белорусских детей. Мало кому были известны те страшные цифры, сколько их томилось в сыром полумраке вагонов, но среди озябших, чумазных, дрожащих от страха и холода малолетних узников была одна семилетняя девочка. Она, как и все остальные, не понимала, что должна благодарить судьбу за то, что теснота рурских бараков заменит ей адский пламень логойских концлагерей. Она уже видела распятую на стене собственного дома мать и брошенных на растерзание собакам младших сестер. Она уже слышала вой бомб и страшный стон смерти. ...Казни и самоубийства, поросшие мхом партизанские земляки и... И вот теперь плен. Плен, который пронесся перед ней как жуткий сон, как немое кино без смысла и конца. Однообразие дней изжили из этого существа чувство времени, чувство дружбы. Безразличие к жизни, к ее смыслу убило в девочке последнюю искринку детства. Она превратилась в рабочий механизм, который, не задумываясь, пропускал через себя адский труд ради бедной пайки и жалких часов сна. Рано утром их выводили строем на фабрику, а вечером, как скот, загоняли назад в тесные бараки с проржавевшей крышей, чтобы дать пройти безумной боли в руках и отдохнуть опухшим за день ногам от полусуточного нахождения перед станком. Но однажды весенним утром произошло событие, которое вернуло ее к жизни после годичного полубытья. Она шла в колонне, как всегда, предпоследней и тупо смотрела в бритые затылки шедших перед ней. Но вдруг перед ее затуманенными глазами пронеслась с веселым чириканьем ласточка.

Невольно задержав на ней взгляд, девочка увидела, как она, сделав несколько замысловатых фигур в воздухе, влетела под крышу стоящего невдалеке особняка. И внезапно в окне этого дома уставшие глаза белорусской девчонки нашли грустные глаза немецкого мальчика, который также смотрел на нее. В его глазах отражалась жалость, сочувствие и еще, почему-то, боль и мука. Она быстро убрала взгляд, но вечером опять нашла в том же окне те же глаза. И так продолжалось почти каждый день. Через незнакомца в окне происходила ее связь с людьми. Она смотрела на него, как на существо из другого мира, но теперь она вставала рано утром, только чтобы по дороге на фабрику увидеть его, и шла на работу только затем, чтобы по возвращении вновь встретить силуэт в окне. Она не знала, что мальчик был серьезно болен. Слабость приковала его к постели. В эти недели его ничто не забавляло, и он просто днями смотрел в окно, без интереса изучая случайных прохожих на пустынных улицах. Но когда он заметил однажды в колонне заключенных детей девочку, обезображенную грязью и голодом, когда их взгляды встретились, у него, как это не странно, возникли точно такие же мысли, как и у нее. Они не могли друг без друга. Но время шло, история изменяла мир, все потихоньку становилось на свои законные места. Девочка возвратилась на родину, выросла, вышла замуж, у нее теперь большая семья, хорошая работа. Мальчик вскоре выздоровел, и жизнь его также потекла по привычной колее. У него также семья, дети, и сам он пожилой и уважаемый человек, организатор многочисленных встреч малолетних узников... Но мог ли кто-нибудь предположить, что им двоим будет дано опять, по истечении многих лет, скрестить свои жизненные пути? Пламя войны растопило детские сердца, и на них, как на мокрой глине, отпечатались на века все страшные картины, все окровавленные лица, все измученные глаза Великого противостояния. И именно эти глаза спустя десятки лет вновь встретились. Они узнали друг друга сразу, будто расстались вчера, будто не лежала между ними огромная пропасть, будто они старые друзья. А ведь и правда: они оба дети войны, обоим в сорок пятом пришло второе рождение, оба в одиночку шли тернистыми путями жизни на разных полюсах расколовшегося мира, оба отстраивали этот мир после катастрофы, и сейчас они оба достойны... нет, не столько сочувствия, сколько преклонения перед их мужеством, силой духа и способностью пронести через всю жизнь пылающий факел дружбы.

...Да, эти седовласые певцы мира прошли испытания на человечность войной, мучениями, болезнями, голодом... жизнью, в конце концов. И они это испытание выдержали с честью.

С глубоким уважением и восхищением склоняю перед ними колени...

29 января

Сегодня мы вновь имели удовольствие поговорить по душам с Булатом Окуджавой, забыв о войне, забыв совсем, просто наслаждаясь красотой и проникновенностью строк «**Пожелания друзьям**» и «**Молитвы**». Я знаю, что толпа высоко ценит громкие слова, стальные стихи пламенных призывов, брошенные ей в лицо, любит яркие личности, не без скандалов, не без ажиотажа. А маленький человек любит то, что ему хорошо знакомо и понятно, что о нем, о жизни, о простых взаимоотношениях простых людей. Любит то, во что можно окунуться с головой и провести там всю жизнь, наслаждаясь простотой и гениальностью проникновенных мыслей, будто украденных у него во время сна. Прислушаемся к автору — откинем в сторону пустые и ненужные предрассудки, навязанные нам избалованной неестественностью жизни — и мир станет светлее, и жизнь станет проще; к улыбкам вернется искренность, к любви — ее истинная причина, к мудрым — уважение, к песне — ее смысл. Так же естественно, как сейчас мы глотаем невидимый воздух, будем наслаждаться красотой, не боясь зависти. Мир не станет идеальным, но он станет лучше. А ведь это и есть величайшая цель многих поэтов, писателей, художников — убедить людей сделать мир чище, шире, светлее. Перешагнуть через себя ради других — это и есть подвиг жизни. Чем глубже я вчитываюсь в эти строки, тем больше разгорается в моей груди пламя жажды свершения такого подвига.

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.

Высокопарных слов не стоит опасаться.

Давайте говорить друг другу комплементы —

Ведь это все любви счастливые моменты.

Давайте говорить и плакать откровенно,

То вместе, то поврозь, а то попеременно.

Не нужно придавать значения злословью —

Поскольку грусть всегда соседствует с любовью.

Давайте понимать друг друга с полуслова,

Чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.

Давайте жить, во всем друг другу потакая, —

Тем более что жизнь короткая такая.

Да, жизнь коротка, но некоторые успевают за нее сделать столько, сколько многим хватило бы на два, а то и на три срока заключения души в этом мелочном и душном мире. В песне «Молитва» Окуджава просит Бога дать всем понемногу, всем людям дать что-то, чтобы каждый стал хоть на капельку,

но счастливее... Довольно необычно обращение автора к Богу как к другу. Но если подумать, то будет ли суровый властелин прислушиваться к ничтожным желаниям своих смертных рабов? У него ли мы имеем право чего-то просить, будучи им же созданными? Не даем ли мы сладкую пищу его самолюбию, покорно падая уже перед изображением его на колени? А он с томным видом поможет одному из тысячи раз в тысячу лет — и человечество вновь с бессмертной надеждой возносит к небесам молитву раба, осужденную на смерть в мертвых лазурных сводах. Так поступит хозяин, но не друг. Друг всегда выслушает, посоветует, поможет. Друг не оставит друга, сделает все, что только можно, ради близкого. Окуджава надеется, что Бог лучше его услышит, если общаться с ним, как с читателями — по душам. Быть может, он и прав, ведь мы его понимали всегда... Как хотелось бы, чтобы его понял и Бог...

5 февраля

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза

...Одни говорят, что мир спасет поэзия, другие — что красота, третьи — что чувство стыда. Все они правы, ведь они говорят об одном и том же чувстве, которое будоражит устои общества уже не одну тысячу лет. Оно создало все живое, и в нем сокрыты спасение и гибель мира, его сила и, вместе с тем, его слабость. Я говорю о любви, об этом прекрасном сияющем цветке, в тени которого увядают людские пороки, порождая новые, во имя которого ученый делает открытия, поэт пишет стихи, садовник выращивает розу. Любовь может оживить и убить, вознести и бросить в бездну. Она может все. И даже войну против бесчисленных сил зла, прикрывшегося непонятным именем «фашизм», выиграла она. Любовь к Родине, к свободе, к солнцу и миру толкала людей на безумные подвиги духа, противостоя любви к славе, к завоеваниям, к материальной наживе, к власти, любви к злу, но любви. Воевала не ненависть, а любовь. Амбиции великих людей выливаются в направление политики страны, но это не всегда будет желаемым для народа, у которого свое отношение к действительности. Если Сталин, Жуков, Рокоссовский и другие великие военачальники воевали за освобождение своей социалистической Родины от главного врага пролетариата — буржуазии с расистской душой; то простому солдату было наплевать на эту идеологическо-политическую подоплеку конфликта. Защищая отчизну,

простой человек защищал, прежде всего, свой дом, свою семью; в мыслях стоял образ любимой женщины, может быть, матери; или брала тоска за своих детишек с их неизвестной для него судьбой. Этот простой солдат и есть настоящий творец Победы; так какая же любовь сильнее — любовь к людям или же любовь к вымышленным, быстроменяющимся идеалам устройства человеческого общества?..

...Наша самая любимая песня, самая нежная и красивая, посвящена именно любви бойца к девушке. «**Землянка**» на слова А. Суркова и музыку К. Листова пленяет своей простотой и проникновенностью, искренностью чувства, которое согревает солдата зимой в холодной землянке, вдали от своей любви. Ему чужды проблемы политиков; он понимает, что теперь единственная родная душа в его жизни — это его любимая, и за нее он готов отдать эту жизнь, готов распять себя на огненном кресте любви, чтобы искупить страдания той, ради которой живет. Да, именно это святое чувство спасает мир. А никто не задумывался, как случилось, что у этого слова «**мир**» два таких важных, таких судьбоносных значения: это и все существующее пространство, Вселенная, и состояние общественности, противоположное войне? Почему такие, казалось бы, разные значения нашли приют в одном слове? Но как может существовать окружающее нас Все без спокойствия и умиротворения? Как можно что-то создавать, когда кругом все разрушается? Как можно построить мир на штыках? Как можно цветущую весну назвать войной? Мир и мир неделимы, один не может иметь право на жизнь без другого. У них один путь и одна судьба. И оберегая одного, мы даем уверенность в будущем другому. Так что же все-таки их столь крепко связывает? Ответ один: **любовь к жизни**.

12 февраля

Еще одной разученной нами песней о природе была «**Забыли зеленые склоны...**» на слова Б. Дубравина и музыку Ш. Бяшарова. Но тут нету описания красоты родных мест, здесь идет сопоставление природы с миром людей. Ведь все, что делают люди: охотятся ли, добывают ли полезные ископаемые, отдыхают ли, либо просто наслаждаются красотой нерукотворного — вся их деятельность упирается корнями в природу, которая наряду с человеческой мыслью и является истоком действия. Как это не печально, но война не стала исключением. Распластав над миром свои черные крылья смерти и вонзив огненный клюв ненависти в беззащитную грудь земли, Великая Отечественная оставила на ней тысячи страшных шрамов, не заживших да сих пор. Зеленеющая молодость природы стала кровавой ареной бессмысленных битв, стала безмолвным свидетелем одного

большого безрассудного преступления человечества против себя самого. А итог: миллионы убитых людей, миллионы сожженных городов и деревень, миллионы уже никому не нужных окопов, траншей; изуродованный ландшафт, смятая безжалостными гусеницами поросль новой жизни... Именно эта дисгармония природы и разрушения показаны в песне. Ведь после тысячелетий эволюции человеческого разума сегодняшний мир напрямую зависит от нас. И не думайте, что он переживет все наши ошибки и недостатки: дата нашей смерти может быть выбита на его надгробной плите. Лучше понять это помогает такой факт: взрыв, силой всего лишь в 15 раз превышающий взрыв над Хиросимой в августе 1945 г., способен снести с земной поверхности 90% атмосферы, убив на планете все живое. Я говорю «всего лишь», потому что на момент моего рождения только одни США имели в распоряжении 14637 ядерных боеголовок. Одна тысячная этого потенциала — и я бы не родился... Страшно? Но страшно бы не было, потому что уже некому было бы бояться. И тогда — через день или миллионы лет (неважно!) — заблудившийся отпрыск иноземного разума посетил бы наш мир, опаленный ядерной зимой, очередной безжизненный шарик на неосознаваемо бесконечных просторах вселенной. «Быть может, здесь когда-то была жизнь...» — растерянно скажет он о Земле, как мы сейчас говорим о какой-нибудь мертвой планетке, подобной Марсу. И ему будет все равно, ведь, ступая по нашим истлевшим костям, он будет думать, что это просто пыль... А ведь в самом деле, кто мы такие? Возможно, для блох мы целый мир, мы их дом и их пища, мы для них — жизнь. Но для мертвого космоса мы — пыль. Подобно тому, как для нас маленькими являются и птицы, и насекомые, и капельки росы, и молекулы, так же и для космоса все: атомы, камни, люди, планеты, звезды — все существующее равно и, в то же время, мизерно и ничтожно в сравнении с его необъятной вечностью.

Даже звезды... Не достигаемый идеал романтиков... Эти кипящие гиганты Вселенной так же, как и мы, живут своей жизнью: они засыпают и просыпаются, растут и стареют, рождаются и умирают... Они умирают, тысячелетиями мучаясь в предсмертных судорогах, пока не разрываются на миллиарды пылающих частичек и не исчезают во тьме... Скажи, человек, **что** твои жалкие муки в сравнении с муками звезды?! **Что** твоя смерть по сравнению с ее смертью?! Не очередная ли пылинка, сдутая случайным сквозняком в форточку? И ты оплакиваешь каждую пылинку, когда делаешь уборку?... Я просто пытаюсь понять, что значит человек для космоса и чем выглядят на фоне вечности наши войны, битвы, драки, взаимные междоусобицы, мелкие обиды. Ведь это ничто, это прах, из которого мы

созданы и в который обратимся со всеми своими страстями и предрассудками.

Война — это показательное самоубийство человечества, только вот кроме нас самих никому до этого нет дела. А актер, играющий без зрителя, либо безумный, либо обезьяна с зеркалом. Пора бы задуматься, стоит ли жертвовать вечностью ради каприза мгновения... Я никогда не хотел войны, не хотел видеть смерти, крови, никогда не хотел видеть шрамов Земли. Извини, Земля, своих жалких блох...

19 февраля

Подумать только: с момента моего вступления в хор прошло почти четыре месяца. Для человеческой жизни это огромный срок, для жизни человечества — всего лишь вспышка света, незримая капелька в бездонном океане истории; но то, что мы успели сделать, не может не радовать и наполняет мысли сладким чувством упоения и самоудовлетворения. За это время мы разучили десять замечательных песен; стали, не без участия наших талантливых наставников, действительно настоящим хором, спетым, понимающим друг друга с полуслова коллективом; и, чувствуя себя полностью готовыми к запланированным встречам с хорами из Германии и совместному благотворительному сотрудничеству, с уверенностью смотрим в завтрашний день, который в объятиях 60-ой годовщины Великой Победы спешит нам на встречу. И мы вступили в него уже одной семьей с одним будущим.

Но я знаю: пройдет время, и это будущее станет прошлым, и у меня будут совсем другие проблемы, и я, быть может, забуду о том, о чем сейчас пишу с такой трепетностью. Вероятно, меня кто-нибудь спросит: «Ну тогда зачем же тебе все это, зачем тратить драгоценное время жизни на то, в чем не видишь пользы?» Но пусть те, кто так скажет, поймут, что в таких делах материальная польза бессмысленна и не имеет цены в сравнении с пользой духовной. Сколько бы я прожил лет, сколько бы раз горький опыт обжег мое сердце, пока бы я понял то, что само собой укрепилось в сознании моем, за последнее время!

... Жизнь дается человеку для того, что бы передать ее другому. Мы принимаем почетное звание Носителей Жизни от старшего поколения, но большинство из нас даже не догадывается о столь значимом предназначении их легкомысленно-эгоистического существа. Ведь именно ради нас многие тысячи лет выстраивалась цепочка поколений, чтобы донести до нас сквозь терни столетий из времен младенчества мира священную искорку жизни. И

мы не имеем права становится в этой духовной веренице последним звеном, мы обязаны выковать следующее, чтобы за него цеплялись еще и еще... И только тогда, века спустя, потомок вспомнит, быть может, о нас полным безразличия словом «предок» — но не это ли величайшая награда для смертного?! Эти мысли явились ко мне во время одного из занятий на хоре и позже были причиной написания следующего стихотворения.

Святые

Ушла в небытие Великая война.
Уже давно Земля очнулась после сна
Ее бомбежек, слез, предсмертных стонов.
Цветы стремятся к солнцу там, где жизнь назад
Встречал рассвет распятый на штыках солдат,
Святую душу отпуская к небосклону.

...Но нет, войны нетленные осколки в прах
Не обернулись, а, застряв в живых сердцах,
У стариков там и сегодня ноют.
Вглядитесь в них: под старомодностью смешной,
Под добротою, под душевной теплотой
Они скрывают, как от мук ночами воют.

...Они прошли, ни разу не шагнув назад,
В бессмертье через дым Европы, через ад;
Как смерть целует жизнь, они видали.
С трудом свою горячую глотая кровь
И с криками «За Сталина» и «За любовь»,
Под свист снарядов они гордо умирали.

Но Господи, скажи: ради чего жизнь их?
Неужто ради внуков, к памяти глухих?
Неужто ради них, кто к пропасти стремится,
Кто наполняет день грядущий пустотой,
Чье сердце не болит в груди, давно пустой,
Чье имя громкое осуждено забыться?

Неужто ради нас таких? Конечно, нет...
Оставив каждый на земле свой светлый след,

Они уходят навсегда, уходят в дали,
Не попрощавшись даже с нами, от тоски
Вновь разрывая души в шрамах на куски,
В предсмертном сне твердя: «**За что мы воевали?!**»

...Я к вам взываю, люди: встаньте! В этот миг
Вновь умирает где-то на земле старик...
Услышьте же хоть бы сейчас его вы стоны!
Услышьте ради тех святых, кто жизнь назад
Встречал рассвет на огненных штыках распят,
С молитвой душу отпуская к небосклону...

...Старики смотрят на нас, как на своих приемников мира, за который они проливали кровь и столько раз отдавали свою жизнь в избалованные руки судьбы. Этот мир дался им слишком дорогой ценой, что бы они были безразличны к его будущему. Но наше поколение в их глазах далеко не идеально для столь судьбоносной роли в истории человечества. Седина скрывает не бессилие этих людей, а их страдание. Думали ли они, глядя без страха за Жизнь в глаза Смерти, что на смену им придут такие, как мы; что пустые сердца их внуков будут монотонно отстукивать скучную бесцельную жизнь, без пламени кующейся идеи, без вулканов любви, без мук поэзии, без борьбы, ненависти и безумной жажды света, окрыляющей мечту... Неужто ради нас таких творили они подвиги на глазах у родной изуродованной земли?! Они ожидали увидеть в нас еще более могучих духом, пламенных патриотов, чем сами, а в итоге лишь обожглись горьким разочарованием, но не столько в нашем поколении, сколько в себе. И придет время, когда последний вздох потревожит их давно уставшую грудь, и они оставят нам все, что имели: свои ордена, и старые письма, и седину волос, и огненные сердца, и мысли, и песни, и славу, и старость — оставят все, унося с собой под сияющие в вечном блаженстве кущи райских садов лишь холод осознания бессмысленности тех жалких мгновений жизни, которые они потратили на сохранение и преумножение обреченного. Люди не боятся смерти, они боятся именно этого осознания бессмысленности. И это не просто страх — это величайшее страдание растекающееся кровавой ртутью по сосудам и испепеляющее человека изнутри. Но наш хор призван показать бывшим узникам, что их жизнь во имя Жизни не напрасна, что есть в мире такие, как мы — школьники, посвящающие свое свободное время им, больным и немощным; и мы осознаем цену того, что нас окружает, настоящую цену; и

нас волонтеров, много, нас тысячи; и ради нас стоило идти в огонь, накрывая собой пламя и возвращая людям мирной солнце и глубокое-глубокое синее небо над зеленью родных полей и пьянящим ароматом полевых цветов... По крайней мере, хотя бы эти несколько стариков могут быть уверены, что им растет достойная смена. Их жизнь имела смысл, и память о ней не захлебнется во мраке веков. Она найдет приют здесь, в пламени наших сердец, и вечно будет сиять над землей бессмертным примером мужества и силы непобедимого духа Человека. Возможно, мы не помогли этим людям стать счастливыми, но они все-таки избавились от того самого страха бессмысленности. Их душа сбросила с себя земные цепи, а вместе с ними и груз ответственности за мир, предназначенный теперь для нас. Их душа свободна, но она устала, и я вижу, как она все сильнее и сильнее вслед за нашей песней стремится туда, ввысь, к солнцу, к звездам, к товарищам...

Впереди еще репетиции, выступления, концерты... Но наш хор уже свою задачу выполнил, и я безумно рад, что принимал в этом мероприятии непосредственное участие.

26 февраля

...Понять смысл жизни самому и убедить в ее не бессмысленности других... Казалось бы, так мало...Но вместе с тем, так много...

4 марта

Близится наше первое выступление на сцене, и с каждым днем какое-то подсознательное волнение все больше и больше охватывает наши мысли и чувства, давно уже живущие в предвкушении этого значительного события нашей волонтерской жизни. Стоит ли говорить, что нам было все равно, перед кем выступать – перед шаловливой детворой или же перед педантичным слушателем высшего общества – нами одинаково при одной лишь мысли о предстоящем овладевала непонятная тревога, учащалось биение о виски обеспокоенного сердца, и с раздражительной настойчивостью растекалась в ногах неприятная слабость. Чтобы немного разрядить стеснившуюся напряженность "синдрома сцены", мы, в свою очередь, посетили уже в качестве зрителей замечательную постановку театром им. Янки Купалы пьесы Августа Стриндберга "Эрик XIV". На два часа мы окунулись в суету датского двора XVIII века со всеми его интригами, предательствами и изменами, с тем его отношением к людям, признание и уважение которых можно было купить лишь за деньги, выманить из самых

тайных уголков души лишь холодным блеском золота, его звоном, завораживающим мысли и мечты. И тогда я понял, что человеческое общество абсолютно не изменилось за эти последние триста лет. Смотря на сцену, я смотрел в зеркало сегодняшнего дня, в котором процветает гуманизм, одной рукой ставящий Человека превыше всего, а другой указывающий ему место бессильного ничтожества под властью пятой ног денег. А ведь в самом деле, что представляет собой наша Земля? Ведь она давно уже перестала быть Планетой Жизни. Это уже один сплошной Мир Людей, этакий громадный муравейник Вселенной, в котором все для нас и ради нас. Мы, словно муравьи, рождаемся где-то под землей, вылазим на поверхность, оглядываемся и вдруг замечаем, что на самой верхушке нашего муравейника покоится сияющий, холодный, тяжелый слиток золота. Он завораживает нас своим бездонным, словно тлеющим блеском. Он становится для нас вторым солнцем, подобно ему освещая весь наш жизненный путь. И мы, не видя и не слыша ничего более, стремимся по склонам муравейника туда, вверх, к заветной цели нашего существования, не обращая внимания ни на кого, попирая ногами слабых и жадно впиваясь мутным взглядом в зеркальную поверхность золота, словно стараясь рассмотреть на нем свое отражение среди миллионов таких же. Но чем ближе мы подбираемся к вершине, тем больше начинаем (медленно, незаметно, но с каждым шагом) ослабевать, конечности перестают нас слушаться, и мы вдруг с ужасом замечаем, что жизнь прошла, что мы уже глубокие старики... Вот еще один шаг – и мы оступаемся и катимся вниз, назад к подножию, но попадаем под безжалостные лапки ползущих за нами следующих поколений, и... через секунду уже никто не вспомнит о нашем жалком бессмысленном существовании, как после никто не вспомнит имени тех, кто растоптал нас ради своей единственной, всезатмевающей, всеобъемлющей, но все же неосуществимой мечты. Так было всегда, и так будет. И есть лишь один выход: кто-то большой и ужасный будет бродить по лесу, заметит наш муравейник, подойдет поближе, безжалостно пырнет его ногой и двинется дальше, захватив с собой наш золотой слиток, с улыбкой окунув его в карман...

11 марта

Сегодня в моей жизни был один из самых запоминающихся дней: наш хор выступал перед всей школой. Мы волновались ужасно, даже не знали, сумеем ли мы вообще петь, ног совершенно не чувствовали, словно забыли их дома, а нежная мелодия, выплывающая из-под молоточков пианино, напрочь заглушалась тяжелым и частым громоханием сердечной кувалды. Лишь

сейчас мы поняли весь смысл того, что твердила нам на каждом занятии наш руководитель Ольга Евгеньевна: "Выкладывайтесь сейчас на 200%, чтобы на выступлении спеть хотя бы на 100%, потому что на сцене всегда что-то теряется, даже у великих исполнителей". Что ж, это оказалось истинной правдой. Казалось, единственное, что мы были в состоянии вспомнить в тот момент, это лишь некоторые слова... Лично я шагнул на сцену, будто шагнул в пропасть с парашютом за спиной...

...Из остального лишь помню, как, уходя за кулисы, чувствовал каждой клеточкой своего тела у себя за плечами громовые раскаты неумолкающих аплодисментов...

2004 год

Ласоцкая К., Банникова Е.

Мы часто задумываемся, для чего мы живем, и что нас ожидает в будущем? Кто мы вообще в этом мире, имеем ли мы право называть себя людьми, заслужили ли уважение к себе?

Каждый должен добиться чего-то в жизни, поставить перед собой цель и стремиться к ней. У каждого человека есть своя мечта. Мы мечтаем закончить хорошо школу, иметь любимую профессию, семью, достичь много в жизни, быть в ней не последним человеком, общаться с интересными людьми и радоваться каждому дню, который нам подарила жизнь.

О чем же мечтали дети, которых война лишила всего, даже детства? Ведь быть не по годам взрослым – это очень трудно. К чему в те далекие сороковые стремились наши сверстники и кем хотели стать? Их вовлекли в ненужную и непонятную «взрослую игру», которая длилась четыре долгих и нескончаемых года. Они так же, как и мы, учились в школе, посещали разные кружки: пели, танцевали, мастерили. Дети любили жизнь, радуясь лучам утреннего солнца, шуму дождя и запаху полевых цветов.

Сколько девчонок и мальчишек брали в плен, увозили в немецкое рабство, гнали в концлагеря... Некоторым повезло, и они наравне с взрослыми шли воевать, чтобы защищать свою любимую родину. Детей, оставшихся в тылу, тоже не обошла война, затронув своим седым крылом. Они остались живы, но им было ничуть не легче.

Они терпели голод и холод, много часовые вахты у станка без сна и отдыха, теряли родных и близких.

Как бы мы ни хотели поставить себя на их место, мы все равно не почувствуем в полной мере их страха, мук и боли, мы лишь понимаем, что те

дети намного сильнее морально и физически, чем ребята в наше время. Многие сейчас живут одним днем, их не интересует, что ждет в будущем их самих, не говоря уже обо всем человечестве. При взгляде на некоторых наших сверстников нам становится страшно: к чему мы идем? Дети того времени были намного добрее, отзывчивее, терпимее и трудолюбивее.

Пережили горе и взрослые. Вроде они сильные, но иногда даже взрослые ничего не могли сделать со сложившейся ситуацией. Сколько горя принесла им эта война, передать это нельзя простыми лишь словами – это можно лишь почувствовать или увидеть, но никак по-другому. Во время войны они лишились всего, но они всегда оставались людьми, чтобы ни случилось. Многие из них потеряли все, у них остались лишь воспоминания о тех горьких днях проведенных в концлагерях под надзором.

В СШ № 137 функционирует отряд волонтеров по оказанию социально-психологической помощи бывшим узникам концлагерей. Но это лишь часть того, что может сделать общество людям, пережившим и сохранившим в памяти страдания о пережитых днях. Вся помощь, которая оказывается волонтерами, лишь часть того, что мы можем сделать. На протяжении некоторого времени велась переписка волонтеров с людьми, которые во время войны были узниками лагеря Равенсбрюк. Ответы приходили всегда, даже если происходило непоправимое... каждый из них соглашался поведать нам обо всем, что они помнят и знают. Им было тяжело вспоминать, но они понимали, что это не просто ради какого-то любопытства, а ради увековечивания тех событий. Мы ведь только понаслышке можем думать о горестях, пережитых людьми.

Но мы никогда не должны забывать того, что испытали узники! Это бремя всего народа, особенно людей, которые совершили непоправимое. Каждый из нас – это часть истории, которую нам подарили люди, боровшиеся с фашизмом.

Минск, 2008

Заключение

Война, как трагическое явление, связана с такими словами, как жизнь и смерть, рок и судьба, ужас, кровь. От воспоминаний наших героев щемит сердце и хочется только одного, чтобы это никогда не повторилось. Маленький человек оказался сильнее войны. Он устоял под сокрушающими ударами самой страшной бури и вышел из них победителем.

Память человека хранит и боль, и горе, и ужас. Люди, пережившие войну, не могут ее забыть. Они смотрят на закат, а видят зарево пожара. Они закрывают глаза, а перед ними смерть и боль. Они затыкают уши, но слышат вой самолетов, взрывы, крики, стоны.

И сейчас, после окончания самой страшной войны в истории человечества, мы гордимся тем, что белорусский народ не отдал врагам свою землю, а великой ценой, ценой жизнью миллионов людей завоевал победу.

Задача современного поколения – сохранить этот хрупкий мир, за который страдали ни в чем не повинные детские жизни.

Приложения

Список бывших малолетних узников Первомайского района г. Минска (на 2009г.)

№	фамилия, имя, отчество	год рождения
1.	АБРАМЕНКО МИХАИЛ ЕГОРОВИЧ	28.01.1933
2.	АВДЕЕВ АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ	24.11.1935
3.	АГАРОК ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА	10.07.1926
4.	АЗАНОВИЧ НИНА ГРИГОРЬЕВНА	15.02.1932
5.	АЗАРЕНКО ТАМАРА ЕЛИСЕЕВНА	20.07.1936
6.	АЛЕКСАНДРОВ АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ	12.06.1933
7.	АНДРЕЕНКО РОЗАЛИЯ ФЕДОРОВНА	22.11.1932
8.	АНИСИМОВА ЛИДИЯ ЛЕОНОВНА	30.03.1931
9.	АНОШКО ЗИНАИДА ВЛАДИМИРОВНА	19.10.1940
10.	АПАНКЕВИЧ ГРИГОРИЙ ИОСИФОВИЧ	05.01.1938
11.	БАБИНА ИВАН ИГНАТЬЕВИЧ	15.12.1925
12.	БАБИЦКАЯ ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА	20.11.1943
13.	БАЕШКО ВЕРА ИВАНОВНА	27.01.1935
14.	БАЛАЙ ЛЮБОВЬ АНТОНОВНА	09.04.1928
15.	БАРАНОВА МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА	15.03.1936
	БАРАНОВСКАЯ ВАЛЕНТИНА	
16.	МИХАЙЛОВНА	13.03.1930
17.	БАРКУН ЕЛЕНА ИОСИФОВНА	20.03.1926
18.	БАХАНЦОВА ЮЛИЯ ИГНАТЬЕВНА	06.07.1930
19.	БЕЛЬКО КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА	29.01.1929
20.	БЕСМАН ХРИСТИНА ВАСИЛЬЕВНА	25.02.1931
21.	БИРАН ВЛАДИСЛАВ ПЛАТОНОВИЧ	12.08.1936
22.	БЛАГАНЬКОВА ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВНА	25.01.1940
23.	БЛАДЫКО ЛЮБОВЬ ПИМЕНОВНА	25.08.1936
24.	БОДРОВА ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА	25.10.1925
25.	БОЙКО АДА САМСОНОВНА	10.01.1927
26.	БОЛБАС ЗИНАИДА ИГНАТЬЕВНА	01.07.1928
27.	БОНДАРЕНКО НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА	14.08.1930
28.	БОНДАРЬ АНАНИЙ ПЕТРОВИЧ	02.01.1924
29.	БОРЗДЫКО ЛАРИСА ТИМОФЕЕВНА	03.01.1940
30.	БОРИСЕВИЧ АННА АЛЕКСАНДРОВНА	11.10.1926
31.	БОРИСЕНОК НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	25.04.1945
32.	БОРОВЕЦ СТАНИСЛАВА ФРАНЦЕВНА	13.05.1926
33.	БОРОДКИНА НИНА НИКОЛАЕВНА	06.04.1924
34.	БРИСЮК ЕЛЕНА ПАВЛОВНА	04.04.1935
35.	БРЮХОВЕЦКАЯ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА	15.01.1937
36.	БУКАС МАРИЯ MARTИНОВНА	04.05.1936
37.	БУЛАНОВА РАИСА ЯКОВЛЕВНА	18.06.1925
38.	БУРАЧКОВ АНАТОЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ	10.10.1927
39.	БУРМИСТРОНОК НИНА МИХАЙЛОВНА	10.11.1928
40.	БУЯНОВА АННА НИКОЛАЕВНА	29.01.1942
41.	БЫКОВА ИНЕССА СТЕПАНОВНА	08.07.1937
42.	ВАЛЯВКО ВЕРА ФЕДОРОВНА	31.08.1929
43.	ВАРГАНОВА ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА	27.10.1926
44.	ВАСЬКО ВАЛЕНТИНА МИТРОФАНОВНА	27.05.1926
45.	ВАШКЕВИЧ ИРИНА АРХИПОВНА	10.03.1932

46.	ВЕЖНОВЕЦ АЛЕКСАНДР САВЕЛЬЕВИЧ	14.08.1930
47.	ВЕЖНОВЕЦ ТИМОФЕЙ ГЕРАСИМОВИЧ	09.12.1932
48.	ВЕРБИЦКАЯ АННА ВЛАДИМИРОВНА	06.08.1941
49.	ВИЛЬКИЦКАЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА	18.05.1929
50.	ВИТКОВСКИЙ ВИКТОР АФАНАСЬЕВИЧ	22.08.1937
51.	ВОЕВODOV ЕГОР ТРОФИМОВИЧ	27.03.1935
52.	ВОЗМИТЕЛЬ ВАЛЕРИЙ АВРАМОВИЧ	22.10.1932
53.	ВОЛКОВА МАРИЯ МАКСИМОВНА	01.04.1927
54.	ВОЛЫНЕЦ АЛЕВТИНА СЕРГЕЕВНА	23.03.1943
55.	ВОРОН РАИСА АЛЕКСЕЕВНА	08.07.1939
	ВОСКОБОЙНИКОВА ВЕРА	
56.	АНДРИЯНОВНА	10.05.1942
57.	ВЫРВИНА ЕВГЕНИЯ МИХЕЕВНА	02.01.1940
58.	ВЫШЕДКО ОЛЬГА ПАВЛОВНА	01.01.1928
59.	ГАБЕР РОЗА ИОСИФОВНА	12.11.1917
60.	ГАЕВСКАЯ НИНА ПЕТРОВНА	14.01.1937
61.	ГАЛУЗА ГАЛИНА КАРПОВНА	15.08.1936
	ГЕРАСИМОВИЧ АЛЕКСАНДРА	
62.	ЕФИМОВНА	13.07.1936
63.	ГИЛЬ МАЙЯ ИВАНОВНА	04.10.1943
64.	ГЛУШКОВ ПАВЕЛ ДАВЫДОВИЧ	03.04.1927
65.	ГОЛУБЕВА ИРИНА ДАВЫДОВНА	05.08.1939
	ГОЛУБНИЧАЯ АЛЕКСАНДРА	
66.	ПАРФЕНОВНА	25.11.1929
67.	ГОРБАЦЕВИЧ МАРИЯ ТИМОФЕЕВНА	01.07.1925
68.	ГОРНАК АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ	16.09.1927
69.	ГОШКО НИНА ИВАНОВНА	20.09.1941
70.	ГРАБКО НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ	01.05.1934
71.	ГРАКОВ ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ	09.01.1925
	ГРИГОРЬЕВА АНТОНИНА	
72.	ВЛАДИМИРОВНА	13.02.1930
73.	ГРИУ НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА	25.11.1926
74.	ГРИЦ ЗОЯ ТИХООНОВНА	23.01.1924
75.	ГУБИЦКАЯ АНАСТАСИЯ НАУМОВНА	15.08.1928
76.	ГУЛЕНКОВ КОНСТАНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ	10.05.1933
77.	ГУЛЕНКОВА ОЛЬГА ГЕРАСИМОВНА	20.05.1934
78.	ГУЛИС АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА	20.03.1927
79.	ГУЛИС ВАЛЕНТИНА МАКСИМОВНА	01.05.1930
80.	ГУТКОВСКАЯ ЛЮДМИЛА ЛЕОНИДОВНА	04.05.1942
81.	ГУЩА ТАИСИЯ МИХАЙЛОВНА	25.05.1937
82.	ДАЙНЕКО МИХАИЛ ДАНИЛОВИЧ	01.02.1932
83.	ДАНИЛОВИЧ ОЛЬГА ВЛАСОВНА	11.06.1927
84.	ДЕДЮШКО НАДЕЖДА ИГНАТЬЕВНА	26.12.1926
85.	ДЕМИНА СОФИЯ МИХАЙЛОВНА	23.09.1927
86.	ДЕМОСЮК АНАТОЛИЙ АРТЕМОВИЧ	13.01.1944
87.	ДЕМЯНЧИК БЕРНАРДА БЕРНАРДОВНА	10.05.1943
88.	ДЕНИСОВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ	06.05.1928
89.	ДОВНАР АННА ПЕТРОВНА	10.02.1938
90.	ДОВНАР ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВНА	26.08.1937
91.	ДОВНАР НИНА ИВАНОВНА	27.05.1927
92.	ДОРОЖКО АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ	27.10.1937
93.	ДОРОНИНА ОЛЬГА НИКИТИЧНА	10.01.1925
94.	ДРОЗДОВСКАЯ ОЛЬГА МАКСИМОВНА	02.03.1926

95.	ДУБИНЧИК МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА	29.03.1938
96.	ДУБОВИК ПЕЛАГЕЯ МАТВЕЕВНА	12.08.1937
97.	ДУБРОВИНА НИНА ИВАНОВНА	25.11.1939
98.	ДУНАЕВСКАЯ ВЕРА АРХИПОВНА	28.03.1937
99.	ДЫЛЕЙКО ВЕРА ИВАНОВНА	02.03.1936
100.	ДЫШЛЕВИЧ СУСАННА ВАСИЛЬЕВНА	23.06.1935
101.	ЕВТУШЕНКО ТАМАРА ИОСИФОВНА	15.09.1943
102.	ЕМЖИНА ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВНА	30.01.1924
103.	ЕРШОВА НЕЛИНА АФАНАСЬЕВНА	24.01.1941
104.	ЕСИЛЕВИЧ ИОСИФ ЕФИМОВИЧ	11.01.1933
105.	ЖАРДЕЦКАЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА	03.01.1939
106.	ЖГУН ГРИГОРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ	30.07.1941
107.	ЖЕЛОБКОВИЧ ОЛЬГА ПЕТРОВНА	28.10.1926
108.	ЖИГАЛКО ЛЮДМИЛА АНАТОЛЬЕВНА	21.09.1926
109.	ЖИЗНЕВСКАЯ ЛЕОНИДА ВЛАДИМИРОВНА	08.05.1936
110.	ЖИЛИНА ЯНИНА МЕЧЕСЛАВОВНА	21.10.1941
111.	ЖИЛЯНИН ГРИГОРИЙ ВИКЕНТЬЕВИЧ	23.01.1930
112.	ЖУК ЛЮДМИЛА ФЕДОРОВНА	01.03.1936
113.	ЖУКОВСКИЙ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ	18.01.1933
114.	ЖУРАВСКАЯ АННА АБРАМОВНА	25.06.1936
115.	ЖУРАВСКАЯ СОФИЯ АНТОНОВНА	02.08.1927
116.	ЗАБРОДИНА ЕКАТЕРИНА ИЛЬИНИЧНА	04.05.1939
117.	ЗАЛИВАКО АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА	14.01.1937
118.	ЗАХАРЕВСКИЙ ВАЛЕНТИН ЮРЬЕВИЧ	09.06.1941
119.	ЗЕЛЕНИНА ИДЕЯ МИХАЙЛОВНА	08.04.1925
120.	ЗМАЧИНСКАЯ ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА	10.12.1937
121.	ЗМУШКО ГЕННАДИЯ ИГНАТЬЕВНА	04.06.1938
122.	ЗУБКОВСКАЯ ВАЛЕНТИНА ДМИТРИЕВНА	28.08.1943
123.	ЗУБОК ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ	14.05.1935
124.	ИВАНЕНКО ОЛЬГА ПАВЛОВНА	01.07.1919
125.	ИВАНОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ	01.06.1932
126.	ИВАНОВА ПРАСКОВЬЯ ДМИТРИЕВНА	29.11.1926
127.	ИГНАТОВИЧ ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВИЧ	29.11.1935
128.	ИГНАТОВИЧ ТАТЬЯНА ИВАНОВНА	01.04.1940
129.	ИГНАТЮК ЛИЛИЯ СТЕПАНОВНА	01.05.1938
130.	ИЗОХ ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ	01.01.1936
131.	ИСКРОВ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ	23.08.1929
132.	КАВКО ВАЛЕНТИНА АНТОНОВНА	20.11.1928
133.	КАЛЕНИК ЛИДИЯ ЯКОВЛЕВНА	28.11.1938
134.	КАРНАКОВА АНТОНИНА ДМИТРИЕВНА	08.12.1925
135.	КАЧАН ДИНА АЛЕКСАНДРОВНА	28.02.1940
136.	КЛЕВКО ИВАН ИВАНОВИЧ	17.11.1929
137.	КЛЕВКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ	20.01.1940
138.	КОВАЛЕВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ	16.01.1934
139.	КОВАЛЕВСКАЯ АННА МАКСИМОВНА	27.02.1932
140.	КОВАЛЕНКО НИНА ВАСИЛЬЕВНА	17.04.1939
141.	КОВАЛЕНКО ЕВГЕНИЙ ТИМОФЕЕВИЧ	08.06.1926
142.	КОВШАР ЕКАТЕРИНА КАРПОВНА	01.11.1928
143.	КОЗЛОВСКИЙ АРНОЛЬД МИХАЙЛОВИЧ	29.08.1930
144.	КОКОНОВ ВАСИЛИЙ ЛУКИЧ	25.05.1928
145.	КОЛБАСА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА	01.07.1925

146.	КОЛОСОВ ЛЕВ ЛЕОНИДОВИЧ	20.06.1932
147.	КОНДРАТЕНЯ СОФИЯ ГАВРИЛОВНА	09.09.1939
148.	КОНОПАЦКАЯ ВАЛЕНТИНА ТЕРЕНТЬЕВНА	05.05.1931
149.	КОНСТАНТИНОВИЧ НЕЛЛИ ИГНАТЬЕВНА	23.07.1938
150.	КОРЕЛЫЙ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ	08.03.1940
151.	КОРЖЕНЕВИЧ ЗОЯ АНТОНОВНА	31.01.1930
152.	КОРЗУН НИНА БОРИСОВНА	25.09.1927
153.	КОРИЗНО АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ	03.08.1926
154.	КОРОЛЬКО ЯНИНА РОМАНОВНА	15.07.1936
155.	КОРХОВ ИВАН КИРИЛЛОВИЧ	22.08.1935
156.	КОСЕНКОВА МАРИЯ НИКИТИЧНА	08.03.1929
157.	КОСТЕВИЧ РАИСА ЯКОВЛЕВНА	12.03.1932
158.	КОТ СОФИЯ МИХАЙЛОВНА	01.09.1927
159.	КОХНО ВЕРА ИГНАТЬЕВНА	15.02.1928
160.	КОЧАН НИНА МИТРОФАНОВНА	09.05.1927
161.	КОШЕВЕНКО МАТРЕНА КИРИЛЛОВНА	05.08.1933
162.	КРУПКО ГАЛИНА ПЕТРОВНА	08.08.1935
163.	КРЫЛОВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА	01.04.1929
164.	КРЮКОВА КЛАВДИЯ АНДРЕЕВНА	21.04.1934
165.	КУДРЯВЦЕВ ВЛАДИМИР ДЕМИДОВИЧ	21.01.1930
166.	КУЗИК ЖАННА ДМИТРИЕВНА	03.01.1944
167.	КУПЦОВА МАРИЯ АДАМОВНА	01.08.1929
168.	КУПЧЕНКО ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВНА	01.11.1935
169.	КУРБЕКО НИНА АЛЕКСАНДРОВНА	25.06.1936
170.	КУРЛЕНКОВА ЯДВИГА ИВАНОВНА	24.01.1930
171.	КУХТО ЕЛЕНА СЕМЕНОВНА	05.10.1924
172.	ЛАДУТЬКО РЕГИНА ИОСИФОВНА	10.10.1943
173.	ЛАКОЗА НИНА СТЕПАНОВНА	10.09.1926
174.	ЛАППО АННА МАКСИМОВНА	10.10.1929
175.	ЛАПУЦКАЯ АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА	10.03.1935
176.	ЛАРИЧКОВ РОМАН МАКСИМОВИЧ	29.03.1931
177.	ЛЕВАНЬКОВ ВЛАДИМИР ПЛАТОНОВИЧ	19.05.1942
178.	ЛЕВИН ЯКОВ ЛАЗАРЕВИЧ	06.03.1935
179.	ЛИННИК ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ	20.05.1935
180.	ЛИТВИНЧУК НИНА АНДРЕЕВНА	10.01.1935
181.	ЛОБАЧЕНКО ЛЕОНИД ЕГОРОВИЧ	25.09.1941
182.	ЛОБКОВА МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА	05.05.1930
183.	ЛОГУНОВА ЕКАТЕРИНА НИКИТИЧНА	01.01.1930
184.	ЛОНТУС ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА	09.07.1927
185.	ЛОПАТИНА МАРИАННА ЧЕСЛАВОВНА	04.09.1940
186.	ЛУКАШЕВИЧ МАРИЯ АНТОНОВНА ЛУКЪЯНИН ВЛАДИСЛАВ	29.01.1929
187.	СИГИЗМУНДОВИЧ	22.08.1942
188.	ЛУКЪЯНОВИЧ ФЕЛИКС ИГНАТЬЕВИЧ	10.05.1927
189.	ЛУФЕРЧИК ВЕРА КИРИЛОВНА	15.02.1928
190.	ЛЫНОВА ОКТЯБРИНА СЕРГЕЕВНА	01.06.1926
191.	ЛЮБЕЦ ЗИНАИДА ВАСИЛЬЕВНА	11.08.1928
192.	МАЕВСКАЯ ЗОЯ МИХАЙЛОВНА	05.03.1929
193.	МАЙСИНОВИЧ РАИСА СЕРГЕЕВНА	09.07.1943
194.	МАЙСТРЕНКО АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ	01.06.1934
195.	МАКОВСКАЯ НЕЛЛИ ПЕТРОВНА	06.11.1934

196.	МАНКЕВИЧ ГАЛИНА ФЛОРИАНОВНА МАРЦИНКЕВИЧ АНАТОЛИЙ	17.01.1926
197.	ВИКТОРОВИЧ	01.03.1937
198.	МАРЧЕНКОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ	06.12.1931
199.	МАСЮК ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВНА	07.01.1931
200.	МАТВЕЕВА АНТОНИНА МИХЕЕВНА	15.11.1925
201.	МАТЕЦКАЯ ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА	27.02.1943
202.	МАХОВА АННА НИКИТИЧНА	08.05.1925
203.	МАЦКЕВИЧ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ	05.08.1940
204.	МЕДВЕДЕВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА	28.08.1931
205.	МЕЖЕВИЧ ИРИНА ИВАНОВНА	04.08.1936
206.	МЕЗЕНЦЕВ ДМИТРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ МЕЛЬНИКОВА ЛИДИЯ	18.07.1927
207.	КОНСТАНТИНОВНА	10.02.1928
208.	МЕЛЬНИКОВА ЛЮДМИЛА КИРИЛЛОВНА	06.05.1932
209.	МЕШКЕС НИНЕЛЬ ФРАНЦЕВНА	17.08.1928
210.	МИСЕЧКО НАДЕЖДА ГРИГОРЬЕВНА МИХАЙЛОВСКИЙ МИХАИЛ	01.09.1933
211.	МИХАЙЛОВИЧ	25.09.1937
212.	МИХАЛЕВИЧ ЕКАТЕРИНА САВЕЛЬЕВНА	25.07.1925
213.	МИХЕДОВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА	05.09.1937
214.	МОЗАЛОВСКАЯ МАРИЯ ЛУКЪЯНОВНА	26.11.1927
215.	МОНИЧ НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ	01.04.1925
216.	МОРОЗОВА ЛИДИЯ КОНСТАНТИНОВНА	23.08.1929
217.	МУХИНА ФЕДОСИЯ СИДОРОВНА	02.11.1928
218.	НАГУЛА ФЕОФАН ФЕДОРОВИЧ	26.10.1925
219.	НАРУШЕВИЧ ВЕРА ИГНАТЬЕВНА	02.09.1925
220.	НАСОНОВА МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА	18.12.1928
221.	НАЩИНЕЦ ЕКАТЕРИНА КИРИЛЛОВНА	05.01.1925
222.	НЕВЕРОВИЧ ЖАННА КСАВЕРЬЕВНА	11.05.1937
223.	НЕКРАШЕВИЧ СОФИЯ ИВАНОВНА	17.09.1940
224.	НЕМИРКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ	05.05.1925
225.	НЕМОГАЙ АННА ИВАНОВНА	25.11.1927
226.	НЕСТЕРОВИЧ АННА САВЕЛЬЕВНА	05.03.1929
227.	НИКОЛАЕНЯ АННА ГРИГОРЬЕВНА	03.02.1932
228.	НИКОЛАЙЧУК ГАЛИНА ПАВЛОВНА	12.12.1930
229.	НОВИКОВА ЭЛЬВИРА СЕРГЕЕВНА	05.01.1935
230.	НОВИЦКАЯ АННА ВАСИЛЬЕВНА	20.01.1944
231.	НОВИЦКИЙ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ	31.07.1940
232.	НОВИЦКИЙ ЕВГЕНИЙ ЗАХАРОВИЧ НОВОСЕЛЬЦЕВА ЛЕОНИДА	09.01.1932
233.	ФЕЛИЦИАНОВНА	01.04.1928
234.	ОДИНЕЦ НИКОЛАЙ МОИСЕЕВИЧ	27.11.1938
235.	ОЛИН ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ ОСИНОВСКИЙ АЛЕКСАНДР	07.07.1940
236.	АЛЕКСАНДРОВИЧ	05.07.1934
237.	ОСИПОВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ	01.01.1937
238.	ОСТРОВСКАЯ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА	18.12.1935
239.	ПАВЛОВА ИРИНА СИГИЗМУНДОВНА	23.02.1940
240.	ПАВЛОВЕЦ АННА КИРИЛЛОВНА	18.07.1932
241.	ПАВЛОВЕЦ МАРИЯ СЕРГЕЕВНА ПАВЛОВСКАЯ ГАЛИНА	05.04.1929
242.	АЛЕКСАНДРОВНА	14.02.1941

243.	ПАРАБКОВИЧ ТАМАРА ДМИТРИЕВНА	01.07.1936
244.	ПАРФЕНОВА ВЕРА АНДРЕЕВНА	26.06.1935
245.	ПАРХОМЕНКО ВЕРА ФОМИНИЧНА	01.07.1925
246.	ПАРХОМЧИК ПЕТР ПЕТРОВИЧ	23.02.1937
247.	ПАХОМОВИЧ ОЛЬГА ПЕТРОВНА	03.09.1935
248.	ПАШКЕВИЧ ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА	08.08.1926
249.	ПАШКИНА ГАЛИНА ЕМЕЛЬЯНОВНА	29.01.1940
250.	ПАШКО ДОМНА ЯКОВЛЕВНА	04.05.1932
251.	ПАШУКЕВИЧ ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА	06.06.1930
252.	ПЕТРАКОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ	26.05.1938
253.	ПЕТРОВА ПАРАСКА ПЕТРОВНА	11.11.1926
254.	ПЕТРОВСКАЯ ТАИСИЯ ЭДУАРДОВНА	11.07.1923
255.	ПЕТРУШЕВСКИЙ ИВАН СЕМЕНОВИЧ	12.06.1944
256.	ПИНЧУК ТАИСА ИОСИФОВНА	09.03.1939
257.	ПИЩИК СВЯТОСЛАВ АДАМОВИЧ	15.01.1937
258.	ПЛАКС МАРА ИОСИФОВНА	15.04.1939
259.	ПЛАЩИНСКАЯ АННА ЕМЕЛЬЯНОВНА	15.01.1927
260.	ПЛИНЕР ГЕРГАРД АЛЕКСАНДРОВИЧ	12.12.1928
261.	ПОГАНЬКО АЛЕКСАНДР БОЛЕСЛАВОВИЧ	20.11.1936
262.	ПОДЕРЯЧЕВА МАРИЯ ПЕТРОВНА	09.06.1927
263.	ПОЛУЯН НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ	15.05.1932
264.	ПОМИНОВА ЛЮБОВЬ МАКАРОВНА	17.08.1927
265.	ПОНКРАТОВА РАИСА ИВАНОВНА	17.09.1944
266.	ПОПКОВИЧ ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА	25.11.1928
	ПОПКОВСКИЙ МЕЧИСЛАВ	
267.	АНАТОЛЬЕВИЧ	11.02.1928
268.	ПОСПЕЛОВА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА	14.04.1934
269.	ПРОТАСЕНЯ ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА	20.05.1926
270.	РАДКЕВИЧ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ	21.10.1940
271.	РАКОВЕЦ ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА	13.09.1931
272.	РАТНИКОВА НИНА МИХАЙЛОВНА	10.10.1937
273.	РЕУТ СТАНИСЛАВА НИКОЛАЕВНА	22.10.1941
274.	РЕЧЕНКОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ	25.07.1937
275.	РЕЧИЦ ЗИНАИДА ИГНАТЬЕВНА	01.01.1937
276.	РОГАЧ ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА	20.11.1930
	РОМАНКЕВИЧ ВАЛЕРИЙ	
277.	ВЛАДИМИРОВИЧ	21.03.1944
278.	РОМАНОВА ГАЛИНА ГРИГОРЬЕВНА	08.12.1929
279.	РОМАНОВА ЛИДИЯ СТЕПАНОВНА	17.07.1935
280.	РОМАШЕВИЧ ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВНА	18.06.1939
281.	РУНОВИЧ АЛИМПИАДА ЕЛИЗАРОВНА	12.05.1935
282.	РУСАКОВ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ	03.05.1933
283.	САВИЦКАЯ АННА ГРИГОРЬЕВНА	01.07.1925
284.	САЛЬНИКОВ ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ	22.07.1931
285.	САМКЕВИЧ ЛАРИСА ИВАНОВНА	14.05.1940
286.	САНКЕВИЧ РАИСА ГРИГОРЬЕВНА	21.10.1938
287.	САПОНЕНКО ЕВА НИКОДИМОВНА	15.04.1937
288.	САРАКАЧ МАРИЯ МАРКОВНА	01.07.1925
289.	САЧЕНКО ФИЛИПП БОРИСОВИЧ	24.06.1939
290.	СЕМЕНОВА АННА НИКОЛАЕВНА	29.04.1929
291.	СЕМЕНЧУК ГАЛИНА ТЕРЕНТЬЕВНА	01.07.1927
292.	СЕРКО ЕЛЕНА АНТОНОВНА	16.08.1926
293.	СИДОРЕНКО ВЯЧЕСЛАВ ФИЛИППОВИЧ	25.05.1931

294.	СИДОРМА ЖАННА ЮЗЕФОВНА	09.03.1944
295.	СИДОРОВА МАРИЯ ХАРИТОНОВНА	27.01.1927
296.	СИМАНОВИЧ ОЛИМПИАДА	
296.	СТЕПАНОВНА	20.06.1933
297.	СКАЧЕК АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	15.11.1938
298.	СНЕЖКО МАРИЯ ПАНФИЛОВНА	05.01.1935
299.	СНЫТЧЕНКО СЕРАФИМА ПЕТРОВНА	04.11.1924
300.	СОЛОГУБ ГРИГОРИЙ МАТВЕЕВИЧ	13.02.1926
301.	СОЛОДКИНА ВЕРА АНТОНОВНА	20.05.1936
302.	СОТИКОВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА	12.08.1940
303.	СОХОНЕВИЧ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	09.11.1935
304.	СТАХОВСКАЯ ТАТЬЯНА ИВАНОВНА	10.11.1926
305.	СТЕПАНОВА ВАЛЕНТИНА ГЕОРГИЕВНА	28.02.1943
306.	СТОЛЯРОВА АЛЛА НИКОЛАЕВНА	22.11.1937
307.	СТРАУЗОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА	23.08.1927
308.	СУЛИК ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА	01.01.1928
309.	СУПРАНОВИЧ ЕВА АНДРЕЕВНА	04.02.1936
310.	СЦИПИЮК ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ	10.06.1926
311.	ТАБОЛИНА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА	13.07.1926
312.	ТАНАСИЕНКО МАРИЯ АНУФРИЕВНА	05.05.1936
313.	ТАРАРАКО ЯДВИГА СТАНИСЛАВОВНА	02.09.1939
314.	ТАРЛЕЦКИЙ ВАЛЕРИЙ АНТОНОВИЧ	17.04.1941
315.	ТЕРЕНТЬЕВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА	13.08.1941
316.	ТЕТЕРЮКОВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА	29.12.1938
317.	ТИХАНОВИЧ РЕНЕТА МИХАЙЛОВНА	07.02.1940
318.	ТИХОНОВА МАРИЯ УЛЬЯНОВНА	13.12.1925
319.	ТКАЧЕВА ЯНИНА ВАСИЛЬЕВНА	20.12.1936
320.	ТОКАРЕВА ЛИЛИЯ СЕМЕНОВНА	25.07.1941
321.	ТРЕЗКОВА ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА	10.06.1940
322.	ТУПИЧИНА НИНА МАКСИМОВНА	01.07.1929
323.	ТУРБАЛ ФАИНА САФРОНОВНА	01.07.1924
324.	ТУРЛЮК МАРИЯ ПАВЛОВНА	18.07.1937
325.	УМЕЦКАЯ ЕФРОСИНЬЯ ИГНАТЬЕВНА	10.07.1924
326.	УМЕЦКИЙ МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ	02.07.1927
327.	УСАЧЕВА ЛИДИЯ АРТЕМОВНА	15.01.1939
328.	УСОВИЧ ВЕРА ТРОФИМОВНА	15.02.1931
329.	ФЕДОРОВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ	01.01.1935
330.	ФЕДЬКИН МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ	01.01.1929
331.	ФИЛАТОВА ТАТЬЯНА	
331.	КОНСТАНТИНОВНА	08.11.1935
332.	ФИЛИПЧИК АННА АКИМОВНА	24.07.1928
333.	ХАНЕЦКАЯ ЛИДИЯ КУЗЬМИНИЧНА	23.04.1937
334.	ХАЦКЕВИЧ ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА	18.12.1932
335.	ХВАЩЕВСКИЙ ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ	14.03.1945
336.	ХОМУТКИНА ИРИНА НИКОЛАЕВНА	01.07.1926
337.	ХОРТОВА ПЕЛАГЕЯ МИХАЙЛОВНА	13.11.1927
338.	ЦЕРЛЮКЕВИЧ ВЛАДИМИР АДАМОВИЧ	13.12.1929
339.	ЦУБИКОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ	10.04.1944
340.	ЧЕКАЛИНСКАЯ-КОРЕ ИРМА ИВАНОВНА	05.05.1925
341.	ЧЕПИК АННА ПАРФЕНОВНА	15.04.1926
342.	ЧЕРНИКОВ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ	10.01.1932
343.	ЧЕРНУШЕВИЧ ГЕНЯ ВЛАДИМИРОВНА	20.01.1932
344.	ЧЕХОВСКАЯ ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА	01.02.1937

345.	ЧИВКУЛЬ ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА	03.04.1931
346.	ЧУБАНОВА АЛЛА НИКОЛАЕВНА	01.03.1938
347.	ЧУЧВАЛ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ	05.05.1942
348.	ШАВЕЙКО КЛАВДИЯ ВЛАДИМИРОВНА	22.11.1927
349.	ШАВРУКОВА ЛИДИЯ СТАНИСЛАВОВНА	22.03.1938
350.	ШАКУТИН ВЛАДИМИР ПАРФИРЬЕВИЧ	14.01.1927
351.	ШАРАМЕТ ВАЛЕНТИНА ЗАХАРОВНА	15.08.1929
352.	ШЕВЦОВА ЕФРОСИНЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА	01.07.1926
353.	ШЕВЦОВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА	13.01.1937
354.	ШИЧКО ГАЛИНА КОНСТАНТИНОВНА	26.06.1924
355.	ШЛАПАКОВ МИНАЙ КАРНЕЕВИЧ	07.10.1936
356.	ШПЫРО ЭММА АЛЕКСАНДРОВНА	18.04.1945
357.	ЩЕДРОВА СОФЬЯ СТЕПАНОВНА	30.04.1928
358.	ЮДИНА ЕВГЕНИЯ АДЛЬФОВНА	06.01.1928
359.	ЮЗВУК РАИСА РОХОВНА	10.10.1928
360.	ЮРКО ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА	11.07.1925
361.	ЮРЦЕВИЧ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ	15.12.1943
362.	ЮСТИМЧУК ЗИНАИДА ИВАНОВНА	11.05.1927
363.	ЮХНОВИЧ АННА МИХАЙЛОВНА	18.05.1928
364.	ЯКИМЧЕНКО ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА	10.01.1933
365.	ЯКОВЕНКО ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ	08.10.1938
366.	ЯКУБОВСКАЯ НИНА МИТРОФАНОВНА	09.05.1935
367.	ЯСНИЦКАЯ ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА	24.08.1932
368.	ЯСЮКЕВИЧ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ	07.05.1934

Подготовлен Г.И. Змушко

Список изданий бывших узников концентрационных лагерей, гетто, принудительных рабочих

1. Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское сопротивление, репатриация детей из Германии / сост.: **З.Д. Никодимова**; под ред. К.И. Козака Мн., 2010. –150 с.
2. **Борисова, А.В.** Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / **А.В. Борисова, К.И.Козак, Г.Л. Стучинская.** –Минск: И.П. Логвинов, 2009. – 380 с.
3. **Борисова, А.В.** Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / **А.В. Борисова, К.И.Козак, Г.Л. Стучинская.** –2-е изд. испр. и доп. –Минск: И.П. Логвинов, 2010. – 444 с.
4. Война и украденные годы: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси / сост. **Е.И. Люлькина**; под ред. К.И. Козака. –Минск: И.П. Логвинов, 2009. –264 с.
5. Война и украденные годы: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси. Вып. 2. Доп. и перераб. / сост. **Е.И. Люлькина**; под ред. К.И. Козака. 2-е изд. Испр. И доп. –Минск: И.П. Логвинов, 2010. –214 с.
6. Воспоминания климовчан-остарбайтеров / Общественная организация "Могилевская областная ассоциация малолетних узников фашистской неволи", Климовичское районное объединение краеведов "Спадчына"; [авторы-составители: **Л.И. Андриюшкова, Н.В. Банышевская, А.М. Кожемяко**]. –Могилев, 2005. –182 с.
7. **Гальбурт, А.** Выживший в аду. Незабываемое / **А. Гальбурт.** –Минск: Энциклопедикс, 2003. –140 с.
8. **Гальперина, Р.** Как это было... Выживание. Жизнь. Надежда / **Р. Гальперина.** Выпуск третий. –Минск: Историческая мастерская, 2006. –129 с.
9. **Грыбаў, М.** Запіскі оstarбайтэра / **М. Грыбаў.** –Брэст: Акадэмія, 2005. –227 с.
10. **Гурин, Н.** Пуховщина помнит: Воспоминания о войне / **Н. Гурин.** –Минск: Технопринт, 2005. –317 с.
11. **Гурин, Н.А.** Пуховщина помнит: Воспоминания о войне и последующих годах / **Н.А. Гурин, И.И. Грудинский.** –Минск: А.Н. Вараксин, 2006. –279 с.
12. **Гурин, Н.А.** Пуховщина помнит: Воспоминания о войне и последующих годах / **Н.А. Гурин, А.И. Злобич.** –Минск: А.Н. Вараксин, 2006. –312 с.
- 13.
14. **Давыдова, Г.Р.** От Минска до Ла-Манша или дорогами Холокоста: Док. повесть / **Г.Р. Давыдова.** 2-е изд. –Минск, 2001. –232 с.
15. **Даган, Б-Ц.** Мы из восставшей Лахвы / **Б-Ц. Даган.** –Тель-Авив, 2001. –160 с.
16. **Денисевич, Н.И.** В финском концлагере. Воспоминания и размышления / **Н.И. Денисевич.** Выпуск пятый. –Минск: Историческая мастерская, 2007. –244 с.
- 17.
18. **Драпезо, П.** Этого забыть нельзя / **П. Драпезо.** –Минск: Змицер Колас, 2006. –68 с.
19. Жива... Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и док. / сост. **М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман.** Выпуск второй. –Минск: Историческая мастерская, 2005. –258 с. +26 с ил.

20. Жукова, М.И. Война причиняет мне боль / М.И. Жукова. Под ред. К.И. Козака Минск: И.П. Логвинов, 2010. – с.
21. **Завольнер, Г.** Жизнь дарованная судьбой. Книга воспоминаний бывшей узницы Минского гетто / Г. **Завольнер**. –Минск: Энциклопедикс, 2004. –92 с.
22. **Завольнер, Г.** Спасенные из ада. Жизнь и судьба / Г. **Завольнер**, Р. **Гальперина** Выпуск первый. –Минск: Историческая мастерская, 2004. –136 с.
23. **Завольнер, Г.** Судьбой написанные строки / Г. **Завольнер**, С. **Каплинский**. – Минск: Энциклопедикс, 2007. –152 с.
24. **Краснапёрка, Г.** Пісьмы маёй памяці / Г. **Краснапёрка**. –Мінск, 1984.
25. **Кроз, В.** Навечно в памяти: Минское гетто – и жизнь, и слезы, и любовь.... / В. **Кроз**, З. **Чаусская-Ильяшова** Выпуск шестой. –Минск: Историческая мастерская, 2007. –70 с.
26. **Кузнецов, М.Т.** Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника: исповедь о пережитом / М.Т. **Кузнецов**. –Могилев: МГУ, 2004. –384 с.
27. **Кузнецов, М.Т.** Послание времени: обретение смысла пережитого / М.Т. **Кузнецов**. –Минск, Право и экономика, 2007. –409 с., [18] с. ил.
28. **Левина-Крапина, М.И.** Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто / М.И. **Левина-Крапина**. –Минск: Змицер Колас, 2008. –148 с.
29. **Марголина, С.М.** Остаться жить / С.М. **Марголина**. –Минск: Натако, 1997. – 67с.
30. **Марголина, С.М.** Остаться жить / С.М. **Марголина**. –Минск: И.П. Логвинов, 2010. –117с.
31. **Нехай, О.** Ради жизни на земле / О. **Нехай**. –Минск, 2004.
32. Очищение: сборник статей / сост. Н. **Полякова**. –Минск, 2008. –144 с.
33. Пуховщина помнит... Сборник воспоминаний о детях войны / сост. Н.А. **Гурин**. – Минск: Голиафы, Энциклопедикс, 2009. –282 с.
34. **Родзинский, Г.** Дети гетто / Г. **Родзинский**. –Тель-Авив, 2004.
35. **Рубенчик, А.** Правда о Минском гетто: Док. повесть узника гетто и малолет. Партизана / А. **Рубенчик**. –Тель-Авив, 1999. –192 с.
36. **Смоляр, Г.** Мстители гетто / Г. **Смоляр**. Перевод М. **Шамбадал**. –М.: Дер Эмес, 1947. –128 с.
37. **Сотников, Е.** Страшно вспомнить / Е. **Сотников**. –Могилев, 2004.
38. **Трейстер, М.** Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedächtnis... Erinnerungen, Überlegungen und Publikationen / М. **Трейстер**. Отв. ред. К.И. Козак. Выпуск четвертый. –Минск : Историческая мастерская, 2007. –242 с.
39. **Цветкова, Н.Т.** В фашистских застенках. Записки / Н.Т. **Цветкова**, З.М. **Лишакова**, А.Ф. **Тринда**. –Минск, 1958. –278 с.
40. **Шепетинский, Я.** Приговор / Я. **Шепетинский**. –Тель-Авив: Кругозор, 2002. –175 с.
41. **Gavi, J.** Young hero of the Minsk Ghetto / J. **Gavi**. –Paducah, 2000.
42. **Krasnoperko, A.** Briefe meiner Erinnerung. Mein Überleben im jüdischen Ghetto von Minsk 1941/42 / А. **Krasnoperko**. –Schwerte, 1991.

43. **Krasnoperko**, A. Briefe meiner Erinnerung: Mein Überleben von Minsk 1941/42. –Dortmund, 1998
44. **Loewenstein**, K. Minsk, im Lager der deutschen Juden / K. **Loewenstein**. –Bonn, 1961.
45. **Nechai**, O. Gedanken in Erinnerung an mein Leben / O. **Nechai**. –Oranienburg, 2006. –239 s.
46. **Shepetinski**, J. Die Jacobsleiter / J. **Shepetinski**. Zurich, 2005. – 204 s.
47. **Smolar**, H. The Minsk Ghetto. Soviet–Jewish Partisans Against the Nazis / H. **Smolar**. –New York, 1989.
48. **Rosenberg**, H. Jahre des Schreckens. ...und ich blieb übrig, das ich Dir's ansage / H. **Rosenberg**. –Göttingen 1985.
49. Wenn Worte schreien und weinen. Tagebücher der Ljalja und Berta **Bruck**. –Dortmund, 2008.

